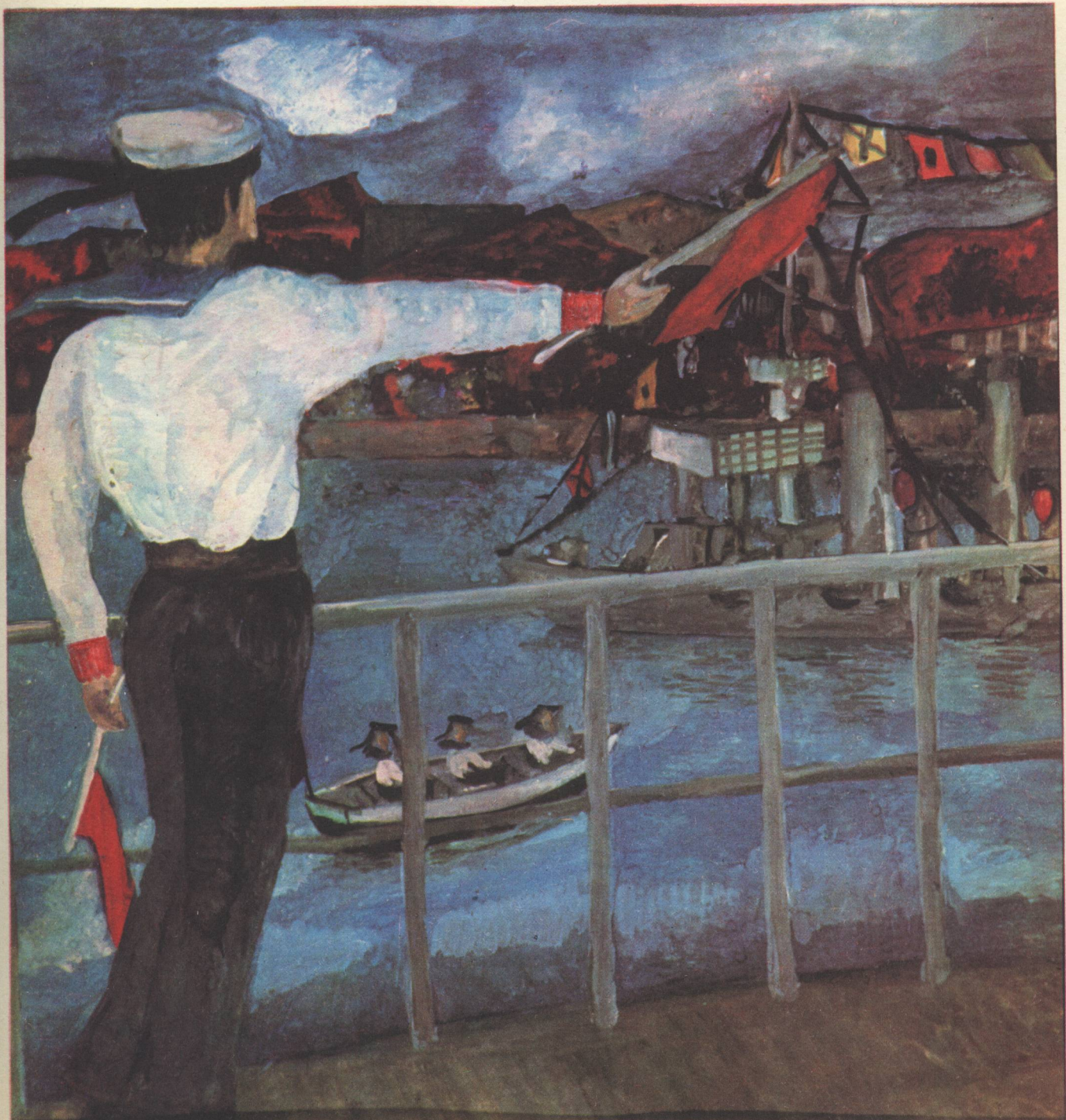

Космёр
10
ОКТЯБРЬ
1971

Костёр

10

ОКТАБРЬ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

**Главное дело Веры
Карповой**

1

Всегда вожатый

12

**В семье должен быть
порядок,
в семье должен быть
герой**

15

**Здесь делают
кометы**

26

**Знак ГТО — каждому
спринтеру**

50

„Создать в Западной Сибири крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности... Завершить строительство железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут“

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

ДЕВУШКА В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ

Г. Балует

Рисунки Н. Еустова

Я хочу рассказать о Вере Карповой. Это она помогла мне понять, зачем и какие люди едут в Тюмень.

Если по порядку, то Вера Карпова заболела. Бывает, не ждешь, не гадаешь — и вдруг несчастье как снег на голову. А Вера тем более не ждала — у нее прекрасно все шло: отличница, в школе ее любили, папа главный инженер на заводе, у папы машина... Забыл еще сказать, что жила Вера в Новороссийске, у самого Черного моря, а рядом, за городом, горы. Она и по горам лазить умела, и бычков с причала ловить научилась. А как прекрасны осенние шторма! Может, они и не прекрасны, потому что ветер такой, что даже корабли в открытое море, бывает, уносит, но Вера очень любила, когда зеленые валы с грохотом обрушиваются на берег, и брызги взлетают над причалом, и ветер давит на тебя со страшной силой и пытается сбросить, но разве Вера поддастся! Крепкая, загорелая, как чертенок...

И вдруг — ангина, а после ангины — осложнение на сердце. И вот неожиданно рушатся все планы, и Вера Карпова оказывается в больнице.

Читать — и то запретили врачи.

Прошел год и другой, закончили школу и разлетелись товарищи. Только Лариса, надежный друг, приходила ее навестить.

— Какой ужас! — округляла глаза Лариса. — Уж лучше бы выпало это мне. Все равно жизнь у меня, какая-то серая — уж одно к одному... А у тебя так блестяще все шло!..

— Ничего, еще попрыгаем, — говорила Вера, утешая подругу.

Когда Вера выздоровела, она устроилась в горком комсомола учетчицей, выписывала комсомольские путевки. Из ее комнатки ребята и девушки уносили направления в Среднюю Азию, на Дальний Восток, на Крайний Север или в Сибирь. В комнатке словно бы веяло всеми ветрами: сухим пустынным, и таежным, насыщенным густым запахом хвои, и ледяным, заполярным. Но ребята уходили, забрав путевки, и оставался лишь заваленный бумагами стол, и не было уже ни дыхания Арктики, ни пустыни...

В один из таких дней Вера Карпова достала из пачки чистый бланк и вписала свою фамилию. И адрес: Сибирь, строительство железной дороги Тюмень — Сургут, ударная комсомольская стройка.

Оставим, однако, на время Веру Карпову, тем более что момент тягостный, родители ее потрясены: дочка, только-только вырвавшись из лап смерти, едет в Сибирь, где и здоровому человеку трудно, — оставим Веру и сами направимся в Западную Сибирь, в город Тобольск, на строительство железной дороги.

Если нынче Западная Сибирь — это нефть, то самое богатое месторождение — это озеро Самотлор, на излучине Оби, в глухой тайге.

Нефть в наше время — это все. Не будет ее — остановятся

заводы, поезда, трамваи, не смогут подняться в воздух самолеты, холодно станет в домах и даже лекарства исчезнут из аптек, потому что многие из них делаются из нефти.

Нефть нужно взять во что бы то ни стало. Я видел, как ее берут. Видел заиндеветшие вышки в тайге, и газовые факелы, дико мотающие огненными бородами на ветру, и вездеходы, пробивающие дороги в глубоком снегу.

Здесь очень трудно. И трудно не только потому, что холодно и дико, но и потому, что многого не хватает — не подвезти, нет дорог. Потому-то так нужна железная дорога Тюмень — Сургут. До Тобольска она уже дошла. И я поехал в Тобольск.

Приехал, я сразу попал на совещание к начальнику управления Королеву. Молодой, весь высохший, почерневший от забот и волнений, он убеждал:

— Километры, километры и километры! Людей — вперед! Технику — вперед! Использовать зимник до последней возможности!

Его слушали прибывшие с мороза прорабы. В тепле они разомлели, раскраснелись, расстегнули шубы. Среди них был старший прораб Карачинцев, на которого начальник сердит был больше всего.

А сердит был потому, что из-за Карачинцева, в общем-то, все застопорилось: он командовал таежным десантом. Десант — это человек двадцать парней и девушек. Их забросили в глубь тайги, и они шли первыми по трассе на Абакан. Вернее, они оставляли за собой трассу. Впереди же была тайга, реки, болота...

На следующее утро мы с Карачинцевым на грузовой машине выехали в тайгу, к реке Ингаир, где стояли вагончики таежного десанта.

— Ингаир, знаешь, у меня где? — сказал старший прораб Карачинцев. Он хотел было

показать, где именно, но в своих шубах мы так жестоко сдавились в кабине, что Карачинцев только пошевелил пальцами, сбросив пепел на грудь.

ЗИЛ плыл, качаясь, по синей траншее зимника. Зимник — это дорога, проложенная зимой прямо через замерзшие болота, реки и озера. Ослепительные снега взлетали на увалы, а за увалами снова зернисто сверкали снега. И в этой бесконечности льдистого неба, холодного блеска, морозного визга лишь одно было родным и близким — черные рельсы, которые где-то на 80-м километре от Тобольска, у реки Ингаир, кончались, и с укладкой там что-то никак не ладилось, хотя и техника там была, и все необходимое.

— Это всегда так, — философски заметил Карачинцев, — не ладится, не ладится, а потом пойдет... Я им такой подарок везу!.. Коменданта везу! Веру Карпову!

Я вспомнил, что в кузов, в фанерную кибитку, вместе с поварами погрузилась девчушка, колобочек в лисьей шапке с длинными ушами.

— Ну, тогда-то что, — связывал я, — тогда дело у вас пойдет.

Карачинцев хмыкнул, но ничего не сказал.

— Ты знаешь, кем она у нас, Вера, была? — спросил он погоды. — Тó-то! Она была комсоргом всей стройки, всех десантов.

Однажды начальник отдела кадров ей говорит: «Подбери десять надежных парней, пошлем их в Омск учиться на шоферов». «Ладно», — говорит Вера. И приводит девять парней. «А где же десятый?» — удивляется начальник отдела кадров. «Вот он», — говорит Вера и тычет пальцем в себя. Начальник отдела кадров со смеху покатился, а Вера как стукнет кулаком по столу: «Чем я хуже их, ну-ка, скажите?» И поехала, выучилась, вернулась. А машины у нас,

видал, какие? Колесо в рост человека — иначе в тайге нельзя!

Летом поехала она в отпуск, в Новороссийск, — про-

ны фантастично выглядели плато и четыре вагончика, поставленных квадратом.

Они промерзли до стеклянного хруста, а внутри на кой-

— Здорово, мальчишки! От-
вертка найдется?

— Ремонтировать будешь?

— Ага.

Парень с буйной челкой по-

должал Карачинцев. — До-
ехала на поезде до Краснода-
ра и вспомнила, что у нее шо-
ферские права. Сошла с поез-
да, взяла напрокат «Москвич»,
покатила домой на автомоби-
ле. Дома — знакомые ребята:
«У нас сегодня комсомольский
актив — выступи на активе». От-
чего же не выступить, раз
просят? Вышла на трибуну,
выступила — и привезла с со-
бой из отпуска семьдесят до-
бровольцев.

К вечеру мы добрались до
реки Ингаир. Под блеском лу-

как лежали парни, накрыв-
шись тулупами, в шапках, в
валенках. Я сел на лавку и по-
чувствовал, что не в силах
подняться, пошевелиться, вы-
молвить слово, — так сказался
морозный день. Мне понятна
стала апатия этих парней,
только что прибывших с по-
лотна дороги.

Вдруг в вагончик вместе с
клубами пара ввалилась Вера
Карпова, согнувшись под тя-
жестью бензопилы, валявшей-
ся до этого на снегу перед ва-
гончиком:

кряхтел, поохал, спрыгнул с
верхней полки:

— Давай покажу, как это
делается.

— И то правда! Страсть
люблю наблюдать. — Вера за-
смеялась хриловато. Голосок
у нее оказался зычным и рез-
ким.

— Тем более, что пилить все
равно нечего, — добавил па-
рень. — Дрова кончились.

— Тракториста можно уви-
деть? — спросила Вера.

— Ну? — раздалось из-под
тулупа.

— А, Серега! Ты мне только заведи. Я сама сгоняю... Разбираюсь же.

— Ну, Веруня, — сказал под тулупом Серега, — не дожишься с тобой до пенсии.

Вера опять с готовностью засмеялась.

— Видать, Карачинцев все-ррез за нас решил взяться, раз тебя привез.

— Давай, Сереженька, набирайся духу и вылезай из-под шубы, не допустишь же ты,

— Ложиться, вставать — лишние хлопоты. Может, поедем, начнем укладку? — спросил парень с челкой.

И все дружелюбно засмеялись, а Карачинцев сказал, что, может, все-таки лучше потерпеть до утра, а то лунный свет обманчив, вместо Сургута потянем еще дорогу в Гагры...

Рано утром все уехали на укладку. Только хриловатый голос Веры раздавался над плато. В вагончиках и в кухне

главное дело». Железная дорога через тайгу стала именно таким главным делом для нее и для тысяч ребят.

Позвонил из Тюмени начальник строительства Герой Социалистического Труда Коротчаев, и Вера сняла трубку. Рядом навтыяжку стоял старший прораб Карачинцев и подсказывал ей ответы. Вера раздраженно махнула рукой.

— Погодите об укладке, — сказала она хрипло. — Объясни-

чтобы девушка у тебя в гостях замерзла.

Через час Серега приволок трактором связку сухих стволов. Зудила бензопила под окном, исходила жаром чугунная печка. А парни в спортивных костюмах, выбритые, повеселевшие, сидели на койках, на лавке у накрытого клеенкой стола и изводили чайник за чайником.

И хоть был уже поздний час, все никак не могли разойтись, рассказывали какие-то далекие истории, усмехались, кто-то в другой половине вагончика трогал струны гитары.

под обрывом шла работа: носились с ведрами, с тряпками девушки-истопницы, поварихи. Какой-то могучий импульс был заключен в этой двадцатитрехлетней девчонке, Вере Карповой, ей все подчинялись без принуждения.

И уехавшие на укладку ребята почувствовали, очевидно, это еще сильнее: к ним в де-сант пришла удача.

К вечеру лагерь блестел. К вечеру укладка шла полным ходом. А я все думал, что привело сюда, в глухомань, этих ребят. И вспомнил слова Веры: «Надо в жизни сделать

те лучше, почему до сих пор нет приемника, почему?.. Кто говорит? Вера Карпова говорит.

— Ну вот что, Вера Карпова, приемник обещаю, будет...

— Мы сами знаем, что будет, — сказала Вера. — Вопрос в том, когда. Завтра? Хорошо, объявлю ребятам. А с укладкой порядок, идет укладка...

— Ну, Вера, — сказал Карачинцев, когда трубка была положена, — ну, Карпова! Ты меня до инфаркта доведешь. Кончишь институт, приходи ко мне прорабом.

БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Вильям Козлов
Рисунки Н. Лямина

Мотор тащили на себе по очереди. А тащить его нужно было ни мало ни много — три километра. На рейсовом автобусе они доехали до небольшого поселка. Это почти восемьдесят километров от Ленинграда, а теперь вот нужно по проселку топтать пешком. Мотор весит двенадцать килограммов, бачок с бензином — пять, да еще рюкзак с продуктами и рыболовными принадлежностями, а удочки вообще не в счет.

Поехать порыбачить на Вуоксу предложил Василий Иванович Рыбаков. Он сказал, что в небольшой деревушке, на самом берегу, живет его старый знакомый. Он всегда даст свою лодку и покажет самые рыбные места. Знакомого звать Поликарп Матвеевич, и он работает егерем. Всю жизнь воюет с браконьерами. Костя от себя прибавил, что егеря очень хороший дядька. Здоровенный, с длинной седой бородой. Браконьеры два раза в него стреляли из ружья.

В субботу после занятий Ваня и Андрей, как условились, в два пришли к Рыбаковым. На пороге их встретил расстроенный Костя.

— Лопнула наша рыбалка? — сразу понял, в чем дело, Ваня.

— Отец срочно вылетел в Москву, — сообщил Костя. — В командировку.

Мальчишки поставили в прихожей рюкзаки и уселись на них с кислыми минами. В углу белел «Салют». С тех пор как в первый раз опробовали мотор на Неве, стали оставлять его у Кости.

— Ты ведь бывал на Вуоксе? — взглянул Ваня на Костю.

— Бывал.

— И егеря знаешь?

Костя так весь и просиял:

— И дорогу знаю, и егеря... Едем!

— А мотор на себе? — спросил Андрей.

— Втроем как-нибудь дотащим! — весело сказал Ваня.

И вот теперь по очереди тащат. Желтая песчаная дорога виляет в негустом смешанном лесу. До чего же красив этот поредевший осенний лес! Необлетевшие листья на березах ярко-желтые, как солнечные пятки, а на осинах — красные, с темно-зеленой каемкой, полные шапочки ягод рябины рдеют высоко над головой. У рябины листья все еще зеленые. Ягоды клюют черные дрозды и синицы. Завернет откуда-нибудь из-за облаков ветер в лес и залопочут, зашуршат, отрываясь от ветвей, разноцветные листья. Долго порхают они меж стволов, прежде чем опустятся на землю. Листья и еще бы полетали, но ветер не задерживается долго в лесу: ныряет в просеку и убегает по замшелым черным пням, низко пригибая коричневые метелки конского щавеля.

Костя и Андрей идут и любуются природой, а Ване не до этого. Обливаясь потом, он тащит на плече мотор. Судя по всему, он уже прошел свой километр, но Ваня не останавливается. Лучше лишку пронести, чем потом выслушивать упреки друзей.

Наконец всем ясно, что давно перевалило за километр, и Андрей говорит:

— Остановись, славный богатырь Микула Селянинович, пришла очередь героя Добрыни Никитича...

— Я, конечно, млад Алеша Попович, — говорит Костя.

Отрывок из повести «Едем на Вял-озеро», подготовленной к печати в издательстве «Детская литература».

— Если хочешь, будь Соловьем-Разбойником, — смеется Андрей. — Только ты больше всего смеиваешься на Василису-красу, длинную косу...

Костя немного вытянулся за лето. Темные волосы спускаются на воротник, щеки шелушатся, а нос красный. Длинные девчоночьи ресницы топорчатся.

Андрей долго и обстоятельно прилаживает на плечо завернутый в мешковину мотор, ногой отмечает на земле черту.

— На обратном пути проверим, кто больше всех пронес, — поясняет он.

Метров через двести останавливается и начинает перекладывать мотор на другое плечо.

— Тащим такую тяжесть, а нам возьмут и лодку не дадут, — говорит он. — Вот обидно будет!

— Дадут, — отвечает Костя. — У егеря три или четыре лодки.

— Костик, ты говоришь, от шоссе до твоего егеря ровно три километра?

Не понимая, куда он клонит, Костя кивает:

— Верно, три.

— Ровно-ровно три? — уточняет Андрей.

Костя удивленно смотрит на него.

— Может, чуть ближе или дальше, — отвечает он.

— Мои два шага — полтора метра. Это давно проверено. Я пру этот агрегат ровно один километр, а потом ты до самого дома... Мне осталось тысячу сто сорок шагов.

— Иди, великий математик, не торгуйся, — подталкивает Андрея в спину Ваня. — Шаги считает!

— Если лодку нам не дадут, я предлагаю утопить мотор в Вуоксе, — говорит Андрей. — Не переть же его обратно?

— Одна тысяча триста один... — спотыкаясь, считал вспотевший Андрей. — Всё! — Ровно километр. Можете рулеткой проверять. Ладно, так и быть, еще сто шагов пронесу, чтобы был километр с гаком.

Наконец мотор взвалил на плечо Костя. Шаги он не считал, но когда, по Ваниным подсчетам, Костя уже протопал с добрый километр, деревни еще не было и видно. Андрей шагал рядом и посмеивался, а Ване стало жалко Костю, несмотря на протесты, он отобрал мотор и понес.

Поликарпа Матвеевича дома не оказалось. Он еще вчера уехал в город. Вот-вот должен заявиться. Пожилая женщина с загорелым лицом — жена егеря — сразу узнала Костю и захопотала: налила в глиняные кружки молока, нарезала хлеба. Ребята с удовольствием поели. Жена егеря взяла в сарае весла и повела мальчишек к широко разлившейся в этом месте реке. У причала с настилом отомкнула

ржавым ключом небольшую фанерную лодку и предупредила:

— Там за излучиной течение сильное, не долго и опрокинуться. Мой вам совет — держитесь ближе к берегу, не то унесет вас в Ладогу. Этой весной троих мужиков утащило, так на вертолете разыскивали...

— И нашли? — спросил Андрей.

— Они уже себя утопленниками считали... Буря поднялась, полная лодка воды...

— Вы не беспокойтесь, мы не в первый раз на рыбалке, — сказал Ваня.

— Мы за полярным кругом были, — прибавил Андрей. — На Вял-озере.

— Бывалый народ, — ввернул Костя.

— А что же отец твой не приехал? — спросила женщина.

— В Москве он.

— Держитесь берега, — сказала женщина. — С нашей Вуоксой шутки плохи.

— Будем ловить на плесе, тетя Вера, в устье, — сказал Костя, — а дальше не поплывем.

Они на веслах вошли в излучину, а женщина все еще стояла на берегу и смотрела в их сторону. И лицо у нее было озабоченным. Ваня боялся одного: как бы тетя Вера не крикнула им, чтобы возвращались обратно. Поэтому он стал поскорее готовить к запуску мотор: затрещит, ничего будет не слышно.

За излучиной, где река стала еще шире, наконец, запустился мотор. Ваня так и расплылся в довольной улыбке. Приятно, когда мотор легко заводится. Под лучами солнца желтая прядь янтарем сверкала на его лбу. Лодка шла хорошо. Мотор работал негромко, можно даже разговаривать. Андрей и Костя разбирали снасти. Там дальше Вуокса вольно и широко вливалась в Ладожское озеро. Кое-где вдалеке на чуть подернутой рябью сине-зеленой воде чернели маленькие лодки. У берегов вода была тихая, и облака отчетливо отражались на темной глади.

Встали на плесе. Большой рогатый якорь сначала потащился по течению, потом воткнулся в дно, и лодка остановилась, развернувшись в сторону озера носом. Нанизали на крючки выволоков. Вчера поздно вечером Ваня и Андрей часа три ползали по парку с фонариком. Штук тридцать поймали. Выволоки были толстые, упругие и яростно сопротивлялись, когда их насаживали.

Длинные лески пустили по течению и стали ждать. Ключуло у Кости. Он заволновался, подсек и стал тащить, не в силах сдержать счастливой улыбки. Попался небольшой юркий окунь.

— А дернул, как лещ, — разочарованно сказал Костя.

Ваня вытащил окуня побольше, но и этому

было далеко до тех северных красавцев из Вял-озера. У Андрея что-то не клевало. Он ерзал на сидении, поддергивал удочкой, но поплавок не шевелился.

Костя вдруг приподнялся, глаза впелись в то место, где только что был поплавок. Поплавка не было.

— Лещ-батюшка! — свистящим шепотом сказал он. — Я по поклевке почувствовал.

— Андрей, приготовь подсачник! — командовал Ваня. — Ну, Костик, давай подводи...

Удочка согнулась, натянувшаяся жилка пускала радужные зайчики, а лещ ни с места.

— Тащи! — переживал Ваня. — Ну что ты глаза таращишь?

— Не идет, — пробормотал Костя. — Видно, здоровенный...

Ваня не выдержал и, наступив Андрею на ногу, перебрался к Косте на нос лодки.

— Давай я сам, — сказал он. Костя безропотно передал удочку.

— Откуда брать батюшку-то, с головы или с хвоста? — спросил Андрей, вытянув руку с подсачником.

— С головы, — буркнул Ваня. — И с хвоста можно.

— Так все-таки с головы или с хвоста? — допытывался дотошный Андрей.

— Хватай за уши! — отмахнулся Ваня. Кончик удочки воткнулся в воду, жилка трепетала, как балалаечная струна, а лещ и не думал показываться. — Какой же это лещ, Костя?

— Может, громадная щука?

— Зацеп, — сказал Ваня. — Эх ты, рыбак! Зацеп не можешь отличить от поклевки.

— Я почувствовал, как дернуло, — возразил Костя. — Два раза.

Пришлось вытаскивать якорь и плыть к зацепу. Не обрывать же жилку и крючок. В том месте, где показался поплавок, бросили якорь. Ваня потянул леску, она тяжело стала подаваться. Наконец показался крючок, зацепившийся за толстую зеленую жилку. Жилка вдруг натянулась и задержалась.

— Перемет! — догадался Ваня. — Там что-то есть.

— Я говорил: дернуло, — сказал Костя. — Отцепи и брось, — посоветовал Андрей.

— Перемет — запрещенная снасть. Это еще хуже сетей, — сказал Ваня. — Ясно, браконьеры поставили.

— Черт с ними, — стал озираться Андрей. — Поплыли отсюда подальше. Они ведь из ружья пальнуть могут.

— Отец бы не оставил здесь перемет, — сказал Костя.

— Гребки к берегу, а я буду вытаскивать, — шепотом командовал Ваня. — Да не бойтесь вы... Так уж за каждым кустом и сидят они с ружьями.

Мальчишки с опаской посмотрели на настоженно притихшие берега. Камыш и прибрежные кусты шевелились, негромко скрипел расщепленный сук на сосне, бормотала в оскоке птица.

Ваня осторожно стал втаскивать в лодку

перемет. Задергался небольшой подлещик, потом здоровенный окунь, щука...

Громкий всплеск заставил подскочить на месте Андрея и Костю: это Ваня перевалил через борт... зеленую змею! Змея извивалась и раскрывала маленькую усеянную мелкими острыми зубами пасть. Ваня попытался схватить змею за туловище, но она выскользнула и шлепнулась Андрею на ногу.

— Она меня укусит! — заорал тот.

— Не она, а он, — усмехнулся Ваня. — Это угорь. Я таких больших еще не видел.

— Я думал, водяная змея, — сказал Андрей, усаживаясь на место.

Ваня хотел отцепить рыбину, но крючка не было видно, и, махнув рукой, стал выбирать перемет дальше. Казалось, зеленой жилке с крючком не будет конца. Когда они причалили к пустынному берегу, в лодке собрался огромный путаный ком с угрями, лещами, судаками. Даже на Вял-озере мальчишки не видели сразу столько крупной рыбы.

— Я сейчас, — сказал Костя и ушел за кусты.

Ваня и Андрей, озираясь, принялись освобождать живую, попавшуюся на крючки рыбу. Сняв очередную жертву с крючка, заходили по колено в воду и отпускали. Угри и судаки стремительно уходили в глубину, даже не потревожив поверхности. Лещи и щуки на прощанье громко всплескивали, оставляя на воде круги. Не снялся с крючка только самый большой угорь, который так напугал Андрея и Костю. Он проглотил наживку, и крючок застрял в желудке. С десятков рыбин подохло на крючках.

— Сколько рыбы загубили! — Ваня смахнул пот со лба. Не такая уж легкая эта работа — снимать пойманных рыб с крючков. Особенно скользких змееподобных угрей. Да еще все время нужно вертеть головой: не идет ли хозяин перемета...

— Бросай рыбу в лодку, — сказал Андрей. — Отдадим егерю.

На берегу показался Костя. Вышагивая на цыпочках гусаком, он прикладывал палец к губам и кивал головой на лесистый пригорок. Ваня сгреб в охапку перемет и швырнул в лодку. Андрей уперся грудью в нос лодки, стараясь спихнуть ее в воду.

— Они сидят у костра, — шепотом сказал Костя. — Я чуть на них не наскочил...

— Чего это тебя туда понесло? — пробурчал Андрей. — А если бы застукали?

— Много их? — спросил Ваня.

— Четверо. Сидят выпивают. Слышите, транзистор играет? А лодка их спрятана в камышах. Вон за тем мысом.

— Сматываемся, братцы, пока не влипли! — сказал Андрей.

— Забирайтесь в лодку и ждите, — распорядился Ваня. — Я сейчас...

— К ним? — спросил Андрей.

Ваня не ответил. Когда он скрылся в кустах, Андрей вздохнул:

— Ну, чего суется на рожон? Треснет сушок — и сграбастают его как миленького... С браконьерами шутки плохи.

— Мой папа с Поликарпом Матвеевичем этим летом уже пятерых накрыл, — сказал Костя. — Это они в кустах храбрые, а когда с лососями прихватили, овечками прикинулись.

— Мы приехали рыбу ловить, а не браконьеров.

— Ты не прав, — сказал Костя. — С этими гадами нужно всем бороться. Они же уничтожат всю рыбу. Вовек столько им не сожрать, сколько наловят. Они готовы все захватить, и большую и маленькую, а другим — кукиш! Не знаю, как ты, а я ненавижу браконьеров. И отец мой ненавидит.

— Можно подумать, что я их люблю! — усмехнулся Андрей. — Пусть их ловит милиция, я только рад буду.

— Ваня не так думает, как ты, — сказал Костя.

— Вытащив у браконьеров перемет, я бы не пошел к ним в гости, — заявил Андрей. — Это тоже самое, что засунуть руку в пасть к крокодилу.

— Я бы тоже не пошел, — признался Костя.

Вернулся Ваня. Молча забрался в лодку, сел на весла. Лицо хмурое, озабоченное.

— Мы уж думали, ты с ними уху хлебаешь, — сказал Андрей. — Какие они на вид? Похожи на тех самых браконьеров, которых играют в кино Моргунов, Вицин и Никулин?

— Серьезные мужички, — сказал Ваня.

— Я и говорю, лучше держаться от них подальше.

— Мы это и делаем, — сказал Ваня, налегая на весла.

— Куда ты гребешь? — заволновался Костя. — Там сильное течение, подхватит и прямо на пороги выбросит...

— Бросай якорь! — приказал Ваня.

Андрей пожал плечами и плюхнул через борт рогатую железку.

— Не давай ему упасть на дно, — сказал Ваня. — Пусть за нами тащится.

Так они плыли минут десять. С якорем лодка сильно замедлила ход. Андрей почувствовал — он держал веревку от якоря внатяжку, — как за что-то зацепился. Лодка остановилась. Ваня опустил весла.

— Тащи, — сказал он. — Еще перемет!

Андрей бросил взгляд на берег, покачал головой, но веревку стал выбирать, пробормотав:

— Зачем мы выползков ловили? Якорем рыбу из озера пудами таскаем...

— Это разве люди? — сказал Ваня. — Их всего трое, а всю речку готовы обловить. Давиться им этой рыбой, что ли?

— На продажу, — сказал Костя.

На этом перемете рыбы было меньше. Штук десять угрей и шесть судаков. Все рыбины были живые, и мальчишки тут же выпустили их на волю.

— Выбросим перемет? — предложил Андрей.

— Зачем? — возразил Ваня. — Отдадим егерю.

— Запускай мотор и — к дому, — сказал Костя. — Нам, считай, здорово повезло... Обычно всегда кто-нибудь снасти караулит.

— Они водку глушат, — усмехнулся Ваня. — В кустах полно пустых бутылок.

Он рассказал, как на животе подполз к самому костру и стал слушать. Один из браконьеров и сказал про второй перемет... Они всю реку перегородили. И еще у них капроновые сети поставлены. В самом устье. Там человек с ружьем караулит. Завтра рано утром придет за ними машина. К этому времени они все должны вытащить и приготовить. Живут они в Ленинграде.

— А как же наша рыбалка? — сказал Андрей. — Так и будем с браконьерами воевать?

— Сколько ценной рыбы спасли, — сказал Ваня. — На каждом перемете, наверное, по пятьсот-шестьсот крючков.

— Так бы и сказал, что браконьеров будем

трясти, а не рыоалить, — проговорил Андрей. — Стоило в такую даль мотор на себе тащить.

— Не ворчи, — сказал Ваня. — Выедем на вечернюю зорьку. Самый клев.

— Нет уж, спасибо, — сказал Андрей. — Я на берегу посижу... Костя, тут есть грибы?

— На том берегу видишь сосняк? В прошлом году мы с отцом там по корзинке белых набрали, — ответил Костя.

— То в прошлом году, — сказал Андрей. — В прошлом году я белый гриб нашел в два килограмма весом. И ни одной червоточки.

Никто из мальчишек не заметил, как из леса вышел человек в зеленых брюках и ковбойке. Присев на корточки, стал из-за кустов наблюдать за мальчишками в лодке. В руке у человека была бутылка с пивом. Человек поднялся и, укрывшись за толстым стволом, допил пиво. Негромко выругавшись, размахнулся, чтобы швырнуть бутылку в реку, но раздумал — небрежно бросил в кусты. Проводив долгим взглядом удаляющуюся лодку, человек снова направился в глубь сосняка, где чуть заметно курился сизый дымок

от костра. Качнулись кусты, обронив несколько желтых листьев, и все затихло.

Не доезжая до излучины, за которой уже виднелся на пригорке дом егеря, Ваня разогнал лодку и выключил мотор. Лодка до половины вылезла на песок.

— У них тут спрятан садок с угрями, — сказал Ваня. — Штук пятьдесят угрей.

— В войну ты стал бы знаменитым разведчиком, — проворчал Андрей. Ему не нравилась эта опасная игра с браконьерами. Хотелось закинуть удочку и спокойно сидеть в лодке, дожидаясь, когда клонет сам батюшка-лещ. Андрею давно хотелось поймать настоящего золотистого леща.

— Костя, иди вдоль берега и гляди на камыши, — сказал Ваня. — Увидишь веревку, свистни!

Костя первым выскочил из лодки и пошел по береговой кромке.

— А ты пойдешь...

Ваня не успел договорить, как Андрей, вытаращив глаза, вдруг подскочил на сидении и дико заорал:

— Оно кусается!

Это угорь ухитрился его цапнуть за босую ногу. Ваня рассмеялся, но улыбка тут же сошла с его лица: прямо перед ними стоял высокий человек в зеленых парусиновых брюках, клетчатой ковбойке с закатанными рукавами и выгоревшей соломенной шляпе, низко надвинутой на сузившиеся глаза. Человек взглянул на спутавшиеся переметы, потом перевел тяжелый взгляд на мальчишек.

Андрей как открыл рот, чтобы ответить Ване, так и позабыл его закрыть. Про угря он вмиг забыл. Ваня выпрямился и молча смотрел на незнакомого человека. Мелькнула было мысль, что это егеря, но во взгляде человека было столько злобы, что Ваня сразу же отогнал эту спасительную мысль.

— Переметам хана, — снова взглянув на огромный спутавшийся ком из жилки и крючков, подвел итог человек. — Теперь их сам дьявол не распутает.

Эти слова прозвучали спокойно. Слишком спокойно, и от этого стало еще страшнее.

Человек протянул большую мускулистую руку и за шиворот выволок Ваню из лодки. Поставил напротив и, приподняв его голову за подбородок, заглянул в глаза:

— Мальчик, а куда вы нашу рыбку подевали? Ту самую, что с переметов снимали. Я что-то не вижу ее в лодке.

— Выпустили, — сказал Ваня. — Обратю в речку. Переметами не разрешается ловить...

— Выпустили, значит... — повторил человек. — Мы старались, ловили, а вы приехали и всю нашу рыбку тю-тю...

— Переметами здесь нельзя ловить, — глядя на него исподлобья, сказал Ваня.

— Молодец, все законы знаешь, — усмехнулся человек. — Вырастешь — большим начальником будешь... — все так же усмехаясь, он вдруг с размаху ударил мальчишку в лицо огромным кулаком. Ваня взмахнул руками и, отлетев в сторону, рухнул на песок. Попытался встать, но глаза у него сделались какие-то отсутствующие, и Ваня уткнулся лицом в песок.

— Вы не имеете права так... — прошептал Андрей. Губы его тряслись, лицо побледнело.

— Сопляки паршивые! — заревел человек. — Такие снасти порешили. А рыбы сколько пропало... Да я вас, выродков, в землю втопчу!

Он схватил мальчишку за грудки и вышвырнул из лодки. Андрей, охнув, перекувырнулся через голову и, не оглядываясь, что было духу бросился бежать по влажному податливому песку. А разъяренный человек прыгнул в лодку и резиновыми сапожниками стал ее крушить. Днище проломилось, бамбуковые удочки с сухим треском расщепились. Человек оторвал от доски мотор и с размаху вышвырнул в воду.

— Дядя-я Поликарп! — раздался пронзительный голос. — Сюда-а! Быстрее-е! Убивают!

Озверевший человек оглянулся через плечо, в последний раз саданул каблуком в борт полузатонувшей лодки и, оставляя на песке глубокие следы, побежал к лесу.

Ваня открыл глаза и застонал. В голове часто-часто стучали два молоточка, во рту вкус крови. Костя — он носил из реки в пригоршнях воду и брызгал на лицо — нагнулся над ним.

— Поймали? — слабым голосом спросил Ваня и выплюнул окровавленный песок.

— Я нарочно закричал «убивают», — сказал Костя. — Тут никого нет.

Ваня, кося глазами и чувствуя тошноту, с трудом повернул тяжелую голову и огляделся.

— Андрей... Где Андрюша? Живой?!

— Живой, живой, — успокоил Костя. — Этот тип как швырнет его в песок...

— Андрей! — слабым голосом позвал Ваня.

— Он туда побежал, — показал Костя, — наверное, за дядей Поликарпом.

— Нашел садок?

— Какой там садок? Я как увидел его, так скорее сюда...

— Надо людей позвать... А то ведь смоятся.

— Одного тебя не брошу, — твердо сказал Костя.

— Здорово он меня разукрасил?

— На лбу синяк здоровенный и скула разбита.

— Надо же, в первый раз в жизни сознание потерял... Искры, разноцветные круги и... ничего больше.

— Вань, у тебя глаза какие-то сонные, — с тревогой спросил Костя. — Тебе плохо?

— Хорошего мало, — сказал Ваня. — Вот чудеса, не встать!

Костя бросился помогать ему. Морщась от боли, Ваня сел и увидел, что осталось от их лодки.

— Мотор где?!

— Он его закинул в воду.

— Вот зверь!

Ваня молча стал стаскивать куртку.

— Очумел! — всполошился Костя. — Ты же на ноги встать не можешь. Достану я мотор. Тут неглубоко.

Послышались голоса, и мальчишки увидели бегущих к ним высокого бородатого человека с ружьем в руках и Андрея.

— Поликарп Матвеевич! — обрадовался Костя. — Ну, теперь браконьеры не уйдут...

— Сперва мотор достань, — сказал Ваня.

Неделю Ваня провалялся дома. Его хотели и в больницу положить, но он наотрез отказался. Врач обнаружил сотрясение мозга второй степени. Ваня сам себе делал свинцовые примочки на лицо, скула зажила, а кровоподтек на лбу упорно держался.

Два раза приходил к нему молодой приветливый человек и подробно обо всем расспрашивал. Он и сообщил, что всех браконьеров задержали. Кроме переметов, у них обнаружили еще около километра капровых сетей.

Молодой человек оказался следователем. Он сказал, что восхищен мужеством школьников, смело вступивших в опасную схватку с матерыми браконьерами. Если бы все наши ребята были такими, как Ваня, Андрей и Костя, то с браконьерами — беспощадными врагами природы — было бы давно покончено раз и навсегда.

На прощанье следователь крепко пожал руку и, достав из кармана большой красивый свисток, вручил мальчишке.

— Свисток этот особенный, — сказал он. — Свистнешь на Невском, а слышно будет на Петроградской... Любой милиционер тут же поспешит на помощь, но ты, как я вижу, парнишка толковый и, надеюсь, попусту свистеть не будешь.

— Только по делу, — пообещал Ваня.

— Выздоровливай, друг, — улыбнулся следователь — Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

— Как видишь, быть настоящим мужчиной не так-то просто...

ВСЕГДА ВОЖАТЫЙ

В Московском Дворце пионеров работает большой знаток истории пионерской организации Дмитрий Дмитриевич Гунин — «Дим Димыч». Он один из первых пионервожатых страны. Память его хранит множество событий пионерской жизни, потому что кем бы ни приходилось быть Дим Димычу — комсомольским или партийным работником, морским офицером или журналистом, он прежде всего был пионервожатым и свои отпуска проводил обязательно в пионерских лагерях.

В кабинете Гунина тысячи писем. Они тщательно рассортированы и уложены в ящики. На каждом конверте пометка — дата ответа. Это переписка вожатого с его воспитанниками за полвека работы. Он и сейчас не прерывает своей переписки.

Дим Димыч среди старших пионервожатых

Вот уже десять лет как Дим Димыч пишет свои воспоминания. Написана чуть ли не тысяча страниц, а повествование доведено лишь до 1941 года.

Здесь вы прочтете три эпизода, рассказанные Дим Димычем.

Под знамя, смирно!

Вспоминается весна 1923 года. Под оглушительную дробь барабанов, по трое в ряд, патруль за патрулем (а теперь мы сказали бы звено за звеном) выходит на Невский проспект пионерская дружина «Молодая гвардия». Это шествие отнюдь не напоминало тех торжественных и радостных зрелищ, которыми мы любовались в 1970 году во время Всесоюзного пионерского слета, когда замирало движение транспорта, когда широкие проспекты заполнялись красногалстучными колоннами.

И все же прохожие с любопытством останавливаются. Доносятся реплики: кто это? пионеры?

— Одно слово, голодранцы! — зло выразила свое мнение какая-то старуха в потертом салопе.

— Чего ты, старая карга! — оборвал ее мужчина в кожаной кепке. — Смелее, ребята, — крикнул он, — шагайте себе на здоровье, а на эту недорезанную буржуазию не обращайтесь внимания.

Мы свернули на Литейный. В колонне запели: «Вихри враждебные...» Песню подхватили, и она зазвучала задорно, как вызов старому миру.

...На базу дружины «Молодая гвардия», она помещалась в подвале дворца на Фонтанке, я — шестнадцатилетний курсант военного училища — пришел по направлению комсомола.

Меня встретил часовой с посохом в руках. Свистком он вызвал дежур-

ного и замер по стойке «смирно».

Познакомился я с ребятами, со штабом дружины — начальником штаба, секретарем, стягоносцем, главным санитаром, казначеем и начальником патрулей.

Чем занимались ребята? Вязали морские узлы, практиковались делать перевязки, изучали дорожные знаки и флажковую сигнализацию, учились подражать пению птиц. Конечно, все это полезно. Но чем еще заинтересовать ребят? Опыта у меня не было, и я посоветовался с другими курсан-

тами. И решили: покажем ребятам наше училище.

Стала дружина готовиться к походу. Устроили смотр — какой патруль лучше пройдет с песней под барабанный бой.

Патрулю-победителю «Лисья норка» досталось право идти первым, сразу после стягоносца со знаменем.

Встретили в училище нас торжественно. Начальник училища сказал: «Пока вы у нас, ваше знамя мы возьмем под нашу охрану, — и командовал: — Дежурный, примите знамя!»

Тот отдал честь и повернулся к двери, где уже стояли трое курсантов. Караул принял знамя дружины и под команду «смирно» знамя унесли.

Мы как зачарованные проводили глазами свой алый стяг. Встреча прошла очень сердечно, закончилась сыпным курсантским обедом. И потом, на лестнице, увидели свое знамя рядом с малиновым бархатным знаменем училища под охраной курсанта, застывшего в положении «смирно».

Замечательный урок уважения к знамени преподали нам в училище. Урок на всю жизнь и для меня, и для всей дружины.

С тех пор я не могу равнодушно видеть, когда после сбора где-нибудь в уголке стоит пионерское знамя. А ведь нередко вожатая еще уговаривает ребят отнести знамя в школу.

В нашей дружине «Молодая гвардия» ребята помнили о знамени не только когда раздавалась команда: «Под знамя, смирно!»

В первый год работы

Лагерь на Лысой горе

Летом 1925 года в Самаре (теперь Куйбышев) мне поручили базу пионеров. Старые скаутские вожатые попросту разбежались, и я остался один на один с девятьюстами недоверчивых запуганных ребят. Как их сплотить! Чем занять всех? Может быть, попробовать организовать лагерь на Волге?

Эту мысль поддержали, и вскоре подходящее место было выбрано близ города, на Лысой горе.

Наступил день, когда двести пятьдесят пионеров с посохами в руках, с рюкзаками за спиной, с лопатками и скаткой-одеялом высадились у Лысой горы.

Нас встретила ударная бригада, отряд пионеров, выехавших заранее, чтобы подготовить все к нашему приезду.

Сейчас мы привыкли, что много взрослых опытных наставников работает с пионерами. А в те годы их просто неоткуда было взять.

В лагере на Лысой горе оказалось всего двое взрослых. Я в свои восемнадцать лет — и начальник лагеря, и старший вожатый, и даже вожатый всех отрядов. И еще тетя Аня — завхоз, повариха и одновременно общая мама.

Собрал я ребят и сказал: теперь во всех делах — вы сами хозяева.

И они взялись за дело. Сами соорудили столы, скамейки, навес для столовой. На поляне стройными рядами выстроились палатки. Спали на подстилке из хвои, покрытой одеялом. Только в санитарной палатке поставили два топчана. Жизнь лагеря налаживалась. С утра отряды, кроме дежурного, расходились по заданиям. В ближайшем детсаду пионеры помогли оборудовать игровые площадки. Помогали крестьянам в прополке овощей, на сенокосе. Взялись в соседнем поселке ликвидировать неграмотность. Затевали игры с местными ребятами. Ежедневно одно звено отправлялось в рыбачью артель чинить сети, помогать на промысле. Конечно, возвращались всегда с солидной долей улова. А это было очень кстати.

Руководил лагерной жизнью актив ребят во главе с пионеркой Людмилой.

— Ну, главная хозяйка, ты подумала, что нам сегодня делать? — спрашивал я по утрам Людмилу.

Что делать — решали сами ребята. Я только был их советником.

Недавно я посетил одну школу-интернат. Поначалу все шло хорошо — построение, рапорта. Одно меня удивило и даже огорчило: девочка — председатель совета дружины — сдала рапорт старшей пионервожатой

и... отошла в сторону. Остальную часть линейки уже вели взрослые. У нас такого не допустили бы, и Людмила не стояла бы в стороне.

Каждый вечер мы разжигали костер. Это были чудесные часы. Нарушая тишину, потрескивали дрова. А мы беседовали о большевиках-подпольщиках, о пражданской войне, о последних событиях в мире. И, конечно, пели хором. И обязательно «Картошку». Иногда устраивали самодельные концерты. Каждый отряд тщательно и «по секрету» готовил программу своего выступления.

Камарадо Димас

Сейчас каждый школьник знает о Вьетнаме. Эта страна для нас — символ борьбы за свободу и независимость.

В те дни, о которых я пведу рассказ, любой советский человек, взяв в руки газету, прежде всего

искал сообщения из Испании, с переднего края борьбы с фашизмом. Любовь к испанскому народу проявлялась во всем. Ребята носили испанские шапочки, девушки повязывали шею косынками, а волосы — шелковыми лентами.

Советское правительство сделало все, чтобы спасти детей революционной Испании от расправы фашистов. Три тысячи ребятишек от трех до семнадцати лет удалось привезти в нашу страну. Пятьсот человек разместили во вновь построенном здании детского санатория в Обнинске. Я кончал уже институт журналистики, когда узнал, что назначен заместителем директора Обнинского детского дома для испанских детей.

Еще в Москве меня предупреждали, что будет трудно. Но только на месте понял, как сложно здесь работать. Испанских детей окружили любовью и заботой. Но поначалу мы не понимали друг друга — не было переводчиков. Все, кто владел испанским языком, добровольцами сражались в Испании с фашизмом.

Первое время маленькие испанцы почти не спали по ночам, их преследовали кошмары фашистских бомбежек. Стоило кому-нибудь во сне закричать, как все вскакивали и с плачем прятались под кроватями. На беду над Обнинском проходила авиатрасса Москва — Киев. Даже днем звук летящего самолета и особенно его появление вызывали панику среди ребят. В конце концов по просьбе ЦК комсомола полеты над Обнинском были отменены.

Однажды со стороны ближайшей поляны мы услышали душераздирающие крики. Сломая голову кинулись туда. И увидели: по поляне с громким криком бегали сотни детей. Они яростно топтали траву, плевались, бурно выражая свое негодование. Едва удалось разобрать: Баллило, Италия, фашисты.

Виновником оказалась безобидная ромашка, потому что в Италии этот цветок — знак принадлежности к детской фашистской организации под названием Баллило.

В другой раз на обед подали макароны. Дети тут же затоптали их ногами, протестуя выкрикивая: «Зачем вы нам даете итальянскую пищу, ведь ее едят фашисты!»

О нашей стране маленькие испанцы почти ничего не знали.

Когда в первые дни привезли три машины игрушек, они решили разделить их между всеми поровну. Ведь «в Советском Союзе все люди равны». И разделили. Но как! Разобрали все на части и раздали всем. Наутро не осталось ни одной целой игрушки.

Постепенно испанцы знакомились с нашей жизнью. В этом помогали кинофильмы. Когда им показали картину «Джюльбарс», все увлеклись собаками. Даже живой уголок устроили.

Вначале врачи назначили ослабленным ребятам легкий режим. Но вскоре пациенты взбунтовались:

— Мучо трабахо! Много работать! — требовали они. Их желание было удовлетворено — организовали хорошую мастерскую.

Завязалась дружба между испанскими и советскими ребятами. Из соседней детской колонии старшие ребята стали работать у испанцев водителями. В гости друг к другу ходили строем.

Это были первые шаги интернационального воспитания.

Прошло много лет. Давно выросли мои воспитанники. Многие сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Почти все получили высшее образование и работают учителями, врачами, инженерами.

Особенно памятна одна встреча.

В санатории, улыбаясь, подошел ко мне высокий красивый мужчина.

— Камарадо Димас, не помнишь ли ты меня?

Я было покачал головой. Но тут же вспомнил самого «дикого» из моих воспитанников. Долго мы говорили с Мигелем.

— Ты, Димас, наверно, хочешь спросить, почему я так вел себя? Потому, что я тогда был «мучо тонто» — большой дурак! Я благодарен судьбе, что рос и воспитывался в Советском Союзе.

— Мог ли я предполагать тогда, в Петрограде, в 1923 году, — говорит Дмитрий Дмитриевич, заканчивая нашу беседу, — когда пришел в дружину «Молодая гвардия», что буду всю жизнь связан с детским коммунистическим движением? Нет, конечно! Но так получилось. И поверьте моему честному пионерскому слову под салютом, я всегда безгранично счастлив!

Записал С. Рубанов

ЗДРАВСТВУЙ!..

Лев Мочалов

Подкрепившись простоквашей,
прогуляться я пойду.
Дядя Леша с тетей Машей
чистят ягоду в саду.

— Дядя Леша, — я скажу, —
здравствуй!
— Тетя Маша, — я скажу —
здравствуй!

Тетя Маша с дядей Лешей
видят: я вполне хороший,
и ответят мне они:
— Здравствуй,

друг прекрасный!

А минуток через пять
подойду я к ним опять:
— Тетя Маша, — я скажу, —

здравствуй!
— Дядя Леша, — я скажу, —
здравствуй!

Тетя Маша с дядей Лешей
знают: я вполне хороший,
но ответят мне они:
ах ты плут вихрастый!

Я опять гулять пойду,
окажусь опять в саду
и, наверно, опять,
чтобы только не скучать:
— Дядя Леша, — я скажу, —

здравствуй!
— Тетя Маша, — я скажу, —
здравствуй!

Тетя Маша с дядей Лешей
ничего не говорят.
Вид у тети нехороший,
и у дяди странный взгляд.

Прямо — ошарашена
строгость тетимашина!
прямо — огорошена
важность дядилешина!

Что поделаешь, опять
я один иду гулять.
— Здравствуй! — я теперь ежу
десять раз подряд скажу.
Стрекозе глазастой:
— Здравствуй!
Здравствуй!

Промолчат они — зато
не обидится никто.

И взлетает на плетень
наш петух горластый:
— Здравствуй, солнце!
Ясный день,
здравствуй!

Кукареку-у!

И в ответ со всех дворов:
— Здравствуй! —
значит, будь здоров!

ПОЛОСЫ

ПОВЕСТЬ

ЗАТЕМНЕНИЕ

Мы с мамой завесили окна. Потом зажгли свет. Сейчас нужно завешивать окна. Сейчас война. Наш город в затемнении. Не видно сверху нашего города.

Вдруг в дверь заколотили, да с такой силой, будто несколько человек сразу колотят в нашу дверь, да так оно и было. Вошел управдом и соседи. Мой маленький брат Боба захотел их напугать, внезапно выскочил перед ними и зарычал, но они на него внимания не обратили.

— Что-нибудь произошло? — спросила мама, — что-нибудь случилось?

— Тушите свет! — кричал управдом, — скорее тушите свет!

Мама — руки в боки и говорит:

— С какой стати? И не подумаю!

— Скорее тушите, вам говорят! — он щелкнул выключателем, и все оказались в темноте.

— В чем дело? — возмутилась мама.

— Поглядите, что у вас творится!

— Ума не приложу, — сказала мама, — что у нас может твориться?

— У вас щели, — сказала Ханум Измайлова, — вот такие щели! Настоящая сигнализация вражеским самолетам!

Отец мой на фронте, а у нас сигнализация? Это уж слишком. Семья фронтовика сигнализирует вражеским самолетам, получается? Ерунда сплошная получается!

— На окнах у меня матрасы, — говорит мама, — они свет не пропустят, не болтайте ерунду!

— Узкие у тебя матрасы, соседка, — сказала Ханум, — понимаешь, узкие.

— У меня узкие матрасы? — возмутилась мама, — это у вас узкие матрасы!

— Посмотри с улицы на свои окна, соседка. Сходи на улицу и посмотри. Такие щели! Вот такие щели!

В темноте не было видно, какие она показывала щели.

— Обсудим все спокойно, — сказал старик

НА ОКНАХ

Виктор Голявкин
Рисунки автора

Ливерпуль. — Раз нету света, не надо торопиться. Никому ведь ничего не угрожает в данную минуту. Обо всем поговорим по порядку. Спешить нам сегодня некуда. Не такой уж это сложный вопрос, чтобы спешку устраивать, в самом деле...

— Развел антимонию, — сказала Мирзоян, — всегда навеселе и разводит антимонию.

— Да погодите вы, — сказал управдом. — Сейчас нужно быть начеку. Ни щелочки света, понятно? Так что ликвидируйте просветы.

— Ликвидируем, — сказал я. Мне это слово понравилось.

— Хорошо, — сказала мама, — я повешу по бокам одеяла.

— Вешайте, что хотите, — сказал управдом, — это ваше дело.

— Ай, соседка, — сказала Мирзоян, — на чем же вы спать-то будете?

— На чем все спят, — сказала мама.

— Все с постели повесите, и тогда как?

— А что же мне еще вешать?

— Что-нибудь другое.

— Откуда же я возьму другое? Выкручиваемся, как можем.

— Мы тоже выкручиваемся, — посочувствовали соседи.

— Кручусь и верчусь, — сказала мама.

— Все крутятся и вертятся, — поддержали соседи.

— На чем же вы все-таки спите? — не отставала Мирзоян.

— С окон снимаем и спать ложимся.

— А потом?

— Потом снова приколачиваем.

— Так каждый день и приколачиваете?

— В матрасе уже полно дырок. Остается только повесить. Мы люди не гордые.

— Бедные матрасы, — посочувствовал Ливерпуль, — навряд ли они долго продержатся.

— Вся жизнь у людей изменилась, даже

вещи не на своих местах оказались, — сказала Мирзоян.

— И беседуем во мгле, — сказал Ливерпуль.

Дверь была не заперта, и кто-то вошел к нам на веранду, закричал:

— Эй, кто здесь есть?

— Что там опять такое? — спросила мама.

— Ваш пятилетний сын по улицам разгуливает, — ответили с веранды.

— Ах, вечно он сбегает, — спохватилась мама, — вечно он в движенье!

— ... Кручусь я и верчусь.

И ничего не видно! — распевал Боба на веранде.

Мама уже была там.

— Я вообще не люблю, — объяснил Боба, — когда темно, когда нет света и ничего не видно.

— Можно подумать, что он один всего этого не любит, — отвечала мама из темноты коридора.

— Я ходил искать свет, — оправдывался Боба.

— И нашел? — насторожился управдом.

— Нигде нету света, — сказал Боба.

— Вот видите, кругом порядок! — сказал управдом.

— Тогда дайте мне красную повязку, — сказал Боба.

Старик Ливерпуль сорвал свою повязку дежурного и повязал Бобе на рукав. Даже в темноте было заметно, как он загордился. «Завтра я у него эту повязку отберу», — подумал я.

Расходились соседи. Свалили стул с грохотом. Кто-то ушибся.

Мы сняли наши матрасы. Окна были раскрыты, и небо черное. На улице ни огонька.

Мне не спалось. Было душно. Бродил в небе слабый пржектор.

У всех свое затемнение, думал я, у каждого по-своему.

У старушек Добрушкиных ковры висят.

У Груниных шторы.

У Мирзоян фанера.

У дяди Миши картон.

У Фалалеевых рекламные противопожарные щиты.

У старика Ливерпуля доски. Остаются щели, и его несколько раз предупреждали.

У дяди Гоши окна завешены шалами, и меня интересует, откуда он набрал столько шалей.

У Алиевых одно окно, они к нему прислоняют шкаф. Не лень людям шкаф двигать каждый вечер. Зато никогда в жизни осколки к ним в комнату не влетят, как они уверяют.

У Измайловых блестящая плотная бумага, все спрашивают, откуда они ее достали, а папа Измайлов улыбается и говорит: «В универмаге до войны». Все удивляются, как он мог знать, что начнется война и ему понадобится эта бумага. Он отвечает, что купил ее совсем для другой надобности, но не успел использовать. Тогда спрашивают, для какой надобности он ее купил. Оказывается, он собирался оклеить стены своей веранды, но все откладывал. А теперь ждет окончания войны, чтобы снять с окон и оклеить веранду. С завистью смотрят на его практичное недорогое затемнение. Я тоже жалею, что мы не купили раньше такой бумаги, и теперь нам приходится вешать матрасы...

Боба спит с красной повязкой. Даже во сне лицо у него довольное и гордое.

...Рано утром влетели к нам братья Измайловы, у каждого по рулону. Рамис, Рафис, Расим, Раис промчались в нашу комнату как конники, размахивая рулонами. Ни слова не говоря, оставили свои рулоны и умчались.

— Порядочно у них бумаги, — сказал я, — на две семьи.

Мой брат Боба схватил рулон, но мама отняла.

— Спасибо соседям, — сказала она. — Обращайтесь с бумагой бережно. Сегодня мы сделаем шторы. А когда кончится война, нашим соседям она понадобится, чтобы оклеить веранду.

ГЕРОИ

— Советский летчик таранил самолет! — заорал я, вбегая в комнату.

— Зачем же так орать? — сказала мама.

— Он ночью таранил! — орал я.

— Представляю, — сказала мама.

Ничего она не представляла.

Я размахивал газетой:

— Как даст фашисту в хвост! Винтом как врежет! Бац по хвосту! Тот по-ошел вниз...

Раскрыв глаза, смотрел на меня Боба. Он тоже ничего не представлял.

Ведь я собирал все газеты. Я знал всех ге-

роев. Я знал их в лицо по портретам. Я очень любил их.

Не мог я пропустить ни одной газеты. Не могло такое произойти.

И все же происходило.

— Одной газеты у меня сегодня не хватает, — сказал я, — в нашем ларьке она кончилась. Где-то нужно найти.

Мама к этому привыкла. А Бобе все равно.

— Попроси у соседей, мама, может быть, у них есть эта газета. Если у них ее нет, придется искать в другом месте.

— Неужели нельзя обойтись без одной газеты?

— Никак нельзя.

— Спроси сам.

— Но мне могут не дать.

Мама идет за газетой и возвращается ни с чем.

— Я так и знал, — говорю. — Такую газету никто не даст. Первый в мире таран. Представляешь? Ночной. Отрубил немцу хвост. Вот герой! Нет, такую газету никто не даст, нечего и просить.

— Если бы она у них была, они бы дали, — говорит мама.

— Никто бы не дал. — В этом я убежден.

— Ну, зачем она им, для чего? Никогда бы они не стали из-за газеты портить отношения.

— Ничего ты не понимаешь, мама. Из-за такой газеты можно портить отношения. Если бы ты представляла...

— Газеты, газеты... — говорит мама, — зачем тебе столько газет?

— Ведь он срезал немцу хвост!

— Ох, эти газеты, — вздыхает мама, — кругом война...

— Не искал бы я эти газеты, если бы там войны не было!

— Понятно, — говорит мама.

Ничего ей не понятно.

Я выскочил на улицу. Сел на трамвай.

— Посмотрите хорошенько, — попросил я в киоске у бульвара. — Неужели не осталось?

— Сейчас посмотрим хорошенько, — киоскер знал меня.

— Нет, нету, — сказал он.

— Что за газета? — спросил кто-то.

Собрались люди, и все интересовались, что особенного в газете, которую я так ищу.

— Советский летчик таранил самолет, — сказал я, — он срезал немцу хвост.

— Замечательный летчик, — сказал продавец.

— Я и сам знаю, что замечательный. Значит, у вас нет газеты? А где она может быть, вы не знаете?

— Поищи, дорогой, где-нибудь может быть. Непременно где-нибудь есть, нужно поискать.

— Важные сообщения? — спросил кто-то.

— Ночной таран, — сказал я. — Срезал немцу хвост.

— Как то есть срезал?

— Вот так — вжик! — и я показал рукой, как это делается.

Все стали обсуждать ночной таран, а продавец сказал:

— Заглядывай почаще.

— Мне нужно сегодня, — сказал я.

— У меня дома есть эта газета, — сказал один старик, — но я сейчас домой не собираюсь.

— А когда вы собираетесь?

— Не скоро.

— Не надо мальчонку расстраивать, — сказал продавец, — если вы домой не собираетесь, незачем об этом говорить.

— В конце концов пойду же я домой, но не сию минуту.

— Я подожду, — сказал я.

— Первый раз вижу, чтобы человек так газету искал.

— Я же вам объясняю: летчик Талалихин таранил самолет, разве этого мало?

— Он твой родственник, что ли? — спросил старик.

— Если бы он был мой родственник, я бы до неба подпрыгнул.

— Я бы тоже подпрыгнул, — сказал старик.

— Ну вот видите!

— Придется идти за газетой, — сказал старик. — Я хотел посидеть на лавочке, но разве можно отдыхать, когда тебе нужна газета.

— Я посижу с вами сколько хотите.

— Не уверен, что тебе интересно со стариком сидеть, — сказал он. — Вперед, за твоей газетой!

Я ему рассказывал по дороге:

— Все газеты с портретами героев, а у меня ни одного, даже самого дальнего родственника героя нет. Я и сам на фронт сбежал, да толку что? Ничего из этого не получилось. В поселке Монтина меня ссадили и обратно на трамвае привезли. Представляете, поезда там обычно не останавливаются, а этот остановили.

— А где отец? — спросил старик.

— Известно где, на фронте.

— Может, он уже давно герой, пока ты тут страдаешь.

— Может быть. Вот и смотрю в газетах, но пока нету. Неизвестно ведь, когда будет. Еще до войны увидел я на нашей улице Героя с Золотой Звездой. Я забежал вперед и вовсю глазел на золотую звездочку, мешал ему идти: под ногами верчусь и все глазею, глазею... Он остановился и спрашивает: «Чего тебе?» Я будто онемел, на звездочку уставился и не отхожу. Тогда он слегка приподнял меня, осторожно отодвинул в сторону и пошел дальше. Но я опять за ним побежал, как вдруг, представляете, выходит из-за угла навстречу ему здоровенный дядька, и тоже Герой! Они обнялись, поцеловались и дальше вместе пошли. Вместе, сразу два Героя! Встретил сразу двух Героев Советского Союза на нашей улице! Не верите? Клянусь! Вот встреча, а? Только я их фамилий не знаю.

— Верю, верю, — сказал старик, — отчего не верить.

— Я шел за ними, шел, а потом неудобно стало, сколько можно... Скорей всего, они были старые друзья, а вы как думаете?

— Наверно, старые друзья, — сказал старик, — пожалуй, так оно и было. Воевали вместе в Испании, или летали в Америку через Северный полюс.

— Удивительная была встреча, до сих пор вспоминаю.

Старик согласился, что встреча действительно удивительная, такого видеть ему до войны не приходилось. Вот окончится война, наглядится он на своих сыновей-героев.

На крыше военкомата устанавливали зенитки. Милиция разгоняла любопытных, а они не уходили. Еще бы! Залезть бы на крышу, на ночь спрятаться и дожидаться вражеских самолетов. Начнут палить, а я тут как тут, сын фронтовика, подношу зенитчикам снаряды...

Старик с улицы позвал жену, она вышла на балкон и долго не понимала, что от нее требуется. Потом кивнула головой и вынесла газету. Газета полетела как птица, и я помчался ее ловить. Но оказалось, не та газета.

— Найдем, найдем, — сказал старик, — вечно старуха путает.

Он опять стал звать, она не появлялась.

— Придется подняться, — сказал старик.

Мы поднялись, и старик сказал:

— Мальчонке нужна другая газета.

— А зачем она ему? — старуха посмотрела на меня.

— Она ему просто необходима.

— А для чего?

— Ну, это его дело, — сказал старик, проталкивая меня в комнату.

— Я все газеты собираю с первого дня войны, — объяснил я, — ни одной пока не пропустил. А сегодняшний номер особенный, я за ним и гонюсь.

— А чем же он особенный? — спросила старуха.

— Ну как же! — газета лежала на столе, и я показал ей летчика.

Она все поняла и погладила меня по голове. Она все понимала.

— Непорядок у него насчет родственников, — сказал старик.

— А что у него с родственниками? — спросила старуха.

— Ни одного героя нет, — сказал старик.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— У нас трое сыновей на войне, — сказал старик. — Мать все газеты просматривает, вроде тебя. Следит за позициями войск по карте, пытается узнать, где сыновья находятся, да разве узнаешь.

Старуха вытащила карточки сыновей, и я восхитился, сколько у них орденов. Вот все трое в обнимку. Вот отдельные фотографии. Вот братья совсем малыши.

— Про наших сыновей писали, — сказала старуха с гордостью, — кто-то взял газету, а потом не вернул.

Я спросил фамилию и вспомнил. «Отважный экипаж» — называется заметка. Такие вещи я крепко запоминал. У стариков газета не сохранилась, и я обещал принести.

Теперь у меня все газеты. Одну дам старикам, и опять получится, что одной у меня все-таки не хватает.

Ну и пусть.

ЗВЕЗДОЧКА

Я выпилил маленькую звездочку Героя Советского Союза из большого куска бронзы. Лежит она в старинной бархатной коробочке, как золотая. Откроешь крышку, а она сверкает и переливается. Сколько дней потратил я на эту звездочку, сколько часов... Попробуйте выпилить граненую звездочку из большо-

го куска бронзы! Такую нигде не купишь, нигде не достанешь, ни на что не выменяешь.

— Ты читала про дядю? — спросил я маму, любясь звездочкой.

Никто не мог читать о моем дяде, которого на свете не было. Я просто его выдумал, соврал, но войдите в мое положение, посочувст-

вуйте человеку, у которого не порядок насчет родственников... Неществующего дядю наградила я Звездой Героя. Но разве здесь большой обман? Любой из нас станет героем, а значит, обмана здесь нет. Если нет мне возможности стать героем, значит, это единственная возможность. В семье должен быть порядок, в семье должен быть герой.

Вот так рассуждал я, поглядывая на маму, а она возилась у плиты. Не очень-то она меня слушала, да это и неважно. Я сам хотел в дядю поверить, сам слушал себя, вот что важно. Я хотел, чтоб он был в самом деле.

— Что еще за дядя? — удивилась мама.

— Не читала? — спросил я, волнуясь.

— Ну и что же ты вычитал?

— То и вычитал.

— Так что же?

— А вот и то.

— Странные у тебя выходки, — сказала мама, — о чем ты?

— Потом, — сказал я и быстро ушел из кухни.

Мы сели за стол, и мама спросила:

— Что это ты там плел?

— Что значит плел? — обиделся я, — это правда.

— Так в чем там дело? Что там за дядя?

— Дядя как дядя, — отмахнулся я.

— Ну, а все-таки, — не отставала мама.

— Мой дядя, а не твой, ясно? — разнервничался я.

— С ума сошел, — сказала мама.

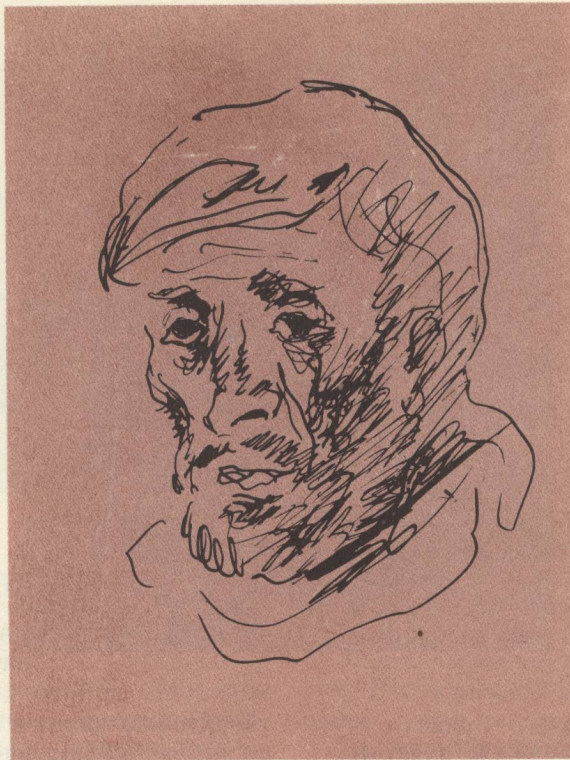
— Дядя и всё! — крикнул я, закрыв глаза от волнения. — Могла бы и прочесть!

— Ну, хорошо, — сказала мама, — пожалуйста, я думала, что-нибудь серьезное.

— Конечно, серьезное! Очень серьезное!

— Представляю, — сказала мама. Ничего она не представляла.

Я встал из-за стола. Маячил у меня перед глазами прославленный дядя. В руке я сжимал свою звездочку, и острые края впивались мне в ладонь. Я увел Бобу в другую комнату и показал ему звездочку.

— Дай! — сразу сказал Боба.

— Ты погоди, — сказал я.

— Отдай! — заорал он.

Я спрятал звездочку в карман и рассказал ему про дядю. Боба меня слушал внимательно.

— Всё понял? — спросил я.

— Всё, — сказал Боба.

— А что ты понял?

— Мой дядя Герой Советского Союза.

— А где он раньше жил?

— В Ленинграде.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Сейчас он на фронте, чтоб ты знал.

— На фронте, — повторил Боба.

— На каком?

— На нашем.

— На Ленинградском, балда, чтоб ты знал.

— На Ленинградском, — повторил Боба.

— Знаешь, какие у него ордена?

— Не знаю.

Я перечислил. Многими орденами наградила дядю.

— Повтори, — сказал я.

Но Боба отказался.

— Ты должен знать, сколько орденов у твоего дяди.

— Много... — сказал Боба.

— Хорошо, что много. А где жил твой дядя, помнишь?

— Забыл, — сказал Боба.

— Дубина ты, своего родного дядю не знаешь!

— Не хочу твоего дядю... — заплакал Боба.

— Он такой же мой, как и твой!

Я показал ему звездочку, и он сейчас же к ней потянулся.

— Да знаешь ли ты, чья это звездочка? — сказал я.

Он не знал.

— Дядина, — сказал я.

— Мама! — заорал Боба.

— Молчи ты, пойми, наконец...

Нет, он не понимал. Не мог понять мой брат Боба, что значит для меня дядя...

— Отстань от малыша, — вмешалась мама.

— С такой памятью он далеко не пойдет! — разозлился я. — Ничего из него путного не выйдет! Нужно тренировать свой ум!

— Чего он от тебя хочет? — спросила мама Бобу.

— Дядю хочет... — всхлипывал Боба.

— Объяснишь ты мне, наконец, что это за мифический дядя и чего ты хочешь от ребенка?

— Я хочу, чтобы он был умный.

— Он не глупее тебя.

Боба подбежал ко мне и шепотом спросил:

— Отдашь звездочку?

— Дам только подержать, — сказал я. — Такую звездочку даже подержать почетно.

— Дядя родился в Ленинграде! — вдруг выпалил Боба.

— Не совсем, оказывается, тупица, — сказал я.

Бобу словно прорвало:

— Два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды...

— Молодец! — сказал я.

— ... три медали «За отвагу», три медали «За боевые заслуги», — шпарил он без запинки.

Мама взяла Бобу за руку, он вырывался.

— Гвардии майор!!! — орал он откуда-то уже с веранды. — Родился в Ленинграде! А сейчас на фронте!!!

Я догнал его, сунул ему под нос звездочку и спросил:

— Чья это звездочка?

И Боба сказал:

— Папина.

Такого ответа я никак не ожидал. В это время завывала сирена. Мама стала быстро одевать Бобу, и мне велела переодеться. Несколько раз уже были тревоги, и все учебные. Я не спешил, а мама торопила. Сирена выла все сильнее и сильнее. Я думал, как бы сбежать поглядеть, что

творится на улице в это время. На лестничной площадке собрались все соседи. Некоторые были с узелками, а семья дяди Гоши с подушками. Дежурный повел за собой всю компанию. Я держал за руку Бобу, и он подвывал сирене.

— Верно ты сообразил, — сказал я Бобе.

Он прекратил выть.

— Чего сообразил?

— Звездочка, конечно, папина, — сказал я, — при чем здесь дядя.

Сирена продолжала выть.

Я протянул Бобе теплую, согретую в ладони звездочку и задумался о своем папе... Неизвестно, как ему сейчас приходится...

ОРУЖИЕ

Когда я узнал, что в Кишлах на свалке груды оружия, я спать не мог. Оказывается, привозят с фронта разное трофейное оружие и сваливают в кучу у завода в Кишлах. Доехать до Кишлов на электричке, а там свалка в двух шагах. Не спалось мне в эту ночь, представлялись мне разные карабины, пистолеты, автоматы, бомбы, снаряды, просто не верилось, что там такие вещи запросто валяются. Настоящее ведь богатство! Склад оружия, груда вооружения. Пусть старое, негодное, но ведь исправить можно! Да я бы все на свете отдал, только б мне эти штуки достать. Кто об оружии не мечтает! Да я по разным пулям, гильзочкам с ума сходил, а тут невообразимо! Всю эту груду, говорят, собираются переплавить. Да мне бы чуточку, совсем не-

много старенького оружия, пока его не переплавили. Выберу себе кое-что, а там, пожалуйста, переплавляйте. Мои автоматки, пистолетики, карабинчики, винтовочки, я вас в порядок приведу, исправлю. Достану себе оружие, пусть только немцы сунутся! Лягу у порога с автоматом, пусть только появятся! Шквальный огонь по фашистам, смерть немецким оккупантам, не войдут они в нашу квартиру! Внуки Суворова, дети Чапаева, бьемся мы здорово, жолем отчаянно! — отличный плакат висит на стене с отличными стихами! Отчаянно буду палить без передышки по врагу, идет священная война! Разгромим и уничтожим вражеское отродье! Наше дело правое, враг будет разбит!

Лежу и дрожу в своей постели от нетерпе-

ния достать оружие, будто у меня лихорадка или что-то вроде. В школу утром не пойду, какая может быть школа! В нашем школьном музее один автомат ржавый да три лимонки старые без всяких запалов. Пулеметная лента да каски. Для школьного музея постараюсь, неужели непонятно? С музеем поделюсь, не жалко. Еще мне спасибо скажут. Вполне можно в школу не явиться ради того, чтобы музей обогатить. Встречусь утром с Вовкой — и туда! С ума я схожу по трофейному оружию. Рвется враг к нашему городу, нельзя быть человеку без оружия, будет у меня свой автоматик-пистолетик-пулеметик!

Утром мама уходила на работу, старалась не шуметь. Убрала затемнение, и я зажмурился от света. Я давно не спал. Захлопнулась за мамой дверь, а глаза у меня сами закрылись. Жуть захотелось спать. Но я встал, открыл входную дверь, чтоб Вовка мог войти, и завалился. Мне снился сон, будто я охраняю склад оружия, а тут фашисты налетели. Такая заварушка началась. Отбиваю атаку за атакой, оружия у меня полно, подходите, гады, будет вам за все! Фашисты наседают, я держусь, на подмогу мне спешит отец с Золотой Звездой, трое братьев на своем танке... В это время меня Вовка разбудил. Я сначала его за фашиста принял. Потом увидел у него портфель и спрашиваю, зачем же он с портфелем явился, если мы на свалку собираемся, а не в школу. «Как же я, — говорит, — без портфеля из дома выйду, соображаешь?» В общем, я спроне не сообразил.

Стал одеваться, а Боба мне какой-то листок сует. Что это? А он, оказывается, свастику начиркал, пока я спал, и мне протягивает. С плаката срисовал.

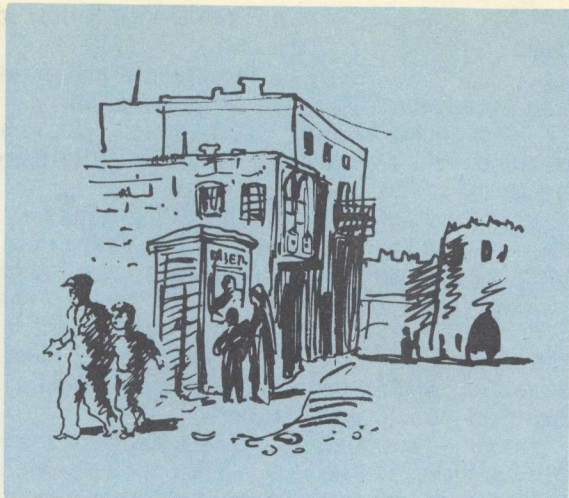
— Да ты что, — говорю, — спятил, такие вещи рисовать? Ты знаешь, что это такое? Омерзительная, ненавистная зараза! Фашистский знак! Только предатели рисуют вражеские знаки! За это, знаешь, что нужно сделать?

— Чего?

— За это, — говорю, — не знаю, что можно сделать!

Поддали ему, чтобы знал.

Кое-как его одели с Вовкой. Каждое утро его одевать одно мучение. Там нас оружие ждет, а он тут дурака валяет.

... Сразу же за станцией я увидел мальчишек и ахнул. Они носились с криками и воплями, играли в войну, но не это меня поразило. В руках у них были немецкие трофейные пистолеты-пулеметы!

— Самое лучшее, наверное, растаскали, — сказал я, волнуясь, — какие у них пистолетики, ты видишь?! Мама моя, мама, какие у них револьверчики! Да где же здесь свалка?

Вовка не знал, где свалка.

— Эй! — закричал я ребятам. — Пойдите-ка сюда! Подойдите-ка на минуточку!

Двое подскочили с автоматами.

— Эти штуки стреляют? — спросил я.

— Это «шмайсер», а не штуки, — сказал один.

Другой объяснил, что автомат испорчен, все автоматы на свалке не стреляют, но есть исправные австрийские карабины, и подходят к ним отечественные патроны.

— Сразу можно палить?

— Все части там валяются отдельно, — сказал он, — а затворы реже всего попадают, поди их найди в такой куче.

— Выходит, там одни железки?

— Разные там железки, — сказал он. — Полно там всего...

— Прямо так и полно? Подходи и бери? Набирай, сколько хочешь, и домой тащи?

— Там сторож на коне. Оружия навалом, а сторож не дает. Но его перехитрить можно. Надоедает ему стоять на месте, он скакать начинает. Вокруг завода скачет. Когда он за забор коня повернет, тут и выбегай. Там танк есть фашистский. Машина. За танк можно спрятаться и оружие выбирать. За танком не видно. А в танке кости. Фашист в нем сгорел. Даже крест там нашли. Разные там на свалке бомбочки, мины. Один тут себе палец оторвал, глаз выбил. Попадают разные взрывчатки, вот и опасаются...

— Вечно о нас заботятся, как будто мы маленькие, — сказал я.

— Один раз мину нашли, — сказал мальчишка, — как грохнут — с сарайчика крышу сорвало.

— Только и всего?

— Столб зашатался, но устоял.

— И всё?

— Тебе мало?

— Мина ведь.
— Одна ведь мина. Не тыща.
— Тоже правильно.
— Из-за мин всё, — сказал мальчишка.
— А куда крыша улетела? — спросил я.
— Куда, куда... больно я знаю. А в сарайчике мотоцикл стоял. Крыши-то не стало, мотоцикл украли.

— Ты нам свалку покажи, — сказал Вовка, — нечего нам про мотоцикл рассказывать.

— Свалка нам нужна, а не твой мотоцикл, — сказал я.

— Сами же спрашивали, да ну вас!..

Свалку он все-таки показал. Мы даже спасибо не сказали, со всех ног туда бросились.

Свалочка порядочная, и танк — машина. Сверху на груди оружия его и свалили. Помяли карабинчики, уж точно. Сторож на коне сидит и по сторонам поглядывает.

Сторож нас поразил. Он был очень стар. Совершенно дряхлый старик. Белая борода, как у Деда Мороза, свисала на гриву лошади. Похоже, старик дремал. На голове у него была мохнатая папаха. Смешное он производил впечатление. Казалось, если лошадь шагнет, он не удержится в седле и свалится. Скакать вдоль стены вокруг завода он и не собирался. А скорей всего не мог. Мальчишка здесь явно напутал.

— Ну и дед, — сказал Вовка, — потеха!

— Дряхлый дед, — сказал я, — ну и сторож!

Колоссальная гряда трофеев сверкала на осеннем солнце и притягивала как магнит.

Мы шагнули вперед, и сторож нас заметил. Дряхлый дед поднял голову и сделал знак рукой, чтобы мы не подходили.

— Да ну его, — сказал я, — не обращай внимания. Не видишь, он просто так поставлен, как пугало огородное. Айда в обход.

Сторож засвистел в свисток, но мы внимания не обратили.

— Пусть свистит, — сказал я, — тоже мне Соловей-Разбойник.

Мы не останавливались, и он вторично засвистел. Вдруг хлестнул коня и ринулся на нас галопом. Мы пустились бежать, перемахнули шоссе и влетели в сарай. Смотрим из сарая на сторожа, а он гарцует к нам спиной, на дыбы поднял лошадь, ловкий старик.

— Еле-еле в седле держался, — говорю, — чуть не падал. Никак не ожидал, что припустит.

— Притворялся, — говорит Вовка. — Все сторожа притворяются, чтобы потом схватить.

— Гляди, сарайчик, — говорю, — тот самый. Крыши нет. Минный взрыв оторвал.

— Да ну тебя, — говорит Вовка, — следи за стариком.

— Старик не шелохнется, вот хитрец.

— Должен же он отлучиться куда-нибудь,

предположим, воды попить, да мало ли еще куда.

Но жажда его, видно, не мучила, и он куда не собирался.

Поклялись без оружия не возвращаться. Уважать себя не будем, если такое произойдет.

— Каким образом они мину взорвали? — спросил я, разглядывая небо над головой. — Об камень ее трахнули или по-другому? Если они ее об камень трахнули, почему же тогда крышу сорвало, а им ничего?

— Откуда я знаю, как они мину взрывали, — сказал Вовка, — сдалась мне твоя мина!

— Да дело не в мине, а как ее взрывали.

— Взорвем с тобой любую мину, понял? Если фашисты появятся.

— А как?

— С крыши им на голову кинем, понял?

Вдруг слышим конский топот: наш древний старик несется в клубах пыли вдоль забора. Мы и ахнуть не успели, как он с другого конца выскочил, пронесся мимо свалки и опять скрылся. Носится по кругу, как в цирке. Мы этого и ждали, но сразу поняли: добежать до свалки не успеем. Маловато для этого времени: старик выскочит из-за забора раньше, чем мы до места добежим. Вокруг камни, кусты, разный хлам. Не ровная тебе дорожка, по которой шпарь без оглядки. И шоссе на пути. Вдруг — машина.

— Если мы сейчас не побежим, — сказал Вовка, — все пропало. Жди, когда он еще скакать будет.

Я не решался.

— Ну?

— Вперед!

Мы поняли друг друга. Выскочили вместе. Бежали, как в атаку. Неслись во весь дух. Не споткнулись ни разу. Никогда в жизни я так не бежал, шоссе было свободно, и мы пролетели его, не заметив. Я видел совсем близко свалку, блестел карабин в этой гряде... Но уже старик несся нам навстречу на своем коне, размахивая хлыстом.

Мы бросились назад.

Старик нас догонял, и мы побежали в разные стороны.

— Старый джигит не обманешь! — кричал он совсем уже близко, — старый джигит сам обманет!

Шоссе мы перемахнули, дальше он нас не стал преследовать. Я обернулся: старик нам грозил хлыстом.

— Школ не ходит! — орал он. — Прогульщик ходит!

— Какое ему дело до нашей школы, — разозлился Вовка, — кругом о нас заботятся, будто у нас своей головы нет.

— Стерег бы свое барахло, — сказал я, — а в наши дела не лез!

— Какое же это барахло, соображаешь? — возмутился Вовка.

— Ничего я уж не соображаю.

— Соображай, — сказал Вовка, — если мы соображать не будем, все провалится.

Забрались в сарай. Джигит наш уже не скакал. Он, как вначале, стоял на месте и притворялся спящим. В этом мы теперь не сомневались.

— Эх, отличная вещь подкоп, — заметался я, — вылезаем мы с тобой возле самой свалки из тоннеля, отряхиваемся, забираем

оружие, ползем обратно, снова отряхиваемся...

— Копать-то сколько надо, с ума сойдешь, пока докопаешься.

— Представляешь — говорю, — мы с тобой под шоссе копаем, а наверху люди, машины едут... а мы с тобой спокойненько вылезаем под носом у джигита и отряхиваемся...

— Что это ты все отряхиваешься? Возьми да отряхнись, вон весь в земле, — говорит Вовка.

— Да это я так, просто хорошая вещь подкоп, замечательная штука в таких случаях, только отряхиваться успевай...

— Что с тобой? — говорит Вовка. — Чего это ты все отряхиваешься да отряхиваешься, неужели не надоело?

От волнения я и вправду каждую минуту отряхивался.

— Давай, давай, — смеется Вовка, — начни копать своей пяткой, а я носом помогу.

— Нечего смеяться, раз ничего придумать не можешь.

— Будем ждать темноты.

— Много мы в темноте увидим.

— Я слышал, с караульной вышки завода прямо на свалку прожектор пускают.

— А на караульной вышке часовой с винтовкой. И видит тебя как днем.

— Испугался?

— Не хватает, чтобы в меня свои стреляли.

— Пожалуй, верно, — согласился Вовка.

Вдруг он вскочил и заорал:

— Крыса! Смотри, большая крыса!

— Где крыса?

Вовка швырнул в угол камень, и оттуда выскочила страшная крыса, и прямо на меня. Я отпрыгнул в сторону, а крыса заметалась.

— Кидай в нее! — орал Вовка. — Хватай палку! Бей!

Крыса носилась по сараю. Дверь была приоткрыта, но она не догадывалась, куда выскочить. Вовка кинул в нее еще что-то, она рванула в сторону и пробежала по моей ноге. Я заорал и стукнул ее палкой. Промаяхнул и попал себе по ноге. От боли взвыл, хромая побежал за крысой, чтобы ударить со всей злостью.

— Не видел, куда она прыгнула? — орал я.

— Она там! — орал Вовка. — Там!

Палка моя стукнулась обо что-то твердое. Я разгреб солому в углу, и то, что я увидел, заставило меня закричать во всю глотку:

— Сюда!

Под соломой лежали карабины и автоматы. Несколько карабинов и автоматов. Немецкие каски и пулеметная лента с гильзами.

— Скорей, скорей, — торопил я, разгребая всю солому, — ух ты!

— Откуда здесь все это?

— Мальчишки, конечно, натащили.

Карабины были без прикладов, только металлическая часть. Я щелкнул затвором, нажал курок. Есть щелчок! Просунул карабин в штанину через пояс. В другую штанину «шмайсер». Шагать тяжело, не разогнуть колени, да с боков руками придерживай. Спокойненько дойдем, не торопись, никто не заметит. Мало ли что в штанах спрятано, никого не касается. Смотрю на Вовку — по карабину у него в штанине, «шмайсер» не взял, штаны у него узкие, не пролезает. Смешной вид, а что делать? На здешних мальчишек внимания не обращают, а в электричке, в городе — с оружием в руках — обратят.

Никогда в жизни мне так ходить не приходилось. Посмотреть на нас со стороны — в обморок упадешь. Шаг за шагом — на прямых ногах.

Мальчишки нам все же встретились.

Ватага остановилась, и один из наших знакомых спросил:

— Ну, как?

— Никак, — сказали мы.
 — Нашли?
 Мы закивали головами.
 — Прорвались? — спросил мальчишка.
 — Куда?
 — На свалку, куда же еще.
 Мы опять закивали. Я сделал жалкий вид.
 — Вас что, били? — спросил мальчишка. — Плеткой?
 Мы закивали, мол, били нас плеткой, да.
 — Ишь ты, а нас только гоняли.
 — Кто гонял?
 — Старик, кто же еще.
 — Он нас тоже гонял, а потом как врежет! — сказал Вовка.
 — А что у вас в штанах?
 Врать было бесполезно.
 — Оружие, — сказал я.
 — Вот это фокус, — сказал мальчишка, — оружие в штанах?

— А куда же нам его деть?
 — В штаны? — они опять захохотали.

Если бы они знали, чье это оружие, не стали бы хохотать.

— Ну, привет, — сказал я, и мы заковыляли.

— Ну и дураки, — сказал я Вовке, — над собой смеются.

Потом я повернулся и крикнул знакомому мальчишке:

— Послушай, а ты знаешь, где достать патроны?

— Откуда я знаю...

— Ладно, ладно, — сказал я Вовке, — отечественные патроны мы найдем. Они ведь наши, отечественные, из-под земли выкопаем.

— Любишь ты копать, — сказал Вовка. — Иди быстрее, как бы они в сарай не полезли.

— Никакой чемпион мира не сможет быстрее, если ему в штаны палки засунуть.

— Двигай, двигай и не рассуждай. Если за нами погонятся, несдобровать.

Мы оружие наше вытащили из штанов и к электричке побежали с оружием наперевес, а возле станции обратно засунули.

Продолжение следует

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Не может человек одинаково интересоваться всем, что попадает ему на глаза. Одного волнует вид леса, тихой речки, другого — городской многолюдной улицы; один пишет портреты людей, другой — букеты цветов или натюрморты.

Вам, конечно, встречались рисунки Владимира Александровича Ветрогонского. Четкие силуэты мачт высоковольтной линии соседствуют с лесными далями. Мужественные, сильные люди у доменной печи, в забое. Владимир Александрович говорит, что цель его творчества — «вместе с другими художниками страны создать портрет наших дней».

Заслуженный художник РСФСР В. А. Ветрогонский выбрал из почты «Костра» те рисунки, в которых подчеркнуты черты нашего времени.

— Очень важно не только зарисовывать в блокнот то, что тебе понравилось, бросилось в глаза, — говорит художник, — а прежде всего решить для себя, что ты хочешь сказать, обдумать тему рисунка, отобрать главное, построить рисунок, найти верные пропорции и цвет.

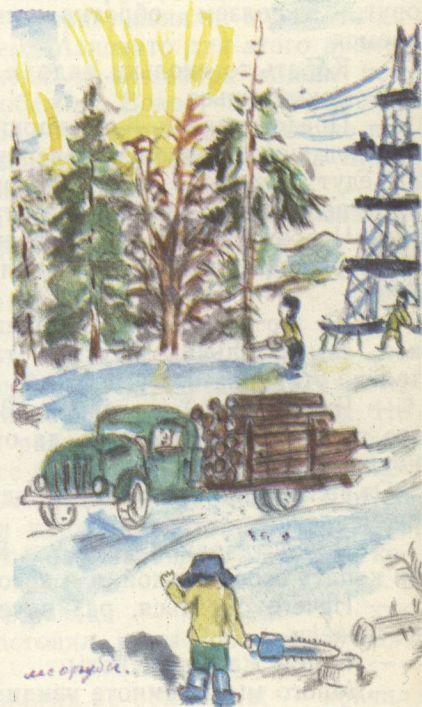
Рисунок Валеры Складнева из Новокузнецка без названия, но сразу понимаешь: это портрет электросварщика. Поднятая маска на голове рабочего, вся обстановка изображены удачно. Черные решетки, силуэт крана — помогают ощутить восхищение юного художника человеком этой нелегкой профессии.

Вглядываясь пристальнее, можно заметить, что фигура сварщика нарисована недостаточно продуманно. Голова, шея, плечи — выразительны, а вот руки вялые. Мелкие складочки на рукаве «дробят» руку, нарушают то ощущение силы, которое рождает весь рисунок.

Оба рисунка Вовы Урсаки из Донецкой области названы одинаково — «В доменном цехе». Видимо, Вова бывал на заводе, он уловил то, что характерно для работы металлурга.

ПОРТРЕТ ЭЛЕКТРОСВАРЩИКА
Валера Складнев

ЛЕСОРУБЫ
Толя Кононенко

На обоих рисунках в центре внимания — человек.

В первом рисунке на темном, насыщенных отблесками огня фоне человек выглядит сильным, его фигура выделяется четко.

Рисунок интересный, но передает он только общее впечатление от обстановки, а человека, его характер еще плохо представляешь себе.

В ДОМЕННОМ ЦЕХЕ

Вова Урсакый

Тема второго рисунка та же. Но построен он так, что все внимание устремлено на рабочих. Четкие, резкие штрихи (рисунок сделан фетровым карандашом — фламастером), помогают выхватить острый момент — горновой пробивает летку — и показать его красиво.

В этом рисунке использовано только три цвета, но освещение передано хорошо: чугун полахает, и отблески его падают на лица и фигуры людей. Это, несомненно, удача.

Но Вове следует внимательнее наблюдать людей за работой. А то один рабочий совершенно неподвижен, словно равнодушен.

Недостаток обоих рисунков — не видим лиц. Рисуя человека труда, важно выразить не только характер его дела, но его собственный характер. Пусть скупыми средствами. Для этого и нужно лицо человека. Хочется понять, как, с каким чувством он работает?

«Лесорубы». Рисунок Толи Кононенко, Неводское Сахалинской области.

Толя хочет нарисовать все, что увидел. Поэтому просеки в тайге пролегают вблизи вышек высоковольтной сети. Толя передал настроение лесорубов ранним рабочим утром. Лучи поднимающегося из-за деревьев солнца радостно освещают просеку.

Но рисунок композиционно перепружен: тут и лес валят, тут и грузовик стоит, тут и вышка. Получается, что рисунок не построен.

Солнце на рисунке «разъехалось», вышка «развалилась». Это только кажется, что по памяти легко изобразить увиденное. Приходится очень вдумчиво всматриваться в то, что запомнилось, в самое главное.

В ДОМЕННОМ ЦЕХЕ

Вова Урсакый

— Что же вам особенно понравилось в этих рисунках? — спросили мы Владимира Александровича.

— Меня радует, что ребята ищут в нашей жизни все то новое, что каждый день создается руками советских людей, — ответил художник.

В. А. Ветрогонский почти каждый год проходит на теплоходе путь от

Ленинграда до Череповца по Волго-Балтийскому каналу.

«Плывя по Ладоге, Свири, Онеге, — рассказывает он, — всматриваюсь в красоту северной природы. Повсюду памятники старинной архитектуры стоят рядом с новыми современными сооружениями. Эти контрасты — характерная черта нашего времени. Здесь я делаю зарисовки для серии о Волго-Балте».

Записала Н. Неуймина

«Она ужасна! Некоторые при одном взгляде на нее теряли сознание, многие заболели. На небе были видны обгоренные кровью кинжалы, мечи и ножи», — писал о комете 1528 года не какой-нибудь глупый монах, а один из образованнейших людей своего времени, великий французский хирург Амбруаз Паре.

Влиянием «хвостатой гостьи» 1556 года объяснили врачи внезапную смерть римского папы Урбана IV. Этот диагноз казался современникам настолько убедительным, что император Карл V, напуганный появлением кометы, отрекся от престола и ушел в монастырь. Не таков был португальский король Альфонс: отказавшись расстаться с короной, он смело «отогнал» космическую странницу... выстрелами из пистолета. Во всяком случае, ему казалось, что именно эта процедура помогла Португалии: ничего плохого с королем не произошло.

...Пролетая вдали от Солнца, комета выглядывает скромно. Это всего лишь маленькое пятнышко на небосводе. Но приближаясь к Солнцу, она распускает великолепный хвост, и чем ближе к светилу, тем хвост ее пышнее. Иногда он простирается на миллионы километров.

В 1910 году наша планета оказалась внутри кометного хвоста. Ученые многих стран решили взять пробы воздуха, чтобы определить, из каких именно веществ состоит космическая гостья... К их удивлению, самый тщательный химический анализ не обнаружил никаких примесей посторонних газов. Впоследствии выяснилось почему — плотность кометного вещества оказалась ничтожной. Советский астроном, профессор Воронцов-Вельяминов приводит такой пример: если взять одну миллионную часть пшеничного зернышка, растереть ее в порошок и развезть по залу московского Большого театра, то это и будет средняя плотность вещества кометы...

ЗДЕСЬ ДЕЛАЮТ КОМЕТЫ

Ю. Контев

Мы — в лаборатории ордена Ленина Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе Академии наук СССР. Именно здесь была недавно проведена серия физических опытов, суть которых определяется так: создание и изучение искусственной... кометы!

Моими собеседниками на этот раз были двое молодых физиков-экспериментаторов — Евгений Алексеевич Каймаков и Виктор Иванович Шарков. И тот, и другой — непосредственные участники увлекательных экспериментов с искусственной «кометой».

— Саму комету сделать нетрудно, — улыбаясь, объясняет Виктор Иванович. — Наша «комета» — это просто-напросто замороженная дистиллированная вода. Для первых опытов и такой кометы достаточно. Гораздо сложнее «приготовлять космические условия». Вот в этой колбе — он показал на сложное стеклянное сооружение — мы создали «межпланетное пространство». Для этого нужно выкачать из колбы воздух до вакуума. Теперь зальем в кожу колбы жидкий азот — вот и «жуткий космический холод», как говорят писатели-фантасты. Ну, а Солнце... Солнцем у нас «работает» эта мощная ртутная лампа. Меняя ее накал, мы можем создавать тепловые условия любого участка межпланетного пространства...

Щелкают переключатели, и эксперимент начинается. Слабо светит лампа. Сейчас ее тепловое излучение очень мало. Так и должно быть, ведь до «Солнца» пока далеко, комета только-только появилась на «небосводе» и стала приближаться к нам. Постепенно яркость лампы увеличивается, термомпара, измеряющая температуру «кометы», сигнализирует: «Сейчас условия такие же, как на орбите Марса... Вот проходим зону Земли... Венеры...»

Этот, казалось бы, простой опыт дал в руки ученых новые важные результаты: при изменении мощности «светила» в десятки раз температура ядра кометы (то есть кубика льда) менялась всего на несколько градусов. Эти данные и подсказали исследователям, что при переходе настоящей кометы от орбиты Земли до орбиты Венеры, например, температура изменится всего на 5 градусов, а не на десятки, как считалось раньше. Теперь астрономы в своих расчетах используют точные данные, а не определяют их на основании лишь теоретических рассуждений, как это было совсем недавно.

— Мы, физики, пытаемся помочь коллегам-астрономам разгадать тайны комет, — продолжает Виктор Иванович. — Астрономам, например, интересно было узнать, какое количество льда расходуется кометой, когда она находится вблизи от Солнца. Ведь именно от этой величины зависит время ее «жизни». Мы взвесили нашу искусственную «комету» во время опыта — он кивнул на миниатюрные весы, смонтированные внутри колбы, — и посмотрели, как комета «худеет» от тепла. Опыт подтвердил: кометы не гибнут, и не должны гибнуть, даже проходя через корону Солнца. Испарение с ядра в этот момент становится настолько большим, что

облако газа, как шубой, одевает комету и защищает ее от губительных лучей Солнца.

— Мне говорили, что современных астрономов очень занимает загадка внезапного свечения этих хвостатых светил, — замечаю я. — Будто бы иногда комета прямо-таки за минуту, внешне ни с того ни с чего начинает сиять во много раз ярче, чем раньше, и никто не знает точно, почему это происходит. Астроном, который рассказал мне об этом, предполагал, что это явление связано с увеличением солнечной активности, то есть со взрывами на Солнце.

— Мы придерживаемся другой точки зрения, — отвечает Евгений Алексеевич Каймаков. — По нашему мнению, явление внезапного свечения комет объясняется так: в ядре содержится множество пылинок, и при испарении льда часть этих пылинок уходит вместе с газом, а другие остаются. Оставшиеся частицы образуют на поверхности ядра корку — «матрицу», как называют ее в физике. Чем ближе комета к Солнцу, тем сильнее идет испарение. Однако матрица затрудняет уход газа, и он скапливается под ней. Давление газа становится все больше и больше, и вот, наконец, происходит взрыв! Матрица слетает. В голове кометы мгновенно появляется большое количество пылинок. Это увеличение яркости и отмечают астрономы.

— Это — гипотеза, или у вас уже есть опытные данные, полученные на «комете»?

— Некоторые данные есть. Делалось это так: были взяты мельчайшие пылинки кварцевого песка, окиси алюминия, никеля; их тщательно размешали в воде. Получившаяся при этом кашка замораживалась. Это и была «комета», по химическому составу почти такая же, как настоящая. В камере опять откачали воздух, включили «Солнце» — и комета «понеслась». Температура росла, отдельные пылинки с потоком испаряющегося вещества покидали поверхность льда, — «Солнце» было все ближе! — и пылинки, как мы и предполагали, стали образовывать «матрицу». Через несколько минут взрыв сорвал ее. Так что теоретическое предположение подтвердилось.

— Тут был такой интересный факт, — снова вступил в разговор Виктор Иванович. — Частицы при взрыве редко вылетали поодиночке, чаще они объединялись в сгустки по сотне штук. В результате появилась возможность объяснить еще одну из прежних загадок неба — загадку метеоров. Дело в том, что если определить плотность метеоров по тому, как они светятся, влетая в атмосферу Земли, по их торможению, то эта плотность окажется неожиданно незначительной. Но почему? Опыты с нашей «кометой» еще раз доказали, что многие метеоры, сгорающие в верхних слоях атмосферы, являются мелкими осколками «умерших» комет. Они состоят из сгустков пылевых частиц, имеющих малую плотность. Не случайно, конечно, потоки метеоров хорошо совпадают с путями известных ранее комет...

Опыты с искусственной кометой еще не закончены, и я думаю, мы с вами еще раз через год-другой посетим эту интересную лабораторию и узнаем о новых экспериментах, о том, какие еще тайны хвостатых странниц удалось вывести у «прирученных» комет.

Наиболее яркая часть кометы — ее голова. Она нередко превосходит размерами Землю. Однако «голова» оказалась не намного плотнее хвоста. Основная масса кометы, как выяснилось, сосредоточивается в небольшом, не более десятка километров, ядре. Именно ядро представляется сейчас ученым средоточием загадок, связанных с существованием комет.

Существует много научных предположений (гипотез) и теорий относительно состава и строения кометных ядер. Одни астрономы считают, что ядро — это рой каменных глыб. Другие утверждают, что оно состоит из замерзших воды, аммиака, углекислоты и некоторых других веществ, в которые вкраплены, как изюм в пирог, небольшие металлические и каменные пылинки. Как образно выразился американский ученый Уиппл, ядро кометы — это «испорченный лед». Его точка зрения имеет сейчас наибольшее число сторонников. При приближении к Солнцу, полагают ученые, ядро нагревается и легкоплавкие вещества улетучиваются, образуя «голову» и «хвост».

Некоторые кометы через определенный промежуток времени возвращаются к Солнцу. При каждом «свидании» с ним они теряют значительную часть массы, поэтому их жизнь сравнительно невелика. Но именно здесь кроется одна из загадок комет. Ведь иногда они настолько близко подходят к светилу, что проходят прямо через его пылающую взрывами корону, и... как ни в чем не бывало (лишь немного «похудевшие») ухитряются выходить из этой космической «топки». Это удивительно: по теоретическим подсчетам астрономов, кометы должны были испариться целиком после такой встречи!

Для точности расчетов, для того чтобы верно определять время жизни комет, ученым долгое время не хватало одной важной величины — температуры ядра кометы. Ведь чем эта температура выше, тем быстрее должно происходить испарение легкоплавких веществ с поверхности кометы. Мнения по этому вопросу сильно расходились: на одной и той же конференции или совещании разные астрономы для обоснования своих гипотез брали температуры ядер то минус 80°, то минус 180°. В то же время ошибка в определении температуры всего на 15 градусов должна была приводить к ошибкам в определении времени жизни комет в десятки раз. Так какая же получилась ошибка при расхождении на сто градусов! И вот тогда за дело взялись физики-экспериментаторы...

ПЕРЕЗИМОВАВШАЯ КОЛИБРИ

РАССКАЗ

Уильям Сароян

Рисунки В. Бескаравайного

Я слышал, что птицы колибри, будучи невероятно слабыми существами, совершают дальние перелеты, подчас покрывая неправдоподобно огромные расстояния. Что ими движет? Дух?

Мои же познания о птицах колибри ограничиваются тем, что я заметил, наблюдая за ними: они тут как тут, лишь только солнце зацветит ярко, когда повсюду зацветут цветы и воздух наполнится благоуханием.

Едва ли не во всякий погожий день можно увидеть птичку колибри, неподвижно повисшую в лучах солнца над огромным цветком или над соцветием мелких; или увидеть, как она безудержно весело кувыркается в воздухе и вдруг прерывает веселую пляску, стремительно взмывает куда-то ввысь, без всякой причины, может, просто потому, что она живет и радуется жизни.

Но, бывает, у птички не срабатывает инстинкт самосохранения. Словом, бывает и так: когда вся стая, чтобы сохранить себе жизнь, устремляется в теплые края, спасаясь от надвигающихся холодов, одна из птиц остается. Почему она не улетает, этого я объяснить не могу... Может, просто по глупости или из чистого упрямства. Кто знает?

Как-то одна птичка колибри не покинула на зиму окрестности Фресно, что в Калифорнии.

О ней-то я и собираюсь вам рассказать.

...На другой стороне улицы жил старый Дикран. Он был почти слеп. Ему перевалило за восемьдесят, жена была несколько моложе его. Жили они в небольшом домике, в котором царили чистота и опрятность, а внешне он ничем примечательным не отличался бы, если бы не сад старого Дикрана, лучше которого я не видел в мире. В этом саду, благодаря заботам старика, пышно произрастали цветы, кусты, деревья, их крепкие корни питала душистая черная влажная земля. Очень любила этот клочок земли нашего бедного края всякая небесная живность, и старый Дикран в свою очередь отвечал птицам любовью.

В одно морозное воскресенье — это была самая холодная пора зимы, — возвращаясь домой из воскресной школы, я увидел стоящего посередине улицы старого Дикрана, он силился рассмотреть подслеповатыми глазами что-то в своей ладони. Вместо того чтобы побежать в теплый дом, я остановился на ступеньках крыльца и стал наблюдать за стариком. Время от времени он оборачивался и обращал свой взгляд вверх, на деревья, а затем снова на свою ладонь. Наконец, спустя по меньшей мере минуты две, он подошел ко мне, протянул ладонь и спросил по-армянски:

— Что тут у меня на ладони?

Я поглядел.

— Это колибри, — ответил я.

Слово «колибри» я сказал по-английски, поскольку не знал его на армянском.

— А это что такое?

— Крошечная птичка, — пояснил я. — Да вы знаете. Ну, та, что прилетает к нам на лето, неподвижно парит в воздухе, потом стрелой уносится прочь. Ну, которые так быстро-быстро машут крыльями, что невозможно увидеть их. Она у вас на ладони. Умирает.

— Пошли со мной, — сказал старик. — Я слеп, а моя старуха в церкви. Сердечко-то еще бьется, — я чувствую в руке. Неужто совсем плоха? Взгляни-ка еще раз.

Я еще раз поглядел на нее. Это было грустное зрелище: чудесная крошечная спутница лета — в большой, огрубевшей от работы руке старика. Застигнутая зимним холодом врасплах, жалкая и совершенно беспомощная.

— Она умирает, — тихо сказал я.

Старик поднял руку к губам и теплом своего дыхания пытался согреть крошечное тельце, которое он даже не мог увидеть.

— Ничего, — бормотал он по-армянски, — до лета совсем немного осталось. Подожди немного, милая, подожди, неугомонная...

Мы вошли в его домик; старик не переставал дыханием согревать птичку. Когда мы прошли в кухню, он сказал мне:

— Возьми столовую ложку меда и поддержи над горящим газом, потом налей мне в ладонь, но смотри не перегрей

Я сделал, как он велел.

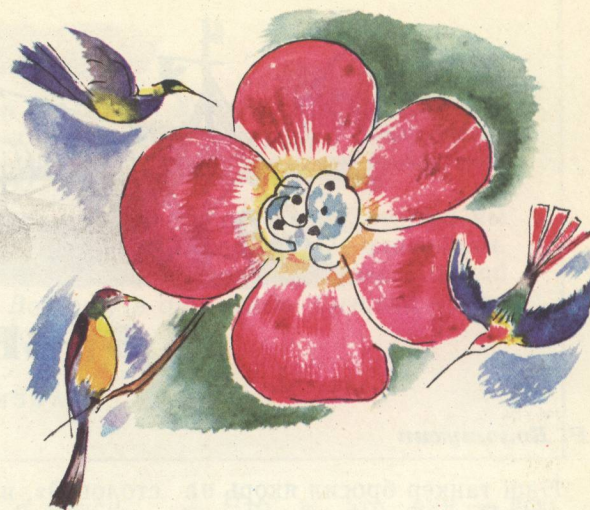
Через минуту колибри стала подавать признаки жизни. И все это благодаря комнатному теплу, парам согретого меда и, уж конечно, воле и любви старика. Спустя мгновение колибри принялась робко тыкать клювом в мед.

— Теперь она спасена, — заявил старик. — Вот увидишь.

Перемена была невероятная. Старик держал свою ладонь великодушно открытой, и у меня было такое чувство, что беспомощная колибри из его руки вот-вот взлетит вверх, затем повиснет в воздухе, и от неожиданности дух у меня захватит... Так и случилось.

Новое дыхание жизни в крошечной птичке было прекрасно. Взмахнув крылышками, она полетела по тесной кухоньке, то приближаясь к окну, то — назад к огню, потом, будто чудо, неподвижно застыла в воздухе, затем закружилась, завертелась, словно это было лето и она в жизни своей не чувствовала себя лучше, чем теперь.

Слепой старик, сидя на стуле, ничего этого не видел, но весь превратился в слух. Он, не

переставая, спрашивал про колибри — какой она кажется, нет ли признаков слабости или беспокойства, в каком она настроении, замечаю ли я в ней нетерпеливость, и я все время ему описывал состояние птички.

Когда у колибри стало явным беспокойство и нетерпение, старик сказал мне:

— Открой окно, и пусть летит.

— А она не погибнет?

— Она живет и хочет на волю, — ответил он. — Открой окно.

Я открыл окно, колибри заметалась, подлетая то к одному углу, то к другому, чувствуя холод снаружи, неподвижно повисла перед открытым окном, затем сделала еще несколько кругов и вылетела.

— Закрой окно, — сказал старик.

Мы поговорили еще минуту или две, и я отправился домой.

Старик уверял потом, что наша колибри пережила зиму, что же касается меня, то я не совсем был в этом уверен. Когда наступило лето, я вновь увидел птиц колибри, но одну от другой отличить не мог.

В одно прекрасное летнее утро я спросил старика:

— Выжила она?

— Птичка?

— Да, — отвечал я. — Та самая, которую мы кормили медом. Да вы помните! Крохотная птица, что умирала в ту зиму. Выжила она?

— Оглянись вокруг себя. — сказал старик, — ты видишь птицу?

— Я вижу много колибри.

— Любая из них — наша птица, — ответил старик. — Любая из них, любая из них, — прибавил он мягко, скороговоркой.

БАЗБАЗИФА

РАССКАЗ МОРЯКА

Р. Колотухин

Рисунки Ю. Шабанова

Наш танкер бросил якорь на рейде Порт-Саида у входа в Суэцкий канал.

Вокруг стояли суда под разными флагами. Как и мы, они ждали прохода встречного каравана из Красного моря — французы, болгары, шведы, англичане... Как бы напоследок, перед предстоящим томительным переходом через Красное море и Индийский океан, Европа посылала нам свежий ветерок, и флаги на судах весело трепетали. Среди их разноцветья я не сразу приметил «старз энд страйпз» — звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов Америки.

«Американец» стоял на якоре неподалеку от нас. Он ничем не выделялся — обыкновенный сухогруз; стоял, как все, и ждал.

Перед заходом солнца к борту нашего танкера подрулил небольшой мотоботик, на корме которого тоже развевался звездно-полосатый флажок. На баке, широко, по-морскому, расставив ноги, стоял плотный мужчина в светлых брюках, в безрукавке и кричал в рупор: «Прошу аудиенции у капитана! Прошу аудиенции у капитана!..» Спустили трап. Мужчина, несмотря на солидную комплекцию и возраст (лет за пятьдесят), легко взбежал наверх.

Минут через двадцать объявили: «Экипажу собраться в

столовой», и первый помощник представил нам гостя:

— Товарищи, это мистер Лидс, — помощник кивнул в сторону гостя, и тот приветливо улыбнулся нам, — капитан американского судна «Омаха». Он приглашает нас в гости к себе на борт. Мистер Лидс — участник Великой Отечественной... то есть второй мировой войны. В сорок третьем году русские моряки спасли ему жизнь в Северном море, когда судно торпедировала гитлеровская подводная лодка. Капитан говорит, что он питает сердечную симпатию к нашим морякам...

Капитан Лидс не переставал улыбаться. По всему видать, добродушнейший дядька был этот мистер Лидс! Щирый, как говорят у нас на Украине...

— Ну, товарищи? — помощник взглянул на часы. — Встречный караван выйдет из канала не раньше нуля. Время есть. На судне — порядок. Думаю, можно посетить американца?

— О'кей! — капитан хлопнул себя широкой ладонью по колену и поднялся. — Очень о'кей!..

На «Омахе» нас ждали. У воды покачивался парадный трап. Специально для нас? Ох, мистер Лидс, зачем, разве мы не можем по штормтрапу!

Крепкие, загорелые парни встретили нас на борту. Ра-

достно жали руки. Мистер Лидс высоко, как это делают рефери на ринге, поднял пудовый кулачок нашего боцмана Вали Хуторского (надо сказать, рядом с Валею даже мистер Лидс выглядел коротышкой) и провозгласил: «Руски богатыр! Ура!..»

— Прошу... — хлебосольным жестом капитан пригласил всех в кают-компанию, где был сервирован, как он выразился, «дружный ужин».

Первый помощник покосился на батарею разнообразных бутылок и шепнул мне: «Кто с нуля на вахту — ни грамма. Остальным — по пятнадцать капель. Передай дальше...» И я передал. Слово в слово.

Провели мы вечер весело: команда на «Омахе» оказалась гостеприимной, под стать капитану. Кстати, в разгар ужина мистер Лидс поднялся, жестом факира попросил тишины и воздел глаза и руки к висевшему тут же, в столовой, динамику. Все умолкло. А в динамике что-то зашуршало, затрещало, и вдруг мы услышали знакомый голос Клавдии Шульженко:

Расцветали яблони

и груши...

Это был сюрприз капитана Лидса. Специально для нас! Так, под звуки «Катюши»,

На снимке — боцман Валентин Хуторской. Три года назад, во время пожара на теплоходе «Александр Грин», он героически погиб и посмертно был удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Писатель Роберт Колотухин, автор рассказа, который мы публикуем, хорошо знал Хуторского по совместным плаваниям.

Действие рассказа происходит до начала израильской агрессии на Ближнем Востоке, в дни, когда Суэцкий канал еще был открыт для судоходства.

мы и отвалили потом от борта «Омахи». Было в этом что-то необыкновенное — низкое небо над Порт-Сайдом, крупные южные звезды, темнеющие шпили минаретов, Африка справа по борту — и «Катюша». На весь рейд! Капитан Лидс специально дал команду включить трансляцию на всю катушку. «Гуд бай, «Омаха»!..»

— Отличные ребята, — сказал я боцману, когда мы уже поднялись на борт нашего судна. — А мистер Лидс...

— Да-а... — задумчиво произнес Валя. — Между прочим, знаешь, куда они идут?

— Не спросил...

— Тоже во Вьетнам... А что у них в трюмах, знаешь?

— Не знаю.

— Думаю, не подарки для вьетнамских ребятшек...

...В нашей кают-компании кок дядя Саша Снядовский в это время кормил арабов-швартовщиков и электрика.

По положению, каждое судно, входящее в Суэцкий канал, обязано брать на борт лоцмана, электрика и швартовщиков. Лоцман на время проводки становится как бы хозяином судна, отвечает за него; электрик устанавливает на баке прожектор и освещает на ходу фарватер канала; а швартовщики нужны на развилке, где мы пропускаем еще один встречный караван судов: ка-

нал ведь работает с максимальной нагрузкой. Здесь, на развилке, арабы швартуют наше судно к берегу, а когда встречный караван пройдет, отдадут концы и будут свободны.

...Но это я так, к слову. Ночью цепочка огней медленно выползла навстречу нам из канала, тут же распалась в разные стороны — это прошел встречный караван, — и теперь настал наш черед идти по каналу. На судне объявили аврал.

Я вышел на палубу. Прожектор на баке горел ярко, и можно было ясно различить надпись и порт приписки на корме впереди идущего сухогруза: «Омаха. Бостон».

Рядом со мной остановился боцман Хуторской:

— Узнаешь?..

Между прочим, швартовщиков они на борт не пустили. Вот так и висят всю ночь в шлюпке.

Я присмотрелся и увидел шлюпку, висевшую с правого борта «Омахи» на таях у самой воды. В шлюпке уже можно было различить людей, сбившихся кучкой.

— Что ж это они — всю ночь?..

— Хм... — усмехнулся боцман. — «Омаха» же везет не рождественские подарки! Только не понимаю, зачем мистеру Лидсу понадобилась вся эта вчерашняя самодеятельность!

А с правого борта уже светился слабыми огоньками порт Исмаилия. Пройдет всего лишь несколько часов и...

Тишина. Ночная тишина.

Но вдруг тишину прорезал крик. Возле борта «Омахи» кто-то беспомощно барахтался в воде. В шлюпке метались лю-

ди, кричали, тянули руки, пытаясь достать тонущего. Поздно — «Омаха» уходила все дальше и дальше. А шлюпка так и продолжала висеть на таях. Вот кто-то прыгнул из нее, и теперь уже в воде барахтались двое. А караван идет, идет, не сбавляя хода. Ни один лоцман не имеет права нарушить дистанцию: заклинишь канал — всю жизнь будешь платить неустойку владельцам судов, идущих позади тебя. Время — деньги! — это закон на канале.

Двое утопающих уже барах-

таются на траверзе нашего судна. Неужели погибнут!

— Держи конец! — боцман протянул мне связку тонкого каната. — Быстро на грузовую палубу!

Мы скатились вниз по трапу. Те двое, кажется, начали пускать пузыри. Нельзя было терять ни секунды. Пока боцман обвязывал себя канатом под мышками, я быстро закрепил другой конец каната за леер мечты.

— Трави помалу!.. — крикнул Валя и прыгнул за борт.

Он пошел широкими саженками, на полкорпуса выходя из воды. Вот он схватил обоих. В этот момент ко мне на помощь подоспели ребята. Вовремя. Ведь те трое были уже за кормой. И нужно было тянуть, потому что была дорога каждая секунда, нужно было выбирать лить, пока он не ушел под форштевень следующего за нами судна.

И вдруг я почувствовал, что мы идем самым малым ходом. Самым-самым малым. Тянуть стало легче. «Наверное, на мостике нажали на лоцмана, — мелькнуло в голове. — ...Раз-два!.. Осторожно... Только бы выдержал лить...»

Мы вытащили их. С Вaley Хуторским было все в порядке. А вот тех двоих едва откачали. Пришлось морякам попотеть, делая им искусственное дыхание.

Первым очнулся старший. Это был худой, измученный араб, возраст которого трудно было на глаз определить.

Потом пришел в себя мальчик, его сынишка, как мы узнали впоследствии. Был он такой же худущий, как отец, с такими же торчащими из-под кожи ребрами и ключицами.

Оба — и отец, и сын — находились в состоянии шока. Они осоловели водили глазами и только через час сумели связно рассказать о том, что же произошло на «Омахе».

А ничего особенного, собственно, не произошло. Просто мальчик захотел есть. Он специально спросился в этот раз на работу с отцом в надежде раздобыть хоть какую-нибудь еду, остатки еды. В доме хоть шаром покати, а кроме него просят есть пять маленьких ртов. Он и котелок с собой прихватил: «Моряки дадут! Это такой народ!.. Обязательно дадут!..»

Но парнишка попал на «Омаху». К вам, мистер Лидс. И всю ночь просидел за бортом в шлюпке. Голодный. И к утру не выдержал. Котелок в зубы — и по таям наверх, на палубу. Там его и схватили.

Мы не знаем точно, вы дали команду или нет, мистер Лидс, но факт остается фактом — мальчишку выбросили за борт. Выбросили, как щенка. Отец бросился следом (он знал, что мальчик совсем не умеет плавать), но тоже пловец был не ахти...

Мы откачали парнишку, мистер Лидс. Откачали, накормили, впрок нагрузили продуктами и попрощались с ним на развилке канала. И он еще долго бежал за нами по берегу и все кричал:

— Базбазифа!.. Базбазифа!..

Мы топтались на палубе, и никто из нас не мог перевести это странное слово, пока радист не догадался:

— Он кричит «спасибо».

А вашу «Омаху», мистер Лидс, мы догнали и обошли уже в Красном море. Мы шли одним курсом, мистер Лидс. К Вьетнаму. Но цели у нас были разные.

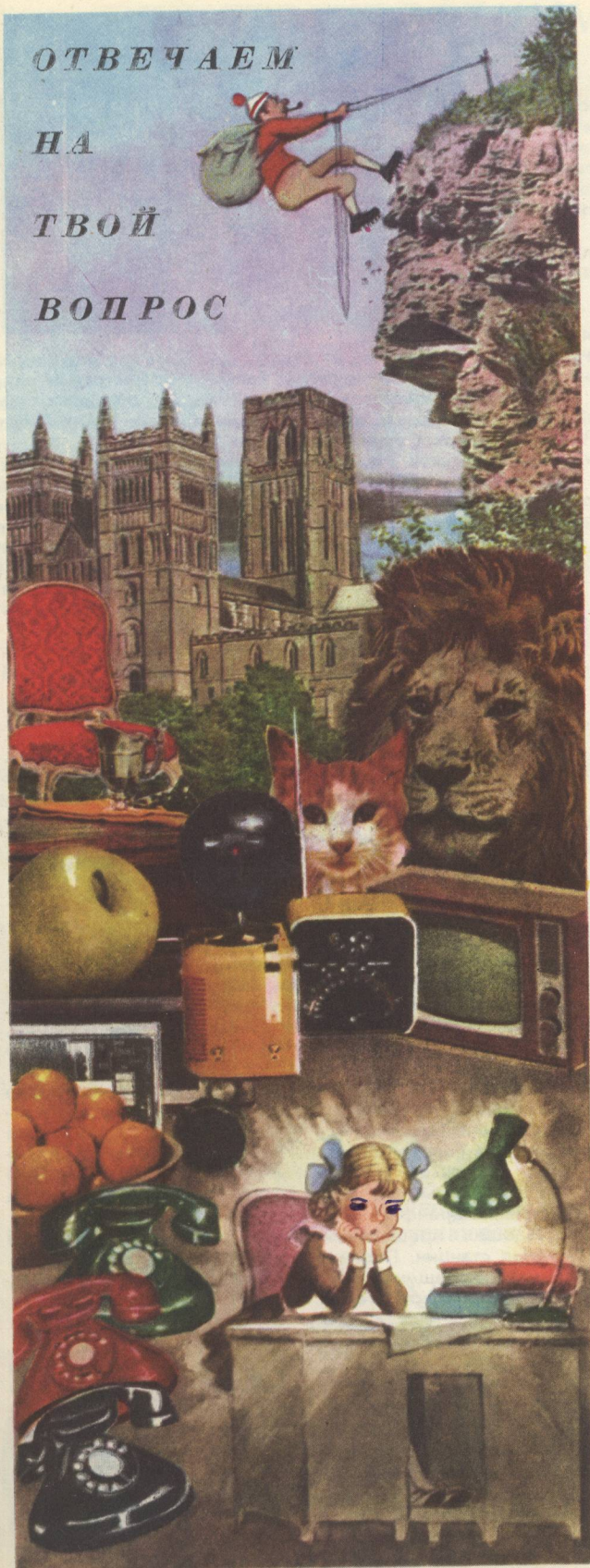

ОТВЕЧАЕМ

НА

ТВОЙ

ВОПРОС

Здравствуй, дорогая редакция!

Каждый день я делаю для себя маленькие открытия. Сегодня, например, я вдруг подумала, что нет на свете самого-самого. Такое бывает только в сказках, а в жизни всегда можно встретить еще лучшее. Вы считаете, что какой-то человек самый-самый мудрый, все знает, а через несколько дней вы встречаете более умного. И так во всем. Вы не можете быть уверены, что знаете самое-самое. Это неверно. Скажите, права ли я? Может быть, на свете все же есть что-то самое-самое?

Инна Замкович, г. Тула

На этот вопрос не ответить в двух словах. Позволю себе начать как бы издаലെка.

Существует гора Эверест в Гималаях, самая-самая высокая гора в мире. Если альпинист взобрался на эту вершину, ему выше подняться просто некуда, остается спускаться.

И о многом другом в природе мы можем сказать, что оно «самое-самое» — самая длинная река, самый легкий металл, самая маленькая птица и так далее. Можно так говорить о том, что вообще не меняется — во всяком случае, в продолжение тысяч лет.

С другой стороны, мы говорим «самое-самое» во многих случаях, когда просто высказываем личное мнение, личные вкусы. Одни считают, что самый красивый в мире город — это Париж, другие — что Ленинград, третьи думают так о Рио-де-Жанейро, четвертые... уж не знаю, что думают. От личного вкуса зависит, какое варенье считать самым-самым вкусным, запах каких цветов считать самым-самым приятным. Впрочем, тут мнения уже могут меняться со временем.

Не только наши мнения и вкусы могут меняться, меняется сама жизнь. Все честные люди на земле стремятся к лучшему, и не могут же их усилия оставаться безрезультатными! Наша вера в лучшее будущее основана на естественной уверенности, что усилия миллионов людей должны приносить свои плоды. И никакого предела, после которого уже ничего лучшего не может быть, не предвидится.

Когда же мы говорим, что такой-то день самый-самый лучший, мы тем самым представляем себе какой-то предел возможного — и поэтому ошибаемся. Нет предела возможностям науки, нет предела возможностям человеческого разума, и поэтому вообще не наступит такой момент, когда люди скажут: мы достигли самой вершины, выше подняться некуда, остается либо остановиться, либо спускаться вниз.

Ты пишешь, что «всегда можно встретить еще лучшее». И это совершенно верно.

*С. Тхоржевский, писатель
Рисунок Б. Семенова*

ПИОНЕРСКИЙ ВЫМПЕЛ ВО ЛЬДАХ АРКТИКИ

Эта фотография может показаться даже малоинтересной. Но она сделана на Северном полюсе. На полюсе, много веков считавшемся недоступным. И только в наше время ставшим местом экскурсий детей.

Люда Васильева, ученица школы № 1 города Тикси Якутской АССР, вспоминает:

В мае 1966 года в Тикси прилетели профессор А. Ф. Трешников, директор Всесоюзного научно-исследовательского института Арктики и Антарктики, Герой Социалистического Труда, и писатель Борис Полевой — главный редактор журнала «Юность». Вскоре гости вылетели на дрейфующие тогда станции и через неделю вернулись обратно.

Тогда-то тиксинские пионеры дружины имени Павлика Морозова и пригласили именитых гостей в клуб поселка на пионерский сбор. Много интересного услышали здесь ребята, и казалось, не будет конца их вопросам. Ведь каждому хотелось побольше узнать об отважных людях, осваивавших суровые просторы Севера.

А потом... Алексей Федорович Трешников пошептался с Борисом Николаевичем Полевым и объявил: направляем пионерскую делегацию... на станцию «Северный полюс-15».

Надо ли говорить, как неистово зааплодировали хозяева?

На следующий день Алексей Федорович Трешников беседовал с ребятами в школе. Обошел классы, заглянул даже в спортивный зал и, расставаясь, записал в альбоме:

«Ребята!

Мне было очень приятно побывать в гостях у вас. В этих местах я начинал свои полярные исследования, зимовал и исследовал Новосибирские острова. В Тикси тогда еще не было никакой школы, а сейчас здесь крупный город с магазинами и школами, детским садом и заводом. Вам, дорогие ребята, предстоит изучать и осваивать Советский Север. Поэтому не теряйте времени, учитесь, изучайте современную технику.

А. Трешников — доктор географических наук, почетный пионер вашей школы».

Оставил свою запись в альбоме и Б. Н. Полевой:

«Дорогие ребята!

Я был очень взволнован, встретившись с вами, школьниками Заполярья, и убедился, что тут, вблизи Северного полюса, жизнь бьет ключом, как в Москве, Ленинграде и других местах великой страны нашей, и что ребята здесь также деятельные, пытливые, веселые.

Желаю всем вам хорошо учиться и стать настоящими советскими людьми.

Б. Полевой — новоиспеченный пионер дружины имени Павлика Морозова».

11 мая 1966 г.
г. Тикси

На сборе совета дружины были отобраны самые достойные: семиклассник Витя Рымырь, пятиклассница Люда Васильева, четырехклассница Лара Михайлова и октябренок Сережа Фишов из 3-го класса.

Даже те, кто поначалу огорчались, что не они попали, быстро забывали досаду. Делегаты стояли у всех на виду, перед строем дружины...

...В полярную светлую ночь сказочная птица «Ли-2» доставила ребят в аэропорт. В салоне летчики, сдвинув бумагу в сторону, усадили детей за стол пить чай.

Самолет взял курс на Север. Виктор и Сережа еще торопливо допивали обжигающий чай, когда самолет совершил посадку на крохотный ледовый аэродром.

Гостям предложили прокатиться на тракторе до станции СП-15. Но они предпочли пойти пешком по узкой тропинке, петлявшей между торосами.

По неписаным морским законам каждого гостя прежде всего кормят. Гостей провели в кают-компанию. Здесь же собрались все свободные от вахты полярники. Перебивая друг друга, они спрашивали: какая погода на берегу? Что нового в Тикси? Как учатся? Чем занимается дружина? Не боялись ли родители отпустить детей на край света? А начальник станции Владимир Васильевич Панов передал в радиорубку радиogramму: «ПОР 521, СП-15, 0148, 16, 14, 0230 — Срочно Тикси школа № 1 Булькиной.

Дети прибыли благополучно...»

...На другой день пионерам показали хозяйство зимовщиков. Все было интересно: и метеоплощадка, и домики радистов, аэрологов, синоптиков, врача. В палатке гидрологов через лунку они увидели воду океана. Им показали, как определяют химический состав воды, как измеряют глубину океана, а она здесь без малого четыре километра.

Вечером в кают-компанию Люда Васильева рассказала полярникам о работе дружины, о решении совета принять в почетные пионеры В. В. Панова, В. В. Агафонова и радиста Геннадия Михайлова. Ребята повязали полярникам красные галстуки, вручили коллективу СП-15 пионерский вымпел и попросили вернуть его после окончания дрейфа.

Подосел прощальный вечер. Принесли вахтенный журнал станции. Пионеры записали в нем свои впечатления о посещении СП-15. Пора обратно на материк, самолет уже прилетел...

...Прошло пять лет. Давно закончен дрейф станции СП-15. Новые дрейфующие станции исследуют Северный Ледовитый океан. В памяти той четверке друзей такие новости. Витя Рымырь с родителями возвратился в Ленинград, а семья Лары Михайловой перебралась в Верхне-Колымский район Якутии, и только Люда Васильева и Сережа Фишов по-прежнему живут в Тикси. А что с пионерским вымпелом? Где он находится, в Тикси?

Может быть, вы, ребята, сообщите о его судьбе?

ЗА ЗЕЛЕНЫМ СТОЛОМ

И не закончены дела,
И песни не допеты,
Вокруг зеленого стола —
Зеленые поэты.
Незримо — юность впереди,
Звонящая, как роща...
К столу зеленому прийти
Тропой стихов, наощупь.
И здесь взметнуться в синеву,
Стихам и свету веря!
Мы рвем сукно, как рвут траву
Растущие деревья.

Идет время. Недавно, будто, написаны эти стихи, однако автор — уже студент... А за тем же зеленым столом — новые юные поэты. Читают свои стихи, спорят, спорят так же, как спорили их сверстники двадцать пять лет назад...

Тогда, в первые послевоенные годы, литературное объединение Ленинградского Дворца пионеров называлось студией литературного творчества. Руководил ею поэт Глеб Сергеевич Семенов. Многие кружковцы тех лет, впоследствии стали профессиональными литераторами.

Путь в поэзию без наставника и поэтической среды очень труден. Нельзя представить себе Пушкина без Жуковского и без Лицея, где все писали стихи. Общение со взрослым поэтом и поэтами-сверстниками обогащает каждого юного литератора.

За четверть века более трехсот юных поэтов прошли школу Дворца. Их стихи — в старых стенгазетах, в дворцовских шкафах, в рукописных альманахах.

И в книгах.

Первая книга — целиком дворцовская. Она называется «Первые стихи. Сборник стихотворений школьников — учащихся студии литературного творчества Ленинградского Дворца пионеров». Книга вышла в 1947 году.

«Книга юных» (1962 г.) — сборник стихов кружковцев Дворца и юных поэтов из объединения при газете «Ленинские Искры». В сборнике «Час поэзии» — стихи пяти воспитанников Дворца (1965 г.).

Стихи семнадцати авторов — кружковцев Дворца вошли в сборник «Тропинка на Парнас» («Молодая гвардия», 1969).

Здесь в «Костре» — еще одна встреча юных поэтов с читателями. Новые стихи — новые имена.

А. Адмиральский,
руководитель литературного клуба
«Дерзание»
Ленинградского Дворца пионеров

**Рассказы
и стихи
наших
читателей**

БАГАЖ

Вот, друзья, и мой багаж:
Авторучка, карандаш,
Белая бумага,
Честность и отвага.

ЗЛОСТЬ

Как невыносима
Злость,
Колет сердце,
Точно гвоздь.

СТИХИ

Стихи!
Я очень вас люблю!
Ум, доброту
Для вас коплю.

Вера Иванова,
8 класс, 229 школа, Ленинград

ЮЖНЫЕ СТИХИ

Слева — море, справа — скалы
Встали каменной стеной.
Вечно тропы и обвалы
Остаются за спиной,

Вечно колющее солнце
В бесконечной синеве,
Вечно солнечные кольца
Опускаются к траве.

Так проходит жаркий полдень
По дорогам и камням,
А потом грохочут волны,
Чтобы выбросить меня...

Чтобы снова — даль-надежда,
Снова пенная волна,
И прозрачная, как прежде,
Голубая глубина.

Чиканов Сергей,
8 класс, 266 школа, Ленинград

ЖЕЛТАЯ СТРАНА

Я нашла в песочке
желтенькое стеклышко.
Посмотрела я в него,
будто бы в оконышко.

И увидела я вдруг
желтую страну.
Что увидела я в ней,
я вам расскажу.

По дороге бежит
очень желтый пес.
Желтый-желтый почтальон
нам письмо принес.
Желтое письмо беру
желтыми руками,
в желтый скверик отнесу
милой желтой маме.
Было небо синее —
стало желтым вдруг.
Желтые ребята
встали в круг.

Тут стекло я
от глаз убрала,
стала вдруг обычной
желтая страна.
На скамье сидят старушки
и того не знают,
что они иной раз
желтыми бывают.
На дороге — тот же пес,
но — обычный, рыжий,

и обычный воробей
чирикает на крыше.
Только солнце, только солнце,
солнце желтым остается!

Алла Семенова,
6 класс, 28 школа, Ленинград

* * *
Все сегодня — про меня!
Все сегодня — для меня!
Синий ветер, талый лед,
Птица — про меня поет!
Тихо шепчется листва —
Про меня!
Солнца свет, сама весна —
Для меня!

* * *
Только не много ли
для меня одной будет?
Возьму-ка я полсолнца,
Возьму-ка я полнеба,
Сочиню-ка песню
И отдам людям!

* * *
Шло с бидоном лето по траве
росистой,
Молоко парное в бидоне серебристом.
Вдруг споткнулось лето
о пенек легко,
И на землю брызнуло
молоко.
Лето не заметило,
побежало дальше,
А я домой принесла
душистые ландыши.

Лена Цывкина,
8 класс, 530 школа, г. Пушкин

ПОВЕСТЬ

Вадим Инфантьев

Рисунки А. Сколозубова

ОН МОЖЕТ УДРАТЬ

Прошла неделя, другая, мы по-прежнему ходили на лед. Я горестно размышлял о том, что на господ офицеров надеяться нельзя, но ничего путного придумать не мог. Дни становились все длиннее и длиннее, а Артур Максимович — все раздражительней и нетерпеливей. От восхода до заката я, обливаясь потом, долбил лунки.

Я догадывался, почему торопится Артур Максимович: на носу апрель, скоро будет опасно ходить по льду. Основные промеры северного фарватера сделаны, Кронштадт позади. Поэтому в любой момент Артур Максимович может уехать и увезти с собой все, что мы намеряли с ним, и тогда будет поздно что-либо предпринимать. И зачем он ездит в Петербург? Может, передает сведения кому-то другому, а тот уже отправляет за границу? Так тоже может быть...

Этой мыслью я поделился с отцом. Он нахмурился, засопел, положил мне на плечо свою тяжелую руку, а потом ушел на весь вечер из дому.

Не знаю почему, но больше, чем с отцом и матерью, мне хотелось откровенно поговорить с Ксюшей.

Встретиться с ней никак не удавалось, потому что Артур Максимович вдруг перестал ездить в Петербург и мы каждый день с рассвета до заката торчали на льду.

Как-то вечером, когда я шагал к дому, волоча за собой санки, меня окликнули. В светлых мартовских сумерках возле пустыря, на груде бревен, за день обтаявших и высохших на солнце, темнели чьи-то фигуры. Огоньки

цигарок медленно разгорались и потухали, словно приближались ко мне и вновь удалялись. Я оставил санки на дороге и заковылял нехотя к бревнам. Там сидели отец, дядя Семен, дядя Василий — отец Ксюши и еще трое рабочих с нашего завода.

И тут я неожиданно расхрабрился и спросил:

— Дядя Василий, а Ксюха не спит еще?

— Нет, а что?

— Можно мне ее на минутку позвать?

— А не рано ли назначать свидания? — рассмеялся дядя Василий.

Меня обдало жаром, и даже подумалось, что уши мои в темноте стали светиться, как нагретые куски железа.

— Мне по делу.

— По какому такому делу?

Растерявшись, я посмотрел на отца, на дядю Семена, те молчали. Дядя Василий тоже посмотрел на них и ответил:

— Ну, пошли.

Я попросил отца дотащить до дома санки и поспешил за дядей Василием. Он шел быстро, ступал твердо.

Отворив калитку, сказал:

— Проходи в дом, чайком с вареньем угощу.

— Нет, я у ворот подожду, мне на минутку.

— Секреты, значит, — рассмеялся дядя Василий. — Ну и ну.

Он вошел в дом, стало тихо. Потом скрипнула дверь, послышались быстрые Ксюшины шаги. Она вышла из калитки, закутанная в старую шаль, и удивленно воскликнула:

— Ты, Проха? Господи, а батя сказал, что меня какой-то солидный господин вызывает. Чего тебе?

Окончание. См. «Костер» №№ 8—9, 1971 г.

— Прямо не знаю, что и говорить, — признался я. — Таскаюсь каждый день по льду с этим Артуром Максимовичем, устаю как собака...

Ксюша тихо сказала:

— А меня мама к баронессинной кухарке стала часто посылать то за постным маслом, то за солью. Кухарка и в гостях у нас была, ее даже наливкой угощали. А твой Артур Максимович все чудит. Каждый вечер для него одного баню топят. Нет, чтоб, как люди, попарился в бане — ванную ему подавай. Сколько воды, дров перетаскать надо...

— Ксюша, — сказал я, думая о своем. — Ты не слышала, Артур уезжать не собирается?

— Нет. А что?

Я рассказал ей о своих опасениях, что Артур Максимович может ударить. Ксюша рассмеялась:

— Теперь мне понятно, зачем меня так часто к кухарке посылают... А дачу баронессы сторожит цепной пес Корсар, огромный, страшный, аж задыхается, хрипит в ошейнике и на задние лапы встает. Но я его не боюсь и зову Корсиком. Он на меня уже лает по-иному и хвостом виляет... Ну, да мне пора. Студено на улице.

— А мне завтра снова на лед, — сказал я.

— Ты осторожней, — тихо сказала Ксюша. — Мало ль чего этот Артур задумал. А потом, лед трещит, рыхлый стал, вода поверх выступила. Ведь каждую весну кто-нибудь да тонет в заливе... Ты что? Что с тобой?

У меня перехватило дыхание. Такая мысль вдруг пришла в голову, что сам испугался. Но я сказал мрачно и решительно, как мой отец:

— Надеяться, Ксюша, не на кого. Артур может ударить, но я не дам. Я его утоплю.

— Как утопишь?

— А так! Лед слабый, рыхлый, Артур тяжелый, я легкий, лед под ним раньше провалится, чем под мной.

Ксюша воскликнула:

— Ой, Проха!

А я, тяжело дыша, уже рисовал в воображении зловещую картину, как Артур Максимович барахтается в ледяном крошеве и уходит на дно, пуская пузыри. Но Ксюша вдруг сказала:

— Если он провалится, вы оба утонете. Неужели ты сможешь стоять и смотреть, как человек тонет? Ты бросишься к нему на помощь, а он тяжелый и утопнет тебя за собой.

— Он шпион, а шпионов на войне вешают.

— Все равно человечья душа, — возразила Ксюша.

— Нет, Ксюша, — сказал я решительно, — я его утоплю, раз господа офицеры ничего предпринять не могут. Ну, а то, что могу и сам утонуть... то это как на войне.

— Ой, Проша, — всхлинула Ксюша и погладила меня по рукаву.

Утреннее солнце слепило глаза. Тени на снегу были голубыми-голубыми, как упавшие кусочки неба. Резво бежала лошадь и весело пофыркивала. Кучер Лука часто понукал ее и что-то непрерывно бормотал. Артур Максимович лежал на сене, я сидел у него в ногах и все думал о том, что стану делать, если он провалится под лед.

На ногах Артура Максимовича были сапоги из какой-то странной кожи кирпично-красного цвета, блестящей, без всяких пупырышек и морщинок. Но самое удивительное было то, что сапоги не имели швов, и подошва, и каблук — все сплошное. Как такие делают и где их делают? Я осторожно потрогал сапог пальцем. Кожа была холодной и гладкой.

Сзади донесся топот, нас нагонял всадник. Я издали узнал прапорщика Савельева и обрадовался — значит, он сейчас арестует Артура Максимовича...

Поравнявшись с санями, не взглянув на меня, прапорщик приложил руку к фуражке и крикнул:

— С добрым утром, Артур Максимович!

— С добрым утром, Виктор Иванович! — ответил тот. «Оказывается, они знакомы!» — испуганно подумал я. — И может, они заодно? А я-то все прапорщику разболтал...

— Куда вы так рано едете? — спросил Артур Максимович.

— Гостей жду, — ответил Савельев и спросил: — А вы опять за рыбкой? Будьте осторожней, лед слабый... Честь имею!

Прапорщик приложил руку к фуражке, прищипил коня и поскакал вперед, обдав нас лепешками снега из-под лошадиных копыт.

«Что же мне делать?» — озадаченно размышлял я, — ну хоть бы знак какой подал. А может, он нарочно не показал виду, что знает меня?»

Я так сильно задумался, что не заметил, как нам навстречу подкатил возок. Его кожаный верх был поднят, в глубине возка сидел седобровый старик, закутанный в меховую шубу. Кучер придержал лошадей, поднял руку, перегнулся к нам и спросил:

— До Сестрорецка еще далече?

— Верст восемь будет, — ответил Лука. — А кого вам там?

— К их благородию прапорщику Савельеву.

— Вот-те на! Он же вам навстречу верхом поскакал на гнедом жеребце. Где ж вы разминулись?

— Вот незадача, — произнес кучер, сдвинул на брови шапку и почесал затылок. Закутанный старик чуть подался вперед и внимательно посмотрел на Артура Максимовича. В глубине возка сидел второй закутанный человек, были видны только глаза и брови. Но мне показалось, что это мичман Порогин.

Когда въехали в Лисий Нос, навстречу снова попался прапорщик Савельев, и Лука ему крикнул:

— Ваше благородие, гостей прозевали. Они уже проехали и вас спрашивали. Где же вы разминулись?

— Завернул к знакомому на минутку и вот оказался! — ответил прапорщик. — Догоню их.

Он поскакал к Сестрорецку.

Я ехал и думал, что все это неспроста. А может, все случайно? И что мичман в возке сидит — мне показалось?

Под снегом была вода. Старые отцовские сапоги пропускали, и ноги у меня стали мокрыми. Я стаскивал набухшие сапоги, выжимал портянки, обматывал ступню сухим концом, а мокрый наворачивал на голень, чтоб просыхала портянка... Но через минуту в сапогах снова хлюпала вода до того холодная, что начинали ныть зубы.

Как только вышли на лед, Артур Максимович вынул из своего ящика моток тонкой веревки, к одному концу которого был прихвачен грузик, как у бросательного конца, которым с корабля подают швартовы на причал. К другому концу веревки была прикреплена стальная кошка с острыми лапами.

— Неси это на себе, — приказал Артур Максимович. — Если я провалюсь, бросишь конец мне, а кошку зацепишь за что-нибудь, за трещину или вобьешь ее в лед. Понял?

— Понял, — ответил я.

Веревка была золотисто-желтого цвета с упругими волокнами, слегка маслянистая на ощупь. Кажется, это сизальский трос, легкий и крепкий, у деда в кладовке такой хранится. Когда мать хотела на нем белье вешать, то дед кричал: «Не смей, это корабельная снасть — сизальский трос, а ты на нем рваные портки вешать?..» И тут другое пришло мне в голову: «А если я провалюсь, то кто мне подаст спасательный конец? Ведь второй веревки у Артура Максимовича не видно...»

Артур Максимович вынул из бокового кармана большие медные часы, посмотрел на них и показал мне рукой:

— Иди туда.

Я пошел, влоча за собой санки, пешнею простукивая перед собой скользкий лед. На льду была вода. «Значит, и это он предусмотрел, — горько думал я. — Но подо мной лед, может, еще не провалится, под ним скорее». Косаясь через плечо, я видел, как Артур Максимович тронулся вслед за мной и тоже простукивал лед пешнею. Вода из-под его сапог разлеталась сверкающими брызгами. Вот Артур Максимович окликнул меня, двумя ударами пешни отметил место для лунки и пошел дальше своими размеренными шагами.

В эти апрельские дни клев корюшки бывает особенно хорош, но Артур Максимович им уже совсем не интересовался. Спустит леску, чуть подержит, сматает и ну шагать дальше. Он явно торопился.

От ледяной воды у меня нестерпимо ломило ноги, а самому было жарко, уж очень часто пришлось долбить лунки. Меня удивило, что Артур Максимович стал сильно потеть, вот уж который день это замечаю. За весь день продолбит сам две-три лунки, а пот по лицу течет ручьями, он непрерывно вытирал его платком. «От страха, что ли, это?» — подумал я. Но Артур Максимович, видимо, зная, что весной лед у берега бывает более слабым, чем вдали, часто шел впереди меня, и я следовал за ним в полной уверенности, что не провалюсь. Он же тяжелее меня.

После полудня, как всегда, мы поели, и Артур Максимович по-прежнему меня угощал. Сам он ел вяло. Покурив, послал меня к белевшему сажень в пятидесяти от нас небольшому бугорку посмотреть, какой там лед. Санки я оставил, а пешню прихватил, без нее сейчас по льду ходить опасно. Артур Максимович недобро проворчал:

— Не знал, что ты трус.

— Бережного бог бережет, — ответил я и пошел.

Лед был подозрительно рыхлым, и я ждал, что вот вот он проломится подо мною. Сначала раздается треск, а потом... Надо успеть повернуть пешню, чтобы она легла плашмя и я мог за нее держаться.

Лед и зимой трещит. Трещит страшно, но я привык к этому, не боялся, но всегда вздрагивал, — чуточку все же становилось не по себе. Сидишь, бывало, тишина кругом, и вдруг у горизонта словно далекая пушка бабахнет, и потом раскатистый глухой тяжелый треск, ближе, ближе, будто на тебя паровоз бежит — и р-раз, перед тобой глубокая трещина раскроется, черная внизу и зеленоватая у верхних краев. Жуть! А на самом деле не опасно. Трещина так и останется, потому что кругом крепкий лед и раздвигаться некуда. А сейчас в западной части залива лед уже, наверно, разломало и носит ветром, так что если лед треснет, его может унести в залив...

Под ногами становилось все рыхлее и рыхлее. Я шел по колено в ледяной каше, но по стуку пешни чувствовал, что лед еще твердый внизу, а какой толщины — не узнать.

Не дойдя до бугорка, я поскользнулся и упал на одно колено. Не вставая, сразу обернулся и увидел, что Артур Максимович, заложив за спину руки, выжидательно смотрит на меня. Он даже не шелохнулся, а ведь издали могло показаться, что я провалился. Я встал и повернул назад, но он замахал рукой и крикнул:

— Иди, иди!

Я шел, слезы застилали мне глаза, обида и злость комом стояли в горле. Ведь он нарочно послал меня к этому бугорку, чтоб я провалился и утонул. А на берегу Артур Максимович объяснит, что я не послушался его, пошел и утонул, а он не мог подойти ко мне, так как лед его и подавно в этом месте не держал...

Но надо было повиноваться — ничем не вызывать подозрения. Я шел и успокаивал себя, что я легкий и если уж ломаться льду, то сперва под Артуром Максимовичем. И я твердо решил, что если он провалится, спасательный конец ему не брошу. Буду стоять и орать, звать на помощь, а сам не подойду.

Бугорок оказался вспучиной льда, поперек его зеленовато отсвечивала глубокая трещина. Лед возле бугорка не был покрыт водой и я тут уже нарочно поскользнулся, взмахнул руками и упал, успев повернуться на живот. Теперь Артур Максимович не мог видеть меня за ледяным бугром и должен был подумать, что я провалился. Я лежал ничком, еще надеясь, что услышу крик. Ведь не может человек оставить другого в беде! Но было тихо. Я приподнял голову над бугорком. Артур Максимович стоял неподвижно и смотрел в мою сторону, отражаясь в воде, как в зеркале.

«Значит, вот ты какой, Артур Максимович! — подумал я. — Надо быть все время начеку, не спускать глаз, не то выберет момент, ударит по голове пешней и под лед...»

Я поднялся весь мокрый и побрел обратно, поскользываясь и спотыкаясь в ледяной каше.

Артур Максимович спокойно посмотрел на меня, спросил:

— Что там?

— Там лед плохой, а за бугром сразу большая полынья, — соврал я. — Если б сразу не упал на лед, скатился бы в нее.

Артур Максимович перевел взгляд в сторону берега. Там на льду маячили два человека, видно, тоже рыбаки. Они двигались к нам. Мне показалось, что в руках одного что-то ярко блеснуло в лучах солнца, как зеркальце. Артур Максимович постоял еще, глядя на рыбаков, потом сердито приказал:

— Пошли дальше.

Сколько бы мы ни ходили по льду, все время видели двух рыбаков, и я немного успокоился. На виду у них Артур Максимович ничего сделать со мной не сможет. Если я и провалюсь, то крик мой эти рыбаки услышат и, конечно, поспешат на помощь.

Когда солнце клонилось к западу, Артур Максимович сказал, что на сегодня хватит. Вытер мокрым платком лицо, сунул платок в карман и расстегнул пальто. Я невольно вскрикнул от удивления. Показалось, что он под пальто голый, но тело было такого же кирпично-красного цвета, что и сапоги, и лоснилось, как у утопленника.

Заметив мое изумление, Артур Максимович сказал: — Это каучуковый костюм, изобретенный англичанином Бойтоном. Он двухслойный и надут воздухом. В нем можно долго плавать в воде, не утонув и не замерзнув.

— Поэтому вы так сильно потеете? — спросил я.

— Да. Под резиной тело не дышит и пот льет ручьями, — ответил Артур Максимович.

«Так вот почему он стал каждый вечер мыться в бане», — подумал я.

Когда мы тронулись к берегу, Артур Максимович зашпшил, и мне показалось, что он хотел нагнать рыбаков, но они раньше нас вышли на берег и исчезли в лесу.

Как всегда, нас ожидал Лука с лошастью. Садясь в сани, Артур Максимович спросил, не видел ли он двоих рыбаков, которые вышли чуть раньше нас.

— А как же, видал, — ответил Лука. — Пошли в сторону Лахты.

Всю дорогу я размышлял: говорить ли дома о том, что Артур Максимович меня нарочно посылал на опасный лед?.. Решил умолчать, чтоб не тревожить родителей.

СТУПАЙТЕ, МИЧМАН!

Вечером, после ужина, я услышал, как хлопнула ка-литка, послышались шаги, раздался стук в дверь. Звякнула щеколда, и отец сказал:

— Милости просим, ваше благородие.

Раздевшись на кухне, в комнату вошли прапорщик Савельев и мичман Порогин. Мичман тяжело опустился на стул.

— Вот так-то... — не обращая ни к кому, задумчиво проговорил мичман. — Черт-те что творится на святой Руси. — Он вздохнул, положил руки на стол, посмотрел на ладони и сжал кулаки. — В общем так: высокое начальство из особых государственных соображений решило британского офицера капитан-лейтенанта Кроуна, занимающегося шпионажем в Российской империи в пользу некой иностранной державы, не арестовывать, не задерживать, позволить закончить свои дела и спокойно отбыть восвояси.

— Как? Почему? — воскликнул отец.

— Я же сказал: из особых государственных соображений, — язвительно ответил мичман.

— Но это же предательство! — возмутился отец.

— Не смею прекословить, — еще горше и язвительнее ответил мичман. — Скажу по секрету, мне стало известно, что некой особе, которую я не знаю, поручено вежливо наемкнуть капитан-лейтенанту Кроуну, что пора покинуть пределы Российской империи, так как о деятельности его знает кое-кто в Петербурге и в морском ведомстве. А также известно мне, что готовится приказ о моем переводе не то на Черное море, не то на Тихий океан.

— Что же творится, ваше благородие? — продолжал отец. — Шпион под самым носом. Все о нем известно, даже фамилию настоящую узнали, и вдруг отпускать? Нельзя этого делать!

— Мы с Виктором Ивановичем тоже так думаем, — спокойно ответил мичман.

А я спросил:

— Ваше благородие, Дмитрий Васильевич, а не вы сегодня утром из Лисьего Носа в возке ехали с каким-то стариком?

Мичман рассмеялся и pokrutil головой:

— Вот чертенок глазастый, разглядел-таки. Я боялся, что узнаешь и крикнешь что-нибудь.

— Нет, он парень смысленный, — вставил прапорщик. — Виду не показал, что мы с ним знакомы, когда я обогнал, чтоб вас, Дмитрий Васильевич, предупредить.

— Так вот, — сказал мичман. — Я нашел в Петербурге отставного капитана первого ранга, который прежде служил на Черном море. Мы с Виктором Ивановичем устроили ему встречу с вами на дороге, и он признал в Артуре Максимовиче английского моряка, который по найму служил штурманом на черноморских пароходах и весной тысячу восемьсот семьдесят седьмого года, с началом русско-турецкой войны, спускался на берег и исчез из России.

Тут я признался, что задумал было утопить Артура Максимовича, но он перехитрил меня, оделся в каучуковый костюм и посылал меня одного на опасный лед, может быть, нарочно, чтоб я утонул.

— Не утонул бы, — заметил мичман. — С той первой встречи в вашем доме наши с Виктором Ивановичем люди следили за вами в морские бинокли с берега, а когда подозревали опасность — выходили на лед под видом рыбаков.

— Вон оно что, — облегченно вздохнул я.

А отец сердито спросил:

— Так что же прикажете делать, господа офицеры? Отпускать шпиона со всеми сведениями о северном фарватере?

— Со сведениями отпускать нельзя, — четко ответил мичман. — Мы за тем и пришли сюда, чтоб вместе решить, как нам поступать дальше.

... Спустя четверть века я неожиданно встретился с командиром крейсера «Заря свободы» капитаном второго ранга Порогиным. Дмитрий Васильевич рассказал мне, как тогда к нему, еще мичману, отнеслось начальство. Позднее от других кронштадтцев и по архивным документам я выяснил, как приблизительно обстояло дело.

Мичман Порогин подал рапорт в штаб кронштадтской крепости, в котором сообщал, что некий господин, по всей вероятности англичанин, проживающий на даче под Сестрорецком, под видом рыбака производит промеры глубин с целью найти судоходный фарватер севернее Кронштадта и что этого шпиона нужно немедленно арестовать и отдать под суд.

На следующий же день мичман Порогин был срочно вызван к адмиралу.

— Вы, мичман, сошли с ума! — сказал адмирал и вернул ему рапорт.

— Ваше превосходительство, — ответил Порогин. — Я сам по ночам с матросами делал контрольные промеры в тех же местах и заявляю, что фарватер этим шпионом найден.

— Это вами, мичман, найден фарватер! И то еще надо подумать. Контрольные промеры! Да вы пропустили и камни, и мели, и рьяжи, и свайные преграды. А где доказательства, что указанный вами господин делал промеры, а не ловил рыбу?

— Доказательства будут найдены при обыске и аресте шпиона.

— Что?! Без достаточных оснований арест и обыск иностранного подданного? Ступайте и протрезвитесь, если пьяны, и забудьте о своем глупом рапорте.

Мичман поблуднел.

— В таком случае, ваше превосходительство, я вынужден подать рапорт через вашу голову на высочайшее имя.

— Что?! — закричал адмирал. — Вы действительно рехнулись!

— Я уверен в своей правоте и в случае ошибки понесу ответственность по всей строгости закона, — твердо ответил мичман и спросил: — Разрешите идти?

— Стойте! — Адмирал долго и торопливо ходил из угла в угол своего огромного кабинета. Потом спросил: — Кто еще знает об этом вашем гениальном открытии?

— Только те, через чьи руки шел мой рапорт к вам, ваше превосходительство.

— Так вот, мичман, я вам приказываю молчать, — сказал адмирал. — Никому ни слова до тех пор, пока я вас не вызову и не сообщу своего решения. Иначе вам погонев не носить. Ступайте.

Через два дня в одном из кабинетов Морского министерства состоялось совещание крупных чинов. На столе лежала карта Кронштадтской крепостной зоны.

— Надеюсь, господа, вы ясно понимаете всю сложность создавшегося положения, — начал один из адмиралов. — Ведь все считают, что севернее острова Котлин нет судоходных фарватеров. А оказывается, есть. Если мы арестуем шпиона и будем его судить, процесс огласки не минует. И даже если удастся сохранить судебный процесс в тайне, все равно будет задан вопрос: куда девались те суммы, что были отпущены казной для насыпки рьяжей и устройства свайных преград?

В разговор вмешался генерал инженерной службы: — Господа, у нас есть подряды на устройство подводных преград и акты приемки. Все бумаги в порядке.

— Но корабли плавают по морю, а не по бумаге! А если снова назначат комиссию для промеров и обнаружится, что рьяжей и преград, указанных в подрядах и актах, на самом деле нет? Тогда что?

Генерал инженерной службы спокойно ответил:

— Свай могли сплечь или разрушиться. Рьяжи могли

уйти под тяжестью в грунт или развалиться во время ледоходов, штормов, а течение Невы могло образовать новые русла.

— Так-то оно так, но спросят: почему не следили за фарватером? Спросят: почему подходы с моря к столице севернее Кронштадта не защищены? . .

После долгих совещаний морское начальство решило шума не поднимать, дать агенту возможность беспрепятственно покинуть пределы империи. А с весны этого года назначить комиссию для промеров глубин и к осени представить проект, в котором указать, что из-за ледоходов, штормов и течения Невы севернее острова Котлин образовалось естественное судоходное русло. Для защиты его следует построить ряд насыпных фортов.

Наконец, адмирал вызвал к себе мичмана Порогина и сурово сказал:

— Во-первых, мичман, благодарю вас за то, что своевременно поставили нас в известность. Мы примем надлежащие меры. Приказываю никаких своевольных действий в отношении англичанина не предпринимать, забыть о его существовании. Я вас больше не задерживаю. Ступайте, мичман.

Борясь с желанием махнуть на все рукой, мичман Порогин размышлял о том, что ему предпринять дальше. Он отыскал в архивах списки иностранных офицеров, когда-либо проходивших службу в русском флоте. Ему хотелось выяснить, кто же на самом деле Артур Максимович. Порогин расспрашивал бывалых моряков и вскоре познакомился с отставным капитаном первого ранга, который узнал в Артуре Максимовиче английского моряка Артура Кроуна.

И вот Порогин, Савельев и мой отец сидят у нас дома за столом, а я стою рядом и от нетерпения переступаю с ноги на ногу.

— Мы долго думали, как поступить, — сказал, наконец, мичман Порогин. — Виктор Иванович намеревался затеять ссору и вызвать Кроуна на дуэль. Но это ничего не даст. Во-первых, неизвестно, кто погибнет на дуэли. Во-вторых, если Кроун будет убит, его правительство заявит протест, а то, что он был шпионом, останется недоказанным. Дело ведь не в самом Кроуне. Если он ударит — полбеды, важно, чтоб данные замеров не увез с собой... Надо бы изъять все записки Артура Кроуна.

— Украсть? — вставил мой отец.

— Нет, не украсть, — возразил мичман. — Это Кроун крадет у нас секретные сведения, и мы их у него изыщем. Понятно?

— Как не понять!

— Надо сделать так, чтоб Кроун бежал в спешке, не прихватив с собой ничего.

Отец усмехнулся и заметил:

— А на прощание надавать бы как следует по шее, для памяти.

— Совершенно с вами согласен, — сказал прапорщик Савельев.

Мичман неопределенно повел плечами.

— Это второстепенный вопрос. Давайте перейдем к делу. Кроун может уехать не сегодня-завтра, тем более что его могут предупредить. Медлить нельзя. Завтра, то есть в субботу, в Петербурге, в Офицерском собрании, состоится пышный вечер, соберется цвет флотского и армейского офицерства. Мои знакомые штабисты послали приглашительные билеты баронессе, и еще сегодня днем один билет был отправлен господину Кроуну. Побывать в таком обществе, тем более перед отъездом, для него очень заманчиво: привезет свежие сведения и завяжет новые знакомства. В конце вечера

к нему подойдет некий отставной капитан первого ранга, узнает и назовет его настоящее имя. Это встревожит Кроуна, и он заспешит на дачу, чтоб собраться в дорогу. На даче он увидит, что все документы изъятые. — Мичман откинулся на спинку стула и махнул рукой. — Дальше не интересно, что он будет делать. Думаю, что в полицию о пропаже своих бумаг не заявит.

— А может, он запрятал бумаги так, что не сыскать, — заметил мой отец.

— Вряд ли, — возразил мичман. — Он уверен в своей безнаказанности, знает: чуть что — за него заступится баронесса и другие влиятельные лица. — Мичман снова положил сжатые кулаки на стол. — Нам предстоит, пока Кроун веселится в Петербурге, проникнуть в его комнату и изъять все его бумаги.

Прапорщик Савельев вынул из кармана лист бумаги и расстелил на столе. Вынул карандаш и, показывая чертеж, стал объяснять:

— Кроун живет в этой угловой комнате на втором этаже. Проникнуть туда можно только через первый этаж, который тоже закрыт. Ключи хранятся у экономки и Кроуна. Кухарка живет в пристройке возле кухни и запирается на ночь. Экономка с мужем и конюхи живут во флигеле. Во дворе цепная собака...

— Корсар, — подсказал я.

Отец вставил:

— Один из наших предлагал надежное дело — пустить красного петуха, и всё. Никаких документов, ничего не останется, одни головешки.

— Как взбунтовавшиеся мужики — помещицью усадьбу? — спросил Савельев.

— Вроде того, — ответил отец.

— Но тогда невинно пострадает кухарка, экономка и остальная прислуга. Их обвинят если не в поджоге, то в недосмотре, да и Кроун не поймет, что он разоблачен. А главное как раз в этом. Так ведь, Алексей Прохорович?

— Истинно так, — ответил отец. — На дачу можно проникнуть и по крыше — через слуховое окно.

— Через слуховое окно человеку не пролезть, — вставил прапорщик.

— Да, взрослому не пробраться, — вздохнул отец. И все трое посмотрели на меня.

А я помолчал для солидности и пренебрежительно повел плечами:

— Что же, раз надо, могу.

Отец снова вздохнул:

— Конечно, негоже парнишку на такое посылать, да ведь ничего другого не придумать. Ладно хоть мать не знает, не то с ума сойдет.

Все нахмурились, замолчали, потом мичман сказал:

— Дверь в комнату можно взломать.

— Зачем? — перебил отец. — Пусть Кроун думает, что в его комнате не раз бывали. Достанем ключ. Замки-то делал и ставил наш сестрорецкий слесарь.

— Отлично! — воскликнул мичман. — Теперь вопрос: как быть с собакой?

— С Корсаром, — вставил я.

— Да, с Корсаром. Сделать так, чтоб сорвалась с цепи и убежала?

— Дмитрий Васильевич! — воскликнул я. — На Ксюшу Лупаткину Корсар не лает. Ее все собаки в околоте любят.

Мичман нахмурился:

— Зачем еще девочку в это дело втягивать? Хватит тебя одного.

— Можно, — сказал отец. — Это девочка бойкая.

— Хорошо, допустим, что все так и будет, — мичман пристально посмотрел на отца. — Я понимаю ваше состояние, Алексей Прохорович, но вам в это дело вступать не следует. Погодите, послушайте меня. Проху мы в обиду не дадим, слово офицера. Допустим, что нас

обнаружат. Тогда я заявлю, что самовольно решил изловить шпиона и заставил мальчишку открыть мне дверь.

— И я тоже, — вставил прапорщик Савельев.

— Это одно дело, — продолжал мичман. — Но пой-

мите, что если к этому делу будут причастны рабочие, начальство истолкует все по-другому. Такое заварится!..

— Пожалуй, вы правы, — ответил отец. — Но и мы будем начеку.

СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА

Утром мама спросила меня:

— Чего ты сегодня такой егозливый, на месте не сидишь?

А я и на самом деле торопился. Обжег рот горячим чаем. Все время поглядывал на ходики — не отстают ли? Быстро собрал рыболовные снасти, погрузил на санки и вышел на угол поджидать моего Артура Максимовича.

Густыми хлопьями повалил снег, за ночь подморозило, — как в феврале. А мне хоть бы что. Стоял, приплясывал от нетерпения, ожидая, что вот-вот из-за угла покажется знакомая лошадка с болтливым конюхом Лукой и насупленным Артуром Максимовичем. Стоял и думал, что в последний раз пойду с ним на лед. Нет, господин Кроун, ты меня не утопишь, и тебе я не дам утонуть, даже если сам провалюсь под лед. Поплаваешь в полынье в своем каучуковом костюме, я брошу тебе спасательный конец и, ежели сил не хватит вытащить, подниму такой крик, что весь поселок сбегится... Нельзя тебе тонуть, господин британский офицер, ты обязательно должен узнать, что тебя раскусили.

На пожарной каланче пробило восемь, Артура все нет. Я уж мерзнуть начал. Пробило девять, а мы условились, что если он в течение часа не появится, то я на весь день свободен.

Подождав еще полчаса, я побрел домой, удрученный подозрением, что этой ночью Артур Кроун удрал. Хотелось пойти к даче баронессы и узнать, там ли Кроун. Но мне это было категорически запрещено. Я должен появиться возле дачи в условном месте ровно в десять вечера.

В восемь вечера я уже стал одеваться. Отец молча следил за мной и только спросил:

— Не рано?

— Я лучше пойду потихоньку, немоготу мне сидеть. Отец, видимо, понял меня, ничего не сказал. А когда я оделся, он встал, обнял меня за плечи.

— Одно, Проха, прошу — не спеши и не пугайся. Спешить нельзя, страх людей губит. Чуть чего — не мечись, старайся сообразить, что делать дальше... — Отец тряхнул меня: — Ну, держись, Проха!

Я шел по темным улицам. В окнах домов горели огни, и желтые пятна света лежали на синем снегу. На оконных занавесках появлялись человеческие тени и исчезали, иногда в просвете занавесок я видел людей, сидящих за столом или склоненных за домашней работой, самовар, посуду. Разноголосо лаяли собаки. Со стороны трактира доносился визг гармошки и пьяные голоса. На заводском дворе кто-то бил кувалдой по железу. Я шел и думал, что сейчас все люди отдыхают, ужинают, разговаривают, ссорятся, и никто не знает, на что я сейчас иду.

Когда пробило девять, я вышел из поселка на дорогу. С обеих сторон стоял густой заснеженный лес. Пушистый снег под ногами нисколько не скрипел, я шел словно по пуху.

Вот и дача баронессы. Покрашенная в светло-голубой цвет, она казалась призрачной, ненастоящей. Во флигеле светилось окошко. Тусклый свет, наверно от свечи, маячил и в окошке пристройки, где жила кухарка. Залаял Корсар, он по привычке лаял на всех прохожих и проезжих. Дорога к даче была расчищена, на ней виднелись следы полозьев и копыт.

Я пошел дальше по дороге и услышал тихий голос:

— Проха, это я, Савельев. Артур уехал, баронесса присылала экипаж. Дмитрий Васильевич ждет тебя дальше в ста шагах.

Голос прапорщика доносился из-за сосны, окруженной мелким густым ельником.

Вскоре меня негромко окликнул Порогин. За сугробом в кустах показалась его голова в ушанке.

— Держи, — он протянул мне еловый шест. — Поторопись. Кажется, едут по дороге.

Шест был свежесрубленный и пах смолой. Я сунул варежки в карман, ощупал шест. На его концевом конце был вбит толстый отточенный железный штырь, чтоб шест не скользнул во время прыжка. Дорога была узкой, и места для разбега оставалось мало — три-четыре шага. Перемахнув через сугроб, я ушел в снег по пояс.

Не выпуская шеста из рук, мичман повернулся ко мне спиной и присел, я взобрался на него верхом. Так мы условились, чтоб оставить возле дачи следы только одного человека. Идти с такой ношей по глубокому снегу мичману было тяжело, наст с хрустом проваливался, и мичман раза три чуть не упал, однако успел опереться на шест. У забора дачи, возле дуба, мичман опустил меня в снег.

Корсар залаял звонко и зло, видно, учуял нас. Мичман, тяжело дыша, снял шапку, вытер ею лицо и шел:

— Удачно получилось, слышишь, едут и отвлекут собаку.

С дороги донеслось фырканье лошадей, голоса мужчин и женщин. Видимо, возвращались с рынка из Петербурга финские крестьяне или рыбаки — в Оллила или Куоккала. Голоса их стали стихать, и Корсар, поверчав, успокоился. Мичман вынул из кармана какой-то комок и протянул мне.

— Надень шерстяные носки.

— Не надо, — ответил я. — Намокнут — скользить будут. Я босиком полезу.

— Поморозишься.

— Снегом ототру. Я привычный.

— Плохо, что тучи редеют, может луна выглянуть, нынче полнолуние, — прошептал мичман.

Действительно, в лесу стало светлее, в тучах маячило мутное пятно луны. Снег падал редкий и мелкий. Сейчас должна подойти Ксюша и отвлечь Корсара. Она будет играть с ним минут пять-десять, за это время я должен проникнуть на чердак. Если кухарка или кто-либо из прислуги выйдет во двор, все равно Ксюша должна занимать Корсара, а потом должна пойти к кухарке с гостинцем от родителей. Побудет у нее минут десять и выйдет во двор, где снова будет играть с Корсаром, пока я не вернусь. Ксюшу Савельев предупредит свистом.

Мы стояли. Я слышал, как сдержанно дышит мичман, и чувствовал, как в ребра стучит мое сердце. Сколько минут прошло — не знаю, но вот снова сердито залаял Корсар, потом замолк и залаял снова, но тише. Звякнула калитка, Корсар стал тихо повизгивать, и, мне кажется, я расслышал тихий голосок Ксюши, ласковый-ласковый. Я живо представил, как она сейчас, присев на корточки, обнимает Корсара за шею, гладит его голову, треплет за ушами и, наверно, угощает чем-нибудь вкусным.

— Молодец девчонка, — прошептал мичман. — Цепного пса приручила. Вот невеста вырастет. Любого заставит по струнке ходить.

Мне стало обидно от этих слов, но тут мичман шепнул:

— Пора.

Я сбросил полушубок, валенки, портянки и встал босыми ногами на снег. Мичман судорожно передернул плечами:

— Бр-р-р, как ты терпишь?

Ноги ломило от холода. Ничего, потом разотру. Я проверил за пазухой фонарик со свечкой и стеклянной дверцей, чтоб не светил в стороны. Нашупал в кармане спички. Потом сел на брошенный полушубок и стал растирать ноги снегом, пока пальцы не начали гореть. В это время донесся голосок Ксюши:

— Ой, Корсик, не лижись, боюсь!

Мичман приставил шест к нижней толстой ветви дуба.

— С богом, не торопись. Спокойно.

Я взобрался по шесту на ветвь, она была покрыта ледяной коркой, снег с мелких веток упал на запрокинутое лицо мичмана. Теперь я не чувствовал ни холода, ни жары, ни даже биения собственного сердца. Взобрался по стволу выше, до ветви, протянувшейся к крыше дачи, и повис на ней, держась руками и ногами. Теперь предстояло самое трудное: добраться до крыши. Ветвь становилась все тоньше и тоньше, я боялся, что она прогнется и я окажусь ниже карниза. Но вот и угол крыши. Хорошо, что прислуга у баронессы ленивая и снег с крыши не сбрасывала, а то железо под ногами стало бы греметь. Я только сейчас сообразил, что босиком в мороз по ней бы не прошел, кожа примерзла бы к железу.

Со двора доносилось урчание Корсара и тихий голосок Ксюши. Я прополз к слуховому окну. Закрыто. Я надел на левую руку варежку и выдавил стекло, оно хрустнуло и осыпалось вниз, чердачная засыпка поглотила его звон. Под дубом неподвижно темнела фигура мичмана, никаких знаков он мне не подавал... Я просунул руку в окошко, чувствуя, как оставшиеся в руке осколки стекла врезаются в тело, открыл шпингалеты, распахнул створки и спустился внутрь.

Присев на корточки, я достал фонарик, поднял переднее стекло, зажег свечку и осмотрелся. Чердак огромный, как сарай. Пахло пылью и еще чем-то затхлым. Какие-то неясные серые тени громоздились в углу, фонарик вздрагивал в моей руке, и тени в углах шевелились, словно там прятался кто-то. Я отыскал люк. Он был сколочен из толстых досок и имел железное кольцо. Я поднял крышку и спустился вниз по деревянной лестнице, она негромко поскрипывала под ногами. Фонарик я прижимал стеклом к груди.

Вот и дверь, обитая черною кожей. Она раскрылась со скрипом. Я прислушался. В доме тихо. Не закрывая двери, я шагнул через порог и вскоре оказался в гостиной. Ногам стало тепло и приятно от пушистого ковра. Куда бы ни падал свет фонарика, он отражался в стеклах шкафов, за ними поблескивали корешки книг. Сколько же их — и никто небось не читает! Пахло пропеленными печами. Весь этаж отапливают для одного человека, и то шпиона...

Прижимая к груди фонарик, я пробрался в коридор, впереди мутно светилось окно, рядом с ним дверь в комнату Артура.

Комната небольшая. Изразцовая печь излучала тепло. На полу ковер. У одной стены был широкий диван, застланный толстым клетчатым одеялом, белели две большие подушки. Над диваном висело двустольное ружье с полированной инкрустированной ложей, большой красивый охотничий нож и патронташ. У окна стоял столик с тонкими выгнутыми ножками и два стула. На столике поблескивала хрустальная пепельница и рядом лежала книжка с золоченым обрезом. На другой стене висела картина, изображавшая двух голых женщин на берегу озера. За озером синели горы. Одна женщина пробовала ногой воду, другая смотрела на меня. Мне стало не по себе от ее взгляда, я отошел в сторонку,

но женщина по-прежнему смотрела на меня большими темными глазами. Под картиной я увидел приколотую кнопками карту Финского залива — точь-в-точь как у мичмана Порогина. Рядом с дверью поблескивал полированным деревом резной шкаф. Пахло духами и дорогим табаком.

Я пролистнул книжку, увидел: напечатана не по-русски. Сунул ее в карман на всякий случай. У столика был только средний ящик, я открыл его с помощью стамески. Там лежали какие-то бумаги, записная книжка. Все это я спрятал за пазухой. Затем открыл шкаф. В нем в одной половине лежало стопками чистое белье, в другой висела одежда. Поставив фонарик на пол, я перерыл белье и ничего не нашел, потом обшарил одежду и все бумажки прятал себе в карман, но вот нашупал монеты и присел у фонаря. В моей ладони лежали пятики, гривенники и большой серебряный рубль. «Не его ли обещал мне подарить Артур?» — подумал я и сунул деньги обратно.

Постоял, соображая, что же еще осмотреть? Захотелось снова взглянуть на карту, я осветил ее. Карта как карта. По углам ее тускло поблескивали кнопки. Я шагнул к дивану, пошарил под одеялом, откинул подушку и оторопел. Под ней, отливая синевой и поблескивая перламутровой рукояткой, лежал небольшой револьвер. Я взял его, осмотрел — заряжен, в гнездах барабана змеиными головками поблескивали пули. Несколько секунд я колебался, как поступить? Что это — кража или изъятие? Решив, что это изъятие оружия, я сунул револьвер за пазуху. Он оттянул рубаху и холодил голый живот. Затем я пошарил под диваном, под шкафом, но ничего больше не обнаружил.

Может, Кроун свои записки в гостиной среди книг прячет? Но их мне до утра не пересмотреть и с собой не взять... Еще раз осмотрев комнату, я шагнул к двери и остановился. Сначала сам не понял почему, но в памяти осталась крохотная точка, вроде мушиный след возле одной из кнопок на карте. Но какие мухи зимой? А на такой даче, наверно, и тараканы не водятся.

Я вернулся к карте и отколул кнопку, она упала на пол и укатилась. Лист отогнулся и на месте кнопки я увидел несколько точек-дырочек. Значит, карту много раз снимали и вновь прикалывали к стене. Я отколул остальные кнопки, перевернул карту и на обратной стороне увидел ломаную карандашную линию и возле нее много цифр, написанных наоборот, словно отраженных в зеркале. Я снова перевернул карту и посмотрел на свет. Карандашная линия проходила севернее острова Котлин, начиналась возле Толбухинской косы и кончалась за Лисьим Носом, а возле виднелись цифры: 18, 25, 22... Я сложил карту и тоже спрятал за пазухой, рубаха вздулась, я застегнул воротник и потуже затянул пояс. На пороге снова обернулся. Очень захотелось чем-нибудь насолить господину Кроуну. Я вернулся, раскрыл шкаф, вынул серебряный рубль и положил его посредине столика на видном месте. Затем вышел из комнаты и закрыл дверь на замок.

Я выбрался на чердак, закрыл люк и потушил фонарь. В темноте различил синий свет, падавший из слухового окна, под ним поблескивали осколки выбитого мною стекла. Выбраться из слухового окна было трудно, мешала набитая пазуха и револьвер. Когда я вылез на крышу, мне показалось, что рассветает. После темноты чердака луна показалась яркой-яркой. Падал редкий снежок. Я закрыл створки окна и задвинул шпингалеты. Внизу под дубом по-прежнему темнела фигура мичмана. Отогревшись в комнате руки и ноги нестерпимо заныли от стужи, но растирать их было некогда. Я добрался до края крыши. И тут оглушительно, словно у самого уха, залаял Корсар. Я посмотрел на мичмана. Он медленно водил над головой рукою, давая знак, чтоб я не шевелился. Корсар надрывал горло. Хлопнула дверь.

— Ты чего разгавкался? — раздался голос кухарки, и тотчас донесся голос Ксюши:

— Это по дороге кто-то едет, — сказала она. — Корсик, Корсик, как нехорошо. Такой большой, умный и вдруг — пустобрех!

Корсар еще гавкнул раза три, зарычал и смолк, стало слышно, как Ксюша разговаривает с ним. Я сполз к краю крыши. Мичман махал рукой: слезай быстрее. Я дотянулся до сука и повис на нем. Послышался сердитый голос кухарки:

— Ну, хватит баловать пса. Сторожем не будет. Ступай домой. Передай своим спасибо. Да не забыла, как притирание делать?

— Ой, тетя Глафира, забыла. Повторите, ради бога, — ответила Ксюша.

— Вот уж девичья память... И что у тебя в голове? Слушай и запоминай...

Цепляясь за кору коченеющими от холода пальцами, я спустился ниже по стволу дерева и, оттолкнув протянутый мне шест, прыгнул вниз.

— Что нашел? — спросил мичман.

— Карту, бумаги разные, книжку, — ответил я. Торопливо намотал на одеревеневшие ноги портянки, надел валенки.

Мичман нахлобучил на меня шапку, подал полушубок, повернулся ко мне спиной и присел.

— А может, не надо, теперь все равно? — спросил я.

— Не разговаривай! Пусть будут только мои следы, — огрызнулся мичман.

Когда он нес меня, револьвер давил мне грудь и упирался в шею мичмана. Я испугался: а вдруг выстрелит, ведь заряженный...

Выбрались на дорогу. Мичман, как копье, пустил шест в лесную щажу, и мы пошли как ни в чем не бывало. Мичман потер шею и проворчал:

— Чем это ты давил, пряжка, что ли, у тебя чугуная?

— Книжка толстая за пазухой, — ответил я, думая, рассказать о револьвере или нет.

На дороге стоял прапорщик Савельев в полной форме, поблескивая в лунном свете погонами, пуговицами и эфесом шашки. Мы так и уславливались, что, если поднимется шум, прапорщик будет выручать нас с мичманом.

— Всё? — спросил он.

— Всё, — ответил мичман.

У поворота дороги на Белоостров темнела маленькая зыбкая фигурка Ксюши. Она подбежала ко мне, глаза ее ярко блестели.

— Не ушибся, не поморозился? — торопливо спросила меня.

Я пренебрежительно фыркнул:

— Чего мне сделается.

Пальцы рук и ног кололо так, словно иголки под ногти загоняли. Неужели успел отморозить, пока сидел на крыше?

На дороге, в тени больших елей, стоял наш возок с поднятым верхом. В нем по-медвежьи шевельнулась закутанная в тулуп фигура кучера. Зевая, он взобрался на козлы. Мы забились в возок. Ксюша обеими руками уцепилась за меня. Мне стало тепло, только удары сердца больно отдавались в пальцах рук и ног.

Кучер хлестнул вожжами лошадей, и мы поехали. По дороге я рассказал, что видел в комнате Кроуна, про карту...

— Я так и думал, — ответил мичман. — Он настолько был уверен в своей безнаказанности, что прятал лишь так, чтоб не лезло в глаза. К нему полицмейстер и становой пристав боялись сунуться, не то что здешний урядник.

Когда ехали по Сестрорецку, прапорщик Савельев высунулся из возка, увидел стоящих на углу людей и зычно крикнул:

— А ну, любезные, до Петербурга за рупь прокачу!

— Валая мимо, может, в канаве протрезвешь! — до-

несся в ответ голос дяди Семена. А это значило, что все в порядке и мы с Ксюшей скоро вернемся домой.

В валенках словно угли лежали — так горели пальцы и ступни. Хотелось разуться и сунуть ноги в снег. Но все-таки если больно — значит, завтра пальцы чуть припухнут и через день все пройдет. Не отморозил.

На окраине Сестрорецка мы завернули за большой сарай и остановились. Я отдал фонарик мичману, он зажег его, я стал вытаскивать бумаги, книжку, карту. Мичман посмотрел ее на свет и рассмеялся:

— Хитрость самая примитивная. Он решил, что к дикарям приехал — не догадаются. Теперь спохватится.

— А может, у него другая карта есть и записки, — заметил я.

— Ну и что? Дело-то не в них. Главное, что морскому начальству известно о северном фарватере, оно будет вынуждено закрыть его фортами или ряжами, как вздумают. И шпион узнает, что он разоблачен, фарватер нам известен. Всё у тебя? — спросил меня мичман.

— Только вам одному скажу, Дмитрий Васильевич, — пробормotal я, боясь, что обидится прапорщик Савельев. Ксюше-то я потом объясню, а ему?..

— Пойдем поговорим. Извините, господа, — с улыбкой сказал мичман и вылез из возка. Я последовал за ним.

Мы отошли к стене сарая. Луна теперь светила так, что книжки можно читать. Я рассказал про серебряный рубль, который обещал мне Артур и который я оставил у него на столе... Только тут я спохватился, что совершил глупость. Ведь Кроун может догадаться, что в комнате побывал не кто иной, как я. Ведь мне он обещал серебряный рубль. Но мичман рассмеялся и потрепал меня за плечо.

— Уверен, что ему будет не до этого.

Вздохнув, я вытащил из-за пазухи револьвер.

— Еще вот... под подушкой нашел...

Мичман взял револьвер, осмотрел и сказал:

— Кольт сорок пятого калибра, последней марки.

Правильно сделал.

— Ваше благородие, Дмитрий Васильевич, отдайте его мне...

— Проха, ведь это не игрушка. Если найдут его, твоим родителям достанется.

— Я запрячу так, что не найдут.

— И ни разу не выстрелишь?

Я молчал. Врать я не мог.

Мичман подкинул револьвер в руку и задумался, снова пристально посмотрел мне в глаза.

— Парень ты, вижу, до конца честный. По всем правилам, боевой трофей принадлежит тому, кто его взял. Бери, но только с одним условием: покажешь отцу, а дальше — как решите.

Подойдя к возку, он посмотрел на часы и сказал всело:

— Ну, милые мои герои, время к полуночи. Вам пора домой. Сердечное спасибо вам не только от меня. От флота!

Ксюша выбралась из возка. Я спросил мичмана:

— Вы сейчас уедете?

— Зачем? — Он рассмеялся: — Подождем твоего Артура Максимовича и посмотрим, что он будет делать.

— Если не заночует в Петербурге, — заметил прапорщик.

— Спать ему не будет после внезапной встречи на вечер, — ответил мичман.

— Правильно, — ответил Савельев и спросил кучера: — Егор, кони отдохнули, накормлены?

— Не сомневайтесь, ваше благородие, до Петербурга, как на крыльях, домчат.

Я сказал:

— Мы тоже подождем. Уж больно хочется в последний раз взглянуть на своего хозяина.

— Пожалуйста. Не мне будет дома порка, — весело ответил мичман.

Я подошел к Ксюше. Мы стали вместе гладить теплые шелковистые морды коней. Они касались наших ладоней шероховатыми губами.

— Дмитрий Васильевич, бубенцы слышно, — сказал Савельев.

Вскоре по дороге промчался роскошный экипаж, запряженный парой лошадей.

— Это кони баронессы, — сказал прапорщик и щелкнул крышкой карманных часов. — Сразу кучер обратно не поедет, коням передохнуть надо, да и покормить не мешало бы. Может, и заночует.

— Хорошие кони, выхоженные, — заметил Егор.

— Подождем часок, — сказал мичман.

Меня подмывало показать Ксюше свой трофей, но при мичмане и прапорщике неудобно было, за хвастуна и болтуна сочтут.

Прошло не более получаса, как снова послышался топот, звон бубенцов, резкий, как пистолетный выстрел, удар кнута. Тот же экипаж промчался мимо нас к Петербургу. Донесся голос Артура Кроуна: «Быстрее тебе говорят, болван! На поезд опоздаю!»

— Эх, таких коней, дурак, упробит... Загонит ведь, — вздохнул Егор.

Прапорщик Савельев повернулся к мичману:

— Поехали, Дмитрий Васильевич, я его провожу до поезда. Прощайте, ребята, спасибо за все!

Мичман торопливо пожал мне руку, поцеловал Ксю-

Кроун насторожился и поджал губы.

— И что же вы намереваетесь предпринять? — холодно спросил он.

— Господин капитан-лейтенант, невежливо покидать гостеприимную страну, ни с кем не попрощавшись! — Савельев говорил четко и громко, чтоб слышали все, кто был на перроне. — Я прибыл проводить вас и сказать: скатертью дорога, господин британский шпион!

И, сдернув с левой руки перчатку, Савельев хлестнул Кроуна перчаткой по одной и по другой щеке.

Тот оторопел, дернулся, шагнул было к прапорщику, но увидев, что вокруг них собирается толпа любопытных, гневно сверкнул глазами, буркнул какое-то ругательство и ушел в вагон первого класса. А прапорщик Савельев, по-прежнему держа руки за спиной, спокойно направился к выходу, позвякивая шпорами, шашкой и сопровождаемый недоуменными взглядами.

Вот и вся эта странная история моего далекого-далекого детства, когда в России еще был царь, жандармы, капиталисты и помещики, не было электричества и люди спорили, сможет ли человек когда-нибудь построить аэроплан.

А с 1893 года началось спешное строительство северных кронштадтских фортов.

шу в обе щеки и прыгнул в возок. Кони всхрапнули, покосились на нас удивленными глазами, взметнули копытами снег. Кучер лихо свистнул, и возок умчался. Вскоре на дороге стало тихо, словно никого и не было.

Мы шли домой по залитой лунным светом, припорошенной свежим снегом улице, и в глазах у Ксюши горели голубые звездочки.

...Прапорщик Савельев нашел Артура Кроуна на вокзальном перроне у поезда, который вот-вот должен был отойти.

— Господин Савельев? — удивился Кроун. — Вот странная встреча. Вы тоже едете?

— Но вы-то не едете, — сухо пояснил Савельев.

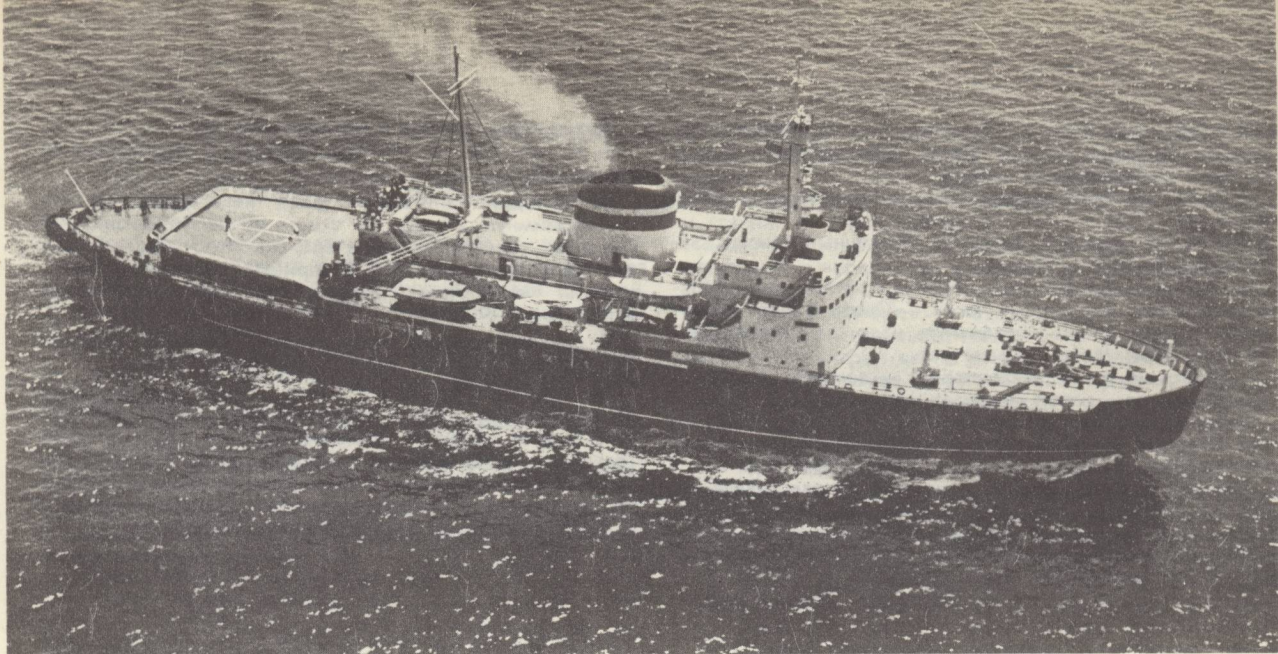
— Как не еду? Я уже и билет приобрел.

— Нет. Вы не едете, — громко сказал Савельев. — Вы удираете, капитан-лейтенант Кроун!

Где-то в дыму первой мировой войны затерялся след инженер-полковника Виктора Ивановича Савельева.

...Лампа на длинной тонкой ножке освещает только мой стол. Вся комната погружена в полумрак. За синими окнами ночь и гаснут в дымах огни. Вот прогудел мотором последний автобус. В открытую форточку долетел перезвон склянок стоящих в гавани кораблей. Меркнет электрическое зарево над Кронштадтом. Откуда-то доносятся звуки радиолы — веселится молодежь.

Сейчас я поставлю точку в этой тетради, где изложил историю, больше похожую на легенду, сказку, чем на быль. Потом выдвину ящик стола, в нем, тускло отсвечивая, лежит расшатанный допотопный кольт сорок пятого калибра — мой подарок отцу и в то же время память об отце...

Ровеньки +

Владивосток =

Дружба

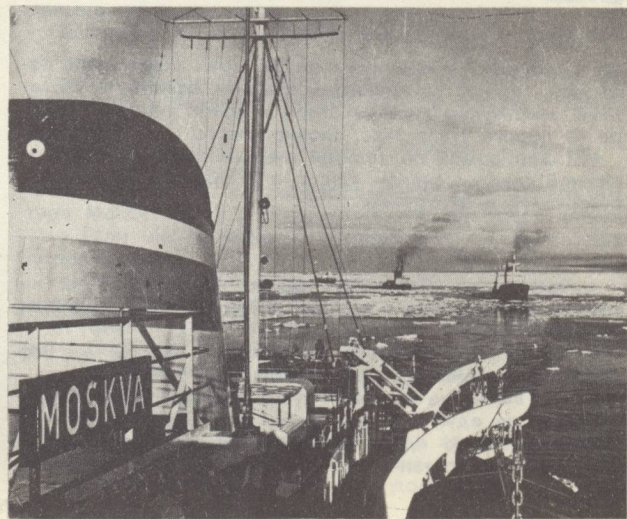
В пионерской комнате Дарьевской школы-интерната в Ровеньках на почетном месте хранятся письма дальневосточных моряков. И вахтенный, иначе говоря, дежурный по морскому уголку, передвигает на карте флажки, отмечая путь ордена Ленина ледокола «Москва».

У карты и макета океанского судна несут вахту шестиклассники Вова Мушин, Коля Козубенко, Саша Тристан, Юра Болдырев, Саша Лихван и Лариса Рубан — шестеро счастливых мореплавателей.

Так с прошлого лета стали звать в интернате этих пятерых мальчишек и одну девочку

И вот почему.

Однажды приехали из Владивостока в гости к ребятам капитан ледокола «Москва» Леонид Федорович Ляшко и член комитета комсомола ледокола Геннадий Исьянов.

Сорок лет плавал по морям и океанам капитан Ляшко и так рассказывал о своем ледоколе, о дальних рейсах, об Арктике, что казалось ребятам... вот-вот их школа-корабль снимется с якоря и прямо из-под города Ровеньки выйдет в открытое море. Моряки пригласили ребят в гости. И вот шестеро лучших учеников отправились с ответным визитом к шефам-тихоокеанцам.

Им предстояло не просто погостить у моряков, но и выйти в рейс с экипажем ледокола «Москва».

— Вы там ведите дневник, — напутствовали отъезжающих.

— Не дневник, а вахтенный журнал! — пообещал тогда Вова Мушин.

Юные моряки сдержали слово. Фотографии о счастливом, почти кругосветном путешествии юных мореплавателей через всю нашу страну к Тихому океану и просторам Арктики сделал корреспондент Агентства печати новости В. Мариковский.

„ЗНАК ГТО НА ГРУДИ У НЕГО...“

На лыжных гонках в Кавголово во время парада разглядывал я всякие диковинные награды. Глядь, а сосед мой, коренастый крепыш в лыжном костюме, тоже со значком. Но значок старенький потемневший. Зубчатое колесико, и на нем — бегун рвет ленточку.

— Этот значок, — сказал он, — дороже мне, чем любая чемпионская медаль. Ведь заслужил я его на войне — весной сорок второго.

На центральный фронт стягивали фашисты войска и технику. Редкий эшелон доходил до фронта... Сколько мы их тогда под откос пустили! Слава о нашем отряде шла по всей области. Немцам он был известен как партизанский отряд «деда Игната». А Игнату и двадцати еще не было!

Немецкое командование решило обезопасить важную магистраль. Отборные эсэсовские части перекрыли все дороги, оттеснили нас в гиблые болота. Податься некуда: со всех сторон топи, по единственной дороге каратели насаждают. И только с тыла озеро, но глубокое и шириной метров двести. И хоть бы одна лодочка... Немцы с самолета весь район просмотрели и уже не сомневались: капут партизанам.

Собрал нас Игнат и говорит:

— Утром у нас операция — налет на станцию Колотилово. Надеюсь, на ГТО все плавание сдавали?

— Я только на БГТО сдавал... — пришлось мне признаться. Так детский значок назывался — «Будь готов к труду и обороне».

— Вот сегодня и на ГТО сдашь, — пошутил кто-то.

Тут мы все в одежде и с оружием, как тридцать три богатыря, вошли в озеро. И поплыли.

Выбрались на берег, километров восемь трусцой пробежали, а потом часа два быстрым шагом шли.

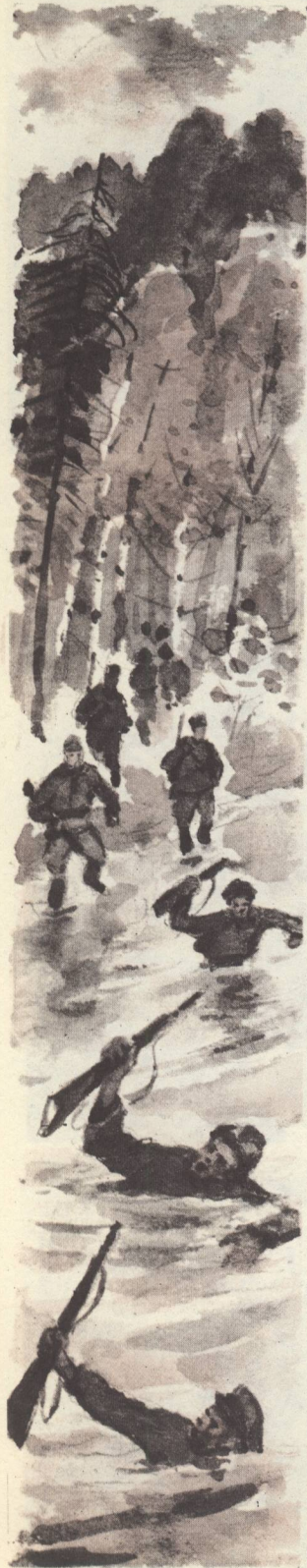
У самой станции лес кончился, и на полверсты тянулись овсы. Пришлось дальше ползком пробираться.

Здание станционное со всех сторон окружено было колючей проволокой, а в окнах — огневые точки.

Все разом швырнули в здание связки гранат. Когда облако кирпичной пыли рассеялось, увидели — ни один фашист не уцелел. Теперь мы были полными хозяевами на станции: перерезали сигнализацию, выломали стрелки и заложили на путях взрывчатку.

Я же получил особое задание.

— Ты, Федя, пойдешь с донесением. Отправляйся сразу, а услышишь грохот — значит, порядок.

Дорога в партизанский штаб мне была знакома. Припустил я что было духу. А потом меня взрывной волной едва с ног не свалило. Со снарядами, видно, эшелон был.

Добрался до штаба. Доложил все по форме. И назад, к ребятам. Как-то я читал про древнего грека-воина, что принес в свой родной город весть о победе и тут же умер. Мне умирать было нельзя — меня ждали в отряде.

Товарищи шутили, когда я вернулся:

— Федя у нас в один день все нормы выполнил. Бег по пересеченной местности, плавание в одежде, метание гранаты, ползание по-пластунски.

— Да по стрельбе каждый день все нормы выполняет. Получай значок! — Игнат достал из кармана свой значок с бегуном, рвущим ленточку, и отдал мне.

— Этот самый! — с гордостью погладил свою первую воинскую награду мастер спорта Федор Матвеевич Арефьев.

Ю. Михайлов

* * *

Юные спринтеры!

Скоро будет утвержден новый комплекс «Готов к труду и обороне СССР». В нем будет и пионерская ступенька.

Все ли знакомы с проектом комплекса?

Он был опубликован в газете «Советский спорт».

Школа «Спринт» будет помогать вам готовиться к сдаче норм ГТО.

Знак ГТО — каждому спринтеру!

СУДЬЯ НЕ ВЫДЕРЖАЛ

Во время матча в бельгийском городе Генте футбольный судья Белдер внезапно покинул поле, хотя игра была в полном разгаре. Когда к нему в судейскую комнату пришли организаторы матча и попросили дать объяснение, судья заявил: «Я не мог больше смотреть такую отвратительную игру».

КОГДА КЕНГУРУ СЕРДИТСЯ

Большой переполох произошел на улицах Токио: полицейские на автомобилях и мотоциклах гнались за... кенгуром. Когда им удалось загнать его в какой-то двор, рассерженный зверь принял боксерскую стойку и к неописуемому восторгу зевак послал в нокаут нескольких блюстителей порядка. Только укротителю цирка, откуда сбежало животное, удалось преградить этот незапланированный боксерской ассоциацией бой.

ПОВЕДА НАД ГЕННАДИЕМ ШАТКОВЫМ

Случилось это в Крыму лет пятнадцать назад. Жил я тогда в спортивном лагере вместе с Геннадием Шатковым. Он как раз стал олимпийским чемпионом по боксу, тренировался вовсю. Это уже потом Шатков ударился в науку и отошел от спорта, а тем летом он был в отличной форме.

Ну, завелись мы с ним как-то не на шутку. Он, как обычно, бьет слева, а я справа. И вот я не уступаю Шаткову. Напряженная складывает-

ся ситуация. Зрители волнуются, орут:

— Бей, Серега! Так его! Дави!

Вижу, нервничает наш олимпийский чемпион, проигрывать начинает. А я спокойно реализую свое преимущество и уже не сомневаюсь в победе.

Наконец Шатков не выдержал:

— Всё! — крикнул он. — Сдаюсь!

И с досадой бросил теннисную ракетку в кусты рододендронов.

С. Довлатов

ПРОПАВШАЯ МОНЕТА

Матч футболистов во французском городе Пави начался как обычно: судья бросил жребий. Он подкинул монету в воздух и... она исчезла. Виновника долго искать не пришлось. Это был один из капитанов встречающихся команд. Раскрыв рот, он следил за полетом монеты. И это едва не стоило ему жизни. Зазевавший футболист проглотил ее, и только срочное вмешательство врачей спасло неудачливого игрока.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

ВДАЛИ ОТ МОРЯ

Кругом села Рождествено — густые еловые леса. До моря далеко. Текут здесь две речки — Оредеж да Грязна... Грязна, грязнуха, грязная... Должно быть, кто речку так назвал, едва в этих местах в грязи не утонул.

Но где ребята о море не мечтают? И на горном Алтае мечтают, и в степных хуторах, и в Донбасе.

Если насчет моря селу не повезло, то с человеком — посчастливилось: появился в селе военный моряк в запасе — Валерий Николаевич Виссарионов. Пожил

в Рождествено, с ребятами мечтами и интересами познакомился и предложил организовать клуб юных моряков.

На флоте все начинается с формы. А где ее, форму, взять? «Самим нужно заработать», — сказал ребятам Валерий Николаевич.

— Что у нас, рук нет? Лесничество хорошо оплачивает обыкновенные еловые шишки... Потом дрова можно для школы напилить. Летом колхозу лишние руки нужны: мы им картошку окупим, они нам летний лагерь помогут построить.

...Теперь, спустя несколько лет, когда ходишь по летнему лагерю клуба, заглядываешь в кабинеты

для занятий морским делом, да ахаешь на ялы, катера и шлюпки, что стоят под берегом, — и не догадаешься, что начиналось все с еловых шишек...

Но право носить морскую форму нужно еще заслужить. Когда Вася Макаров вступал в клуб, ему казалось, что быть моряком легко и весело. А попробуй-ка научиться стрелять из винтовки, «говорить» флажками, работать на ключе, постигать штурманское дело. Ловкости и силы мало, нуж-

но разбираться в физике, математике, черчении...

И с дисциплиной сперва было тяжело. Домой летом можно уходить из лагеря только по увольнительной. И не спать приходится целые сутки, когда по штабу дежуришь. И наряды по кухне не ешь, как в армии.

Знаете ли вы, что такое маршбросок? В три минуты нужно одеться и построиться у реки. Дежурный объявляет: похищена шлюпка. Короткая команда — ребята кидаются в темноту на поиски. И бежать приходится, и реку переплывать. Но шлюпку найдут.

Два часа в день юные моряки обычно помогают колхозникам. Остальное время — занятия, плавания, отдых в кают-компании, рыбная ловля. Так что, попривыкнув, ребята редко берут увольнительные.

Этим летом юные моряки участвуют в маневрах «Океан-2». Очень им хочется выйти на первое место и побывать в Ленинграде — на настоящих военных кораблях.

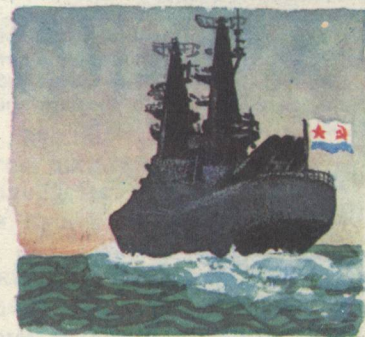
Специальный корреспондент
«Морской газеты» Л. Никитина,
Ленинградская область

Страничка морской поэзии

Посвящая другу,
тихоокеанцу...

Там, где туман над морем
Все ночи до утра,
Где штормовать в дозоры
Уходят крейсера,
Лежит он, сердцу дорог,
И близок и далек,
Средь сопок белый город —
Родной Владивосток.
Там, где восходит солнце,
Как праздничный салют,
Над сине-белым морем
Привет нам чайки шлют.
Там трудная дорога
Встречает корабли,
И вечная тревога,
И горизонт вдаль...

Володя Заблоцкий,
г. Николаев

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Пингвин просит всех,
присылающих рисунки
для выставки «Морской
газеты», указывать свой
возраст и точный обрат-
ный адрес.

О СУДЬБЕ КРЕЙСЕРА „ВАРЯГ“

Не могли бы вы рассказать о дальнейшей судьбе героического крейсера «Варяг»? — спрашивает нас Сережа Валеев из поселка Большой Камень Приморского края.

— «Варяг» был поднят японцами в 1905 году. Они дали крейсеру новое имя — «Сойя»... Через несколько лет царское правительство купило крейсер. Снова на его гафеле забился на ветру русский флаг. В начале 1917 года «Варяг» ушел ремонтироваться в Англию...

Правительство Великобритании, узнав о том, что в России произошла революция, арестовало экипаж, а крейсер прибрало к своим рукам. Когда Республика Советов потребовала вернуть «Варяг», англичане ответили: «Невозможно... «Варяг» торпедирован германской подводной лодкой...» Это была ложь. «Варяг» стоял в те дни в одной из бухт у берегов Шотландии. А позднее он был продан англичанами на слом...

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Наш морской клуб «Золотой Рог» организовался два года назад. Мы живем очень далеко от моря, но нас привлекает романтика голубых просторов. У нас есть свой морской музей, где мы храним письма моряков, модели, макеты, подарки друзей. Мы в музее недавно открыли отдел «Колумбы XX века» и разыскиваем знаменитых моряков нашего времени. Мы переписываемся с первой женщиной-капитаном А. И. Щетиной, с гарпунером П. А. Зарвой. Сейчас мы делаем модель папирусной лодки «Ра», на которой вместе с Туром Хейердалом путешествовал советский врач Юрий Сенкевич. У нас в клубе более тридцати ребят.

По поручению членов морского клуба «Золотой Рог» —
Ира Ковалева, поселок Мамакан

Иркутской обл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД (см. № 9)

По горизонтали: 4 — Трос. 6 — Кета. 7 — Пеликан. 8 — Редан. 9 — Баржа. 11 — Монитор. 13 — Омар. 14 — Тент.
По вертикали: 1 — Кноп. 2 — Боти. 3 — Крен. 5 — Семафор. 6 — Кашалот. 10 — Минер. 11 — Маяк. 12 — Рейд.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

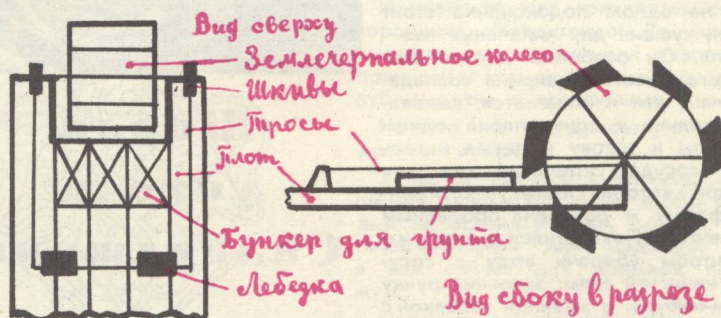
Это — подводная лодка-самолет. Не подумайте, что это рисунок из научно-фантастического романа. Такое чудовище техники испытывается американским военным флотом. Все сведения о подводной лодке-самолете держатся в строгом секрете.

В „ПАТЕНТНОМ БЮРО“

Свое изобретение предлагает Саша Корнилов из села Новое Ленинского района.

В пояснении к чертежу Саша пишет: «Кто живет возле мелких водоемов, знает, как мешают плаваниям илистые отмели. Нужно проделывать фарватеры лопатой. Легче сделать землечерпальный плот. Это плот из пяти бревен, впереди которого стоит землечерпальное колесо. Плот требует прочной постройки».

ОТ «ПАТЕНТНОГО БЮРО» КО ВСЕМ ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ

Со времен фараонов и до наших дней многое изменилось на судах. Одно осталось неизменным — швартовное устройство. «Патентное бюро» «Морской газеты» предлагает читателям поломать головы над усовершенствованием швартовных устройств современных судов. Присылать можно чертежи, эскизы, письменные предложения.

Новое в кунсткамере „Морской газеты“

Робинзон получил из поселка Куропта письмо.

«Здравствуйте, хранитель кунсткамеры Робинзон... На берегу Волги я нашел старинную монету. Посылаю ее Вам. Наверное, ее потерял моряк со старинного корабля...»

Саша Болдырев

Ответ Робинзона, хранителя кунсткамеры: «Все может быть, дорогой Саша... Монетка вся позеленевшая. На берегу пролежала сто десять лет. В те годы по Волге уже ходили первые пароходы... Твоя монетка займет свое место среди экспонатов кунсткамеры. В награду высылаю тебе весьма ценную и нужную книгу «Русская монетная система».

Робинзон

Я лечу в Бухару и вспоминаю читанное, виденное в кино, слышанное от знатоков. И в моем воображении возникает такая картина: узенькая, словно коридор, улочка. По ней едет человек на ослике. На лице человека такая плутовская и знакомая улыбка, что я готова поклясться: это же Ходжа Насреддин! Кому это он кивает то направо, то налево? Людей на улочке не видно, только слышен веселый перестук молоточков. Ах, вот в чем дело! Он едет по кварталу наккошей — знаменитых бухарских чеканщиков по меди. У каждого своя крошечная лавчонка, она же мастерская.

Сегодня базарный день, и наккоши распахнули свои двери и окна, чтобы покупатели могли увидеть их разнообразные товары.

Вот на одном подоконнике стоит медный кувшин для кипячения чая — чойдхуш. Он особенно удался мастеру: его высота и ширина совпадают. Ручка, как и полагается, выкована отдельно и прикреплена одним гвоздиком к тулову и двумя к горлышку сосуда, скреплена она и с крышкой, которая имеет многогранную форму и украшена прорезным орнаментом. Позаботился мастер и о том, чтобы уберечь воду в сосуде от нечистой силы: закончил ручку не чем-нибудь, а змеиной головкой с раскрытой пастью.

В лавчонке стоят чойдхуши на любой вкус: круглые, ребристые, овальные, приплюснутые и, наконец, пузатые с высокой узкой шейкой и тонким носиком.

В окне соседней лавчонки выставлена афтоба — медный кувшин с четырехгранным горлышком. Афтоба предназначена для омовения рук. Каждый уважающий себя бухарец делает это и перед едой, и после еды!

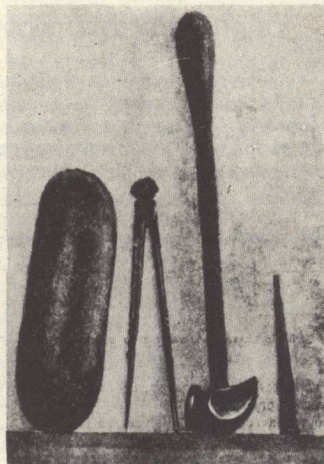
А как не полюбоваться ляганями и таваками — подносами самой разнообразной формы! Здесь, в Бухаре, их мастерят круглыми, овальными, с ручками и даже на ножках!

А что если войти внутрь какой-нибудь лавчонки и посмотреть, как работает наккош?

Вот он сидит, прямо на полу, скрестив ноги. Перед ним низенький деревянный столик — нан-тахта. На столике особая подушка из вара-кандала, в которой словно утонул поднос.

Школа устода Салимджана

Кайрак, паргол, балтача — инструменты бухарских мастеров

В левой руке у наккоша маленькое зубило — калям, в правой — молоточек, балтача. Рядом еще лежит точило — кайрак и самодельный циркуль — паргол. Вот и весь его несложный инструмент. Но какие только чудеса не возникают на меди с помощью этих самых простых вещей, когда они в руках у подлинного мастера!

...Всего несколько дней назад в Ташкенте, в Музее искусств Узбекистана, я видела работы знаменитого чеканщика Абду Салыма Хамидова. На одном подносе он изобразил древнейший и прекраснейший из памятников Бухары — мавзолей Измаил Саманида. Это архитектурное чудо IX века известно своей фигурной кирпичной кладкой. И можно только удивляться, как чеканщик своим калямом сумел нанести на металл каждый кирпичик и показать все их неповторимое сочетание!

На другом подносе талантливый мастер изобразил въезд в грозный Арк, во дворец бухарского эмира. И опять поражают своей подлинностью и достоверностью детали чеканки: арка под куполом дворца и площадка перед въездными воротами, где во время пребывания эмира во дворце с двух часов дня и до самого захода солнца играл оркестр национальных инструментов.

Не забыты даже ступеньки для пешеходов, ведущие к воротам!

...Самолет с минуты на минуту совершит посадку в Бухарском аэропорту, и я заранее радуюсь встрече с сыном Абду Салыма, который, как я узнала, до сих пор живет в Бухаре и тоже занимается чеканкой.

И вот уже я останавливаюсь перед одноэтажным каменным домом в центре города и вхожу в довольно большую комнату, где за самым обычным столом на стуле сидит высокий, худощавый человек в очках. В руках его перо, а не калям. И не поднос перед ним, а лист бумаги.

Правда, подносов кругом очень много. Они расставлены по многочисленным полочкам, развешаны по стенам, красуются на подоконнике и даже стоят на полу. Трудно представить себе, что одному человеку даже за много лет работы под силу расписать столько подносов. И, слов-

но угадал мои мысли, Салимджан Салямович поясняет:

— Это работы моих учеников. Сейчас у меня их сорок.

Чтобы вам стало ясно, что значит учить чеканке, надо, наверное, сказать, как я сам стал мастером, — так начал свой рассказ Салимджан Салямович.

Я внимательно слушала и старалась не перебивать его.

— Я родился в семье чеканщиков. Отец и дядя были моими учителями. Они работали и по мрамору, и по меди, и по серебру. С малолетства я видел их работу. Они знали всякие тайны раскраски чеканных изделий. Еще мне было семь лет, а я сидел уже рядом с отцом. До девятнадцати лет я рядом с отцом работал. А потом отец умер.

Когда я вернулся после войны в Бухару, то увидел, что наше древнее искусство почти погибло. Мастера-чеканщики работали кто сторожем, кто садовником. Старики не хотели учеников держать. Если родной сын или внук — разрешали учиться, а посторонних к своей специальности не подпускали.

И вдруг меня вызывают в управление местной промышленности. Сидит высокий, симпатичный, седой человек. Оказывается, это министр местной промышленности Узбекской ССР.

Он, оказывается, прекрасно знал моего отца. Вот он мне и говорит:

— Я тебя помню еще когда ты маленький был. А как, говорит, насчет чеканки? Я говорю: «Почти забыл». — «Как же так забыл?» — и открывает шкаф, оттуда вынимает мою работу, которую я сделал в 1937 году для Ташкентского музея прикладного искусства.

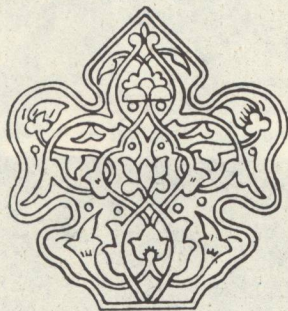
Это, говорит, твоя работа? Вот здесь написано: работа мастера Салимджана Хамидова. Нужно возродить это древнее искусство. Поможешь?

Я, правда, не мог ему сразу обещать. Но он настойчиво просил, и я говорю: дайте мне неделю, другую, я попробую. Если получится так, как я хочу сам, я вам сообщу. И он дал мне несколько штук подносов.

Помню, было воскресенье, дома никого нет. Я специально попросил, чтобы все ушли. Взятая за инструмент отца, и мой еще остался, но чувствую, не могу водить зубило,

На блюде устода Хамидова изображен знаменитый мавзолей Саманида

Этот узор называют «Мадохиль»

Такие блюда делают ученики мастера

как надо. Я разволновался, даже заплакал. Мне очень обидно стало... На второй день уже инструмент меня слушался. И я стал чеканить Измаил Самани, наш знаменитый мавзолей, и вокруг него самый сложный орнамент, называется мадохиль маджнун. И сделал, и принес через девять дней. Был там председатель управления местной промышленности — до чего он обрадовался! И он взял этот поднос и поехал в Ташкент, и через три дня вернулся оттуда с приказом, чтобы организовать в Бухаре чеканный цех. Вот с этого у нас началось.

Я ходил по школам, по домам, и подобрал учеников тринадцать человек. Самый старший был семиклассник, остальные пяти-шестиклассники. Сейчас они уже взрослые, кончили школу.

И поверьте, все тринадцать стали хорошими чеканщиками. Во многих выставках они принимали участие и получали и грамоты, и дипломы, республиканские и всесоюзные.

Но что же вы думаете, они уже достигли всего?

У нас орнаментов в чеканке больше ста пятидесяти. Надо, чтобы каждый их освоил и знал, скажем, что такое — ислими или маджнун. Вот я вам сейчас для примера покажу...

Салимджан Салямович взял в руки поднос и показал мне повторяющиеся узоры, которые напоминают ветви, опустившиеся вниз и словно образовавшие шатер. И спросил, знаю ли я старую легенду о том, как сын бедного учителя встретил дочь шаха красавицу Лейлу и полюбил ее. Учитель послал сватов к шаху. Но шах не принял их, и влюбленный ед-ва не потерял от горя рассудок и ушел в пустыню, чтобы умереть там от голода и жажды. Много часов бродил он безутешный и наконец в изнеможении опустился на раскаленный песок возле поникшей ивы. А когда после короткого сна он открыл глаза, то увидел чудо: зазеленевшие ветки укрыли его от зноя. Юношу звали Маджнун.

— Поэтому и орнамент, который напоминает дерево с опустившимися вниз ветвями, тоже называется маджнун, — поясняет мне Салимджан Салямович.

...В соседней комнате за двумя длинными столами сидели ребята. Единственно, что напоминало здесь мастерскую старого нашкоша, это инструменты: маленькие зубила — калымы и маленькие молоточки — балтача. Да еще их веселый перезвон.

Все были заняты своим делом, никто не обернулся, чтобы посмотреть, кто вошел к ним и зачем. Мы остановились возле юноши в черной, расшитой белым узором тибетейке.

— Это Рустам Ибрагимов, — представил его Салимджан Салямович. — Он пришел ко мне, когда я только организовал мастерскую. Сейчас он уже мастер пятого разряда, исполняет самую сложную работу.

Внимательно рассматриваю орнамент, который рождается под руками Рустама. Он говорит, что его орнамент в целом носит название ислими. Это один из самых распространенных узоров в чеканке, его основа — цветы и растения во всем их неповторимом разнообразии и сочетании.

Рядом с Рустамом уверенно ударяет молоточком по калямю один из младших учеников.

— Не забывай, что толщина латуни меньше миллиметра, — говорит ему учитель. — И еще про то, что твой узор не должен быть виден на обратной стороне подноса.

В класс заходит девушка. На голове ее пестрый платок, в руках портфель.

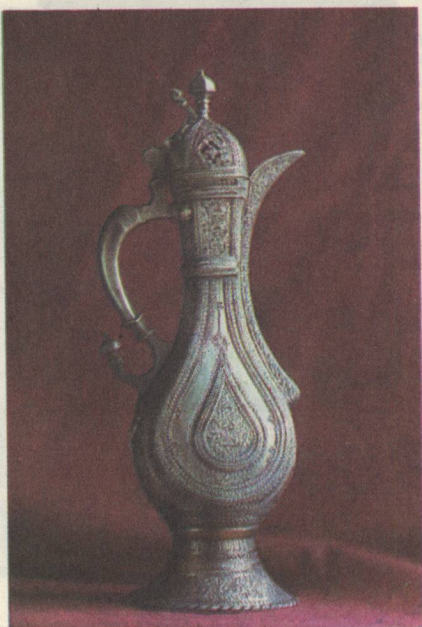
— Знакомьтесь, это тоже моя ученица, Дильбар Рахимова, — представляет ее Салимджан Салямович. — Она ходит ко мне вместе со своей сестрой Адолят.

— А где Адолят? — обращается он к девушке.

— Она готовит раствор для закрепления своей работы.

— Чувствуете, что канифолью запахло? — говорит мне Салимджан Салямович и объясняет: — Мы разбавляем ею кандал, чтобы его подольше хватило. А кандал — это смола одного редкого растения. Еще по рассказам отца я помню, что растет оно в некоторых районах Индии и в Мазандеранской провинции Ирана.

Смола эта легко плавится, а застыв, становится тверже камня. У отца были большие запасы кандала, хватило бы и на всю мою жизнь, и на жизнь моих детей. Но мог ли он да-

Чайник для заварки — чойдхуш

Афтоба каширской формы (сосуд для омовения), создана бухарскими чеканщиками сто лет назад

же предполагать, что его запасами будет снабжаться целая мастерская в сорок человек?

Да, отец многого не мог даже предположить. Например, что чеканкой займутся женщины. Никогда такого не было. Наш народ был религиозный, девочке даже прикоснуться к инструменту запрещалось строго. А я однажды подумал: попробую, смогут ли девушки работать чеканщицами или нет?

Дильбар Рахимова, которая сейчас заходила, стала меня радовать с самого начала. Прежде чем взять ученика в мастерскую, я даю ему домашнее задание: с образцов перенести все известные орнаменты, сперва карандашом на бумагу, потом зубилом на медную пластинку. Некоторые выполняют эту работу полгода. А она пришла ко мне уже через месяц и принесла великолепные узоры.

Мы чеканим не только орнаменты, но и портреты. Еще важное новшество. Привыкли уже, словно так оно было всегда, а ведь раньше у нас на Востоке человека изображать запрещалось. За это казнили. Моего отца при эмире избили палками за то, что он чеканил не то что человека, а птицу — павлина. Птиц тоже нельзя было, и животных тоже. Я помню, когда отмечалось десять лет Советской власти, в Москве была выставка. Мой отец для нее пионера и пионерку нарисовал и начеканил. Вот есть книга, в ней написано, что первый чеканщик в Бухаре, который изобразил человека, это был мой отец.

...Уже после возвращения из Бухары я разыскала и прочла книгу, о которой слышала от Хамидова.

Каждый раз, когда в книге упоминается имя Абду Саляма, перед ним стоит слово «устод». В переводе оно значит «мастер».

Сейчас мы уже привыкли к тому, что талантливые художники получают почетные звания заслуженных деятелей искусств и народных художников. А раньше сам народ присваивал лучшим звание «устода».

В Бухаре до сих пор помнят устоду Абду Саляма Хамидова.

А на обратной стороне подносов, выпускаемых мастерской его сына Салимджана Салямовича, можно прочесть: «Хамидов устод Салимджан».

Е. Кисельер

РОДИНА

Мира Алечкович

— Мама, может, ты мне скажешь:
Неужели кустик каждый
И цветы, и плеск ручья —
Это Родина моя?

— Знай, сынок, и трели птицы,
Светлый день, что в дверь стучится,
И порог родного дома —
Все, что с детства нам знакомо:
Шум, прохлада водопада,
Краски радуг, ветки сада,
Рокот моря, запах хлеба,
Шорох ветра, свежесть неба,
Все луга, холмы и горы,
Все бескрайние просторы,
Все вершины, все глубины,
Все долины и равнины,
Все цветы, грибы и травы,
Все поля и все дубравы,
Все богатства дружбы, братства,
Все рассветы и закаты,
Родники, ручьи и реки —
Это все твоё навеки,
Это все

тебе дается,
Это Родиной зовется!

УЛИЦЫ

Буда Стойкович

Все улицы мира
Ужасно похожи,
И все одинаково рады ребятам.
Зимой снежками
Бросают в прохожих,
А летом на солнце
Им прыгать приятно.

Широкие, новые — светлые зданья,
Кривые и старые, словно преданья,

Куда б ни пошел ты,
Куда б ни поехал —
Полны эти улицы звонкого смеха.

Они одинаково заняты делом,
Расписаны все одинаково мелом.

Как дети, похожи все улицы мира,
Как та, на которой ты радостно вырос:

На всех одинаковы
Шалости, ласки,
У всех одинаковы
Добрые сказки.

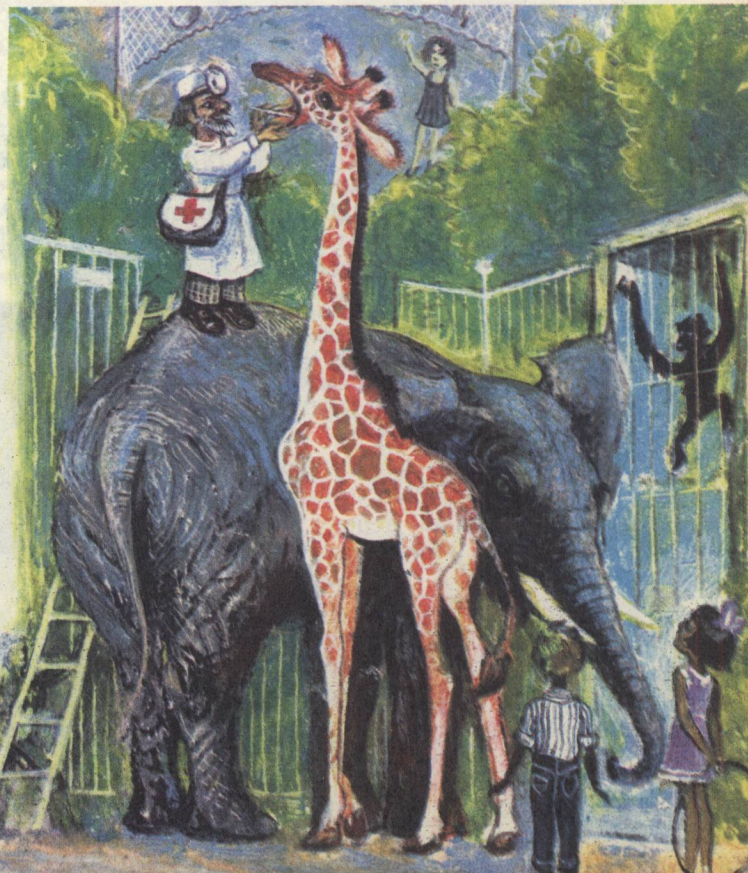
ТРЕХЭТАЖНЫЙ БОЛЬНОЙ

Бранко Чопич

Нашего старого доктора Яна
Как-то позвал телефон утром рано:
— Доктор, садитесь скорее в машину!
Гость к нам приехал, он болен ангиной!
— Гость, говорите? Он что — иностранец?
Вы угадали: наш гость — африканец!
— Я тороплюсь, собираюсь уже.
Да, где больной? На каком этаже?
— Знаете, доктор, нам трудно ответить:
Всюду болит — на втором и на третьем...
Диву дается наш доктор отважный:
— Что за больной! Он у вас —
трехэтажный?
— Да, милый доктор но нам не до шуток.
Ждем в зоопарке сию же минуту:
Болен жираф. Говорят сторожа,
Он простудил два своих этажа!

*Перевод с сербохорватского
Леонарда Кондрашенко*

Рисунки Ю. Швеца

ЛЕСНАЯ СКУЛЬПТУРА

Разные бывают находки. Особенно летом в лесу. Вот коряга, похожая на бегущую собаку. Вот замшелый пенёк, словно старик-лесовик. У его ног вертятся гномы-шишки. Здесь можно найти игрушечного оленя и верблюда, вазу для цветов, а на дне торфяного болота — настоящее ожерелье! Но это удается далеко не каждому. Надо уметь видеть!

Нет, не выламывать живые деревца, весело шумящие на ветру, а именно разглядеть в груди корней на краю торфяного болотца, на полянке или в лесу добрых старых знакомых — лесных зверюшек, сказочных чудовищ, русалок. Секрет природной скульптуры — сохранить то, что создала природа.

Ты наблюдателен? А не проходил ли ты мимо вороха причудливых веток и сучьев? Мимо сваленной ураганом ели с тяжелыми, туго переплетенными корнями?

Для человека наблюдательного такая ель — счастливое открытие, целый мир возможностей. Не холодный блеск бронзы, а теплота дерева придает художественную ценность затейливой вазе для цветов, массивным подсвечникам.

На выставке х резчиков по дереву зрителилюбуются работами А. И. Круковского. Вот они на снимках перед вами.

Может быть, потому, что синяя лес-

ная даль напоминает море, военный моряк, кандидат военно-морских наук Аркадий Иосифович Круковский так любит лес.

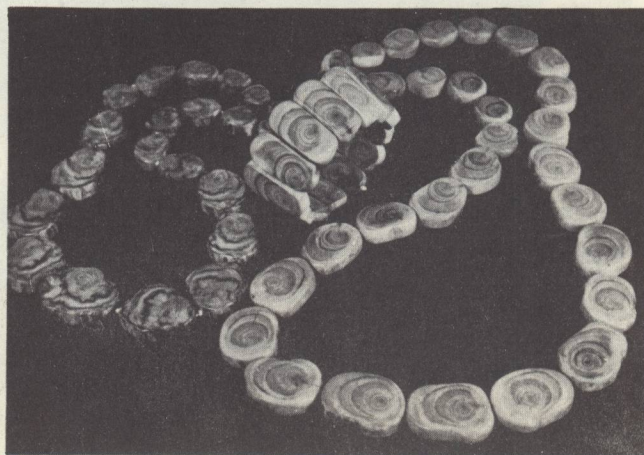
«Материалом для природной скульптуры, — говорит Аркадий Иосифович, — могут послужить ветки, корни деревьев, наплывы на стволах (капы), древесная кора. Из небольших еловых пеньков получаются хорошие шкатулки и вазы. Но особенно удобны для всяких поделок корневища, сохранившиеся в торфе. У них красивый коричневый цвет...»

Из такого вот «шоколадного» корня с четко прорезанными годовыми кольцами выточил Аркадий Иосифович свое ожерелье. Мало найти подходящую ветку или пенек, надо уметь работать пилой и стамеской, коловоротом и рашпилем. Самую удачную находку можно испортить небрежным обращением с материалом. Мастер природной скульптуры искусно выявляет рисунок древесины...

А. И. Круковский любит побродить вдали от города по заросшим тростником и рогозом берегам речек, по болотцам и вересковым полянам.

Досуг Аркадия Иосифовича заполнен «лесными» работами: тут и столик с чернильницей, и торшер, и настольная лампа, и нарядная конфетница. А какие вазы с сухими листьями и цветами, трости, подсвечники!

Т. Филановская

Самолеты чистят... кукурузой

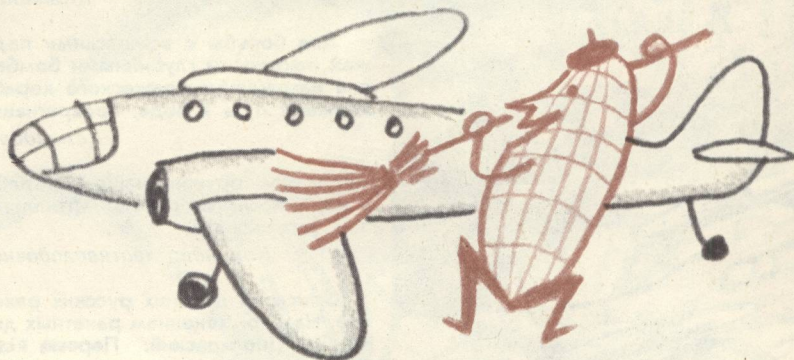
Как удалить нагар или окись углерода с поршней авиамоторов, как очистить от грязи металлические детали современных громадных самолетов?

Делалось это так: воздушная струя из аппарата-пескоструйки, струя, смешанная с песком, направлялась под сильным давлением на самолет и как бы «сбивала» с него грязь и нагар. Но при этом образовывалось облако пыли, вредно действовавшее на здоровье аэродромных рабочих. Недавно советские ученые предложили новую, безвредную, смесь: в воздушную струю добавляют дробленые кукурузные початки, расколотые абрикосовые косточки... Теперь растительные частички отлично чистят механизмы и поверхность отечественных лайнеров.

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

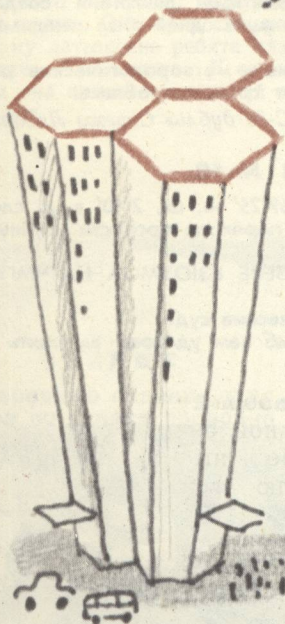
ВЫПУСК
ОДИННАДЦАТЫЙ

Ростовские шестиугольники

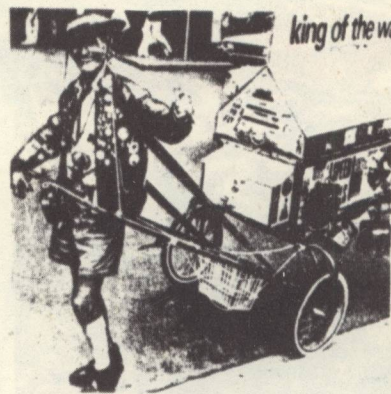
На архитектурном факультете Ростовского-на-Дону инженерно-строительного института ведутся любопытные исследования. Здесь проектируют дома, квартиры, магазины, университет, школы, имеющие в плане форму... шестиугольника.

По мнению ростовских архитекторов, шестиугольник будет популярной и выгодной архитектурной формой. Шестиугольные комнаты, например, можно легко и удобно соединять в компактные квартиры или — наоборот — легко разделять их (в случае нужды) на отдельные секторы. Недаром же, шутят ростовчане, пчела выбрала для сот именно шестиугольную форму.

Автомобиль будущего?

Во Франции начат выпуск трехколесных электромобилей — автомобилей на электробатареях. Пока что машины развивают скромную скорость — двадцать километров в час — и перевозят лишь двух пассажиров. Однако автомобилестроители убеждены, что скоро электромоторы сумеют вытеснить с дорог бензиновые двигатели с их вредными выхлопными газами, отравляющими воздух.

Шагать так шагать

У шестидесятидевятилетнего канадца Эльзара Дика своеобразное увлечение: пешие переходы вокруг света. С небольшой легкой тележкой, на которую погружен скромный багаж, он прошел пешком девяносто тысяч километров.

«ОКЕАН - 2»

Донесения командиров по результатам стрельбы «Молния»

Оружие корабля зависит от назначения самого корабля. Подводные лодки, ударная сила современного военно-морского флота, имеют торпедное оружие для борьбы с вражескими надводными и подводными кораблями. Они могут ставить и морские мины. На некоторых устанавливаются баллистические ракеты. Пушки на подводных лодках сейчас не ставят.

Командир подлодки «Декабрист-3» Ира Рощина

Для борьбы с вражескими подводными лодками наш корабль вооружен ракетными глубинными бомбами. Есть и ракетоторпеды. Они до района нахождения вражеского корабля пролетают в воздухе, а потом продолжают путь в воде, превратившись в самонаводящиеся торпеды.

Командир корабля «Ваня-коммунист» Витя Зубов

Главное оружие нашего корабля — противолодочные вертолеты. Есть у нас и зенитные ракеты, артиллерия, противолодочные реактивные пусковые установки.

Командир противолодочного крейсера «Москва-6» Слава Тищенко

Описание древних русских ракет составил в 1607 году Онисим Михайлов. Над применением ракетных двигателей в космонавтике много работал К. Э. Циолковский. Первые советские ракетные двигатели создал Ф. А. Цандер. Известным ракетостроителем наших дней был академик Сергей Павлович Королев...

Ракеты могут иметь и мирное применение — метеорологические ракеты, ракеты, с помощью которых рассеивают грозовые облака.

Командир подлодки «С-56 дубль» Сережа Лазарев

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 10

Всем кораблям из точки с координатами 69°25' ю. ш., 2°10' з. д. следовать в свои порты приписки. По маршруту перехода провести научные исследования. Доложить в штаб маневров:

1. КАНСЕИОА АУИЯНРО ККМИИОК ИИАЗЕВЕ ЕЗЮУМОА НАТЧМГН? (расшифровать пункт приказа).
2. Какие вы знаете советские океанографические суда.
3. Какие виды живородящих морских рыб вам удалось выловить в океане.

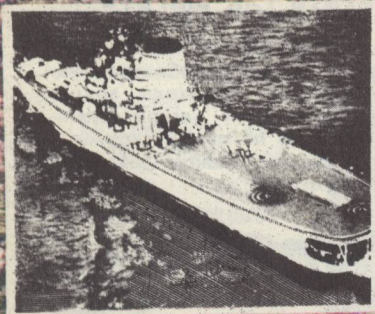
В пресс-группе „Океана-2“

Дорогие друзья, участники пионерских маневров «Океан-2»! В адрес пресс-группы, штаба и корабля связи «Стремительный» приходит очень много интересных фотографий, дневников путешествий, отчетов, телеграмм, сообщений, просто хороших писем, в которых вы рассказываете о своих морских успехах, увлечениях, о жизни.

В 1972 году в спецвыпусках «Морской газеты» вы познакомитесь с лучшими юными моряками, экипажами, клубами, участниками маневров «Океан-2».

Занятия с генеральной картой. Производятся предварительные расчеты курса «Сообразительного». (Экипаж московской школы-интерната № 32)

ЖАВОРОНОК

Еще зима ворчит сердито,
Но снег струится ручейком
Из лошадиного копыта,
Где будет жаворонка дом.

В соцветьях верба мед скопила
И первых сборщиц меда ждет,
А солнце, набирая силы,
Уже на льдины режет лед.

Орешник в пелене цветенья.
Резвятся белки у дупла.
И просыпаются растенья,
И жадут света и тепла.

Пусть по ночам поземка злится
И ветер северный колоч,
Но с песней жаворонка-птица
На солнечный уселась луч.

Янис Плотниекс
Рисунки Велты Торопина

 Уголёк

№ 10

У самого янтарного моря живет маленькая веселая птичка. Она приносит людям хорошие вести. Поэтому латышские ребята назвали свой журнал «Зилите» — «Синичка». К своим маленьким читателям она прилетает каждый месяц уже тринадцать лет.

1

ЧТЕНИЕ

Ты, интересную сказку читая,
Взглядом по буквам проворно скользишь.
Гному труднее—он ростом не вышел.
Прыгает с буквы на букву малыш.

„О“—словно обруч, а рядом какой-то
Длинный, колючий, загадочный знак.
Каждая буква огромна для гнома.
Вот зацепился и дальше—никак.

Самое сложное—это начало.
После—полегче, удачней прыжки.
Слово за словом. Добрался до точки.
Сказку прочел до последней строки.

Ояр Вацетис
Рисунки Аби Зиле

МОЯ МАМА

НАРОДНЫЕ ЛАТЫШСКИЕ СТИХИ

Солнышко, не прячься,
Свет на землю лей!
Матушка, матушка,
Нет тебя милей!

Ты сплети мне, матушка,
Аленький венок,
Чтобы всех наряdney
Стал бы твой сынок.

В огороде-садишке
Краше нет цветочка.
Славная у мамы
Подрастает дочка.

Спой мне, мама, песню,
Приголубь, согрей.
Стану я помощницей,
Вырасти б скорей.

Перевел М. Еремин

Рисунки Кармены Далё

2

ОБМАНУЛА

В середине октября привезла Катя в город ветку сирени с последними, будто обгоревшими по краям, листьями и поставила на окно в банку с водой. В комнатном тепле ветка согрелась. Через неделю набухли на ветке почки. А еще через неделю высунулись из-под коричневой «кожицы» зеленые языки. Стали меж собой переговариваться.

— Весна, братцы! — кричит один. — Ура!

— Что-то быстро на этот раз, — удивляется второй.

— Гляньте, на дворе мухи белые летают! Вот чудеса! — кричит третий.

— А деревья-то черные! Ни одного листика! Братцы, мы, наверно, на другую планету попали! — это четвертый.

— Смотрите, какие звезды на стекле! — радуется пятый. — Красотища!..

Один за другим листья вылезали из своих укрытий, расправлялись, отряхивались. А стекло дрожало от порывов осеннего ветра, и белые мухи летели все быстрее и гуще.

Встала утром Катя и видит: ветка ожила! Захлопала Катя в ладоши, побегала дедушку будить.

— Дедушка! Вставай скорей, у нас чудеса!

— Какие?

— Встанешь — увидишь...

... А листья тем временем тянулись к белым звездам на стекле. На встречу листьям тонкими струйками текли десятки пронзительных сквозняков. Листья дрожали, но упрямо тянулись к стеклу. И вот первый — самый скорый — дотянулся, дотронулся и... прирос. Хотел назад — нет, не пускают белые звезды — примерз, бедняга.

— Братцы! — кричит. — Измена!

Те и рады бы спрятаться под надежную защиту древесной кожи, да нет такого средства, чтоб из большого листа снова стать маленьким... И звезды белые не пускают, и мороз по жилочкам ползет...

А Катя тащит дедушку к окну.

— Скорей, дедушка! Смотри... Ой!

Взглянула Катя на листья и умолкла: почернели, поникли, висят, как тряпки.

— Что это с ними?..

— Как что, — говорит дедушка, — смерзли. Обманула ты их, Катя, вот они и смерзли.

— Я тебя, дедушка, не понимаю, — сказала Катя.

— А ты подумай. И поймешь.

Села Катя за стол, подперла щеки кулаками. Думает.

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

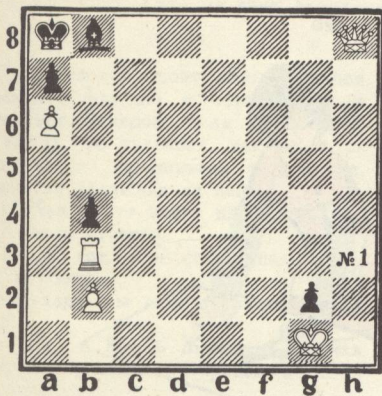
Последнее боевое задание — последние 15 очков, которые требуются для достижения цели. Но довольно слов — в бой!

Шахматисты! Вам надо взять приступом две задачи и этюд!

А. (С. Пушкин) — белые: Крс6, Фd2, Кd7; черные: Крд4, п.d3. Мат в три хода.

Б. Диаграмма № 1. Мат в три хода.

В. Белые: Крh1, Лb1, Са5, п.h2; черные: Крс6, Ла3, п.b2, h3. Белые делают ничью.

Шашисты! Ваше сегодняшнее задание — три позиции арчебековца из Омска — Юры Страгиса. В них белые на грани проигрыша: в первой неприятельская простая грозит стать дамкой, а во второй и третьей у черных на шашку больше. Но в каждой Юра предусмотрел для белых возможность скрытым ударом разгромить противника. Найдите эти пути к победе!

А. Белые: d2, d4, d6, f4, g1, g3, h6(7); черные: b2, b4, b8, d8, f8, g7, h8(7).

Б. Белые: a3, e1, e3, f2, g1, g3, h2(7); черные: b4, b6, c5, e5, g5, g7, h6, h8(8).

В. Белые: c1, d2, e1, f2, f4, g1, g3, g5, h2(9); черные: a3, b2, b4, b6, d8, e7, f6, f8, g7, h4(10).

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИДЕРОВ!

Чтобы выявить победителей турнира в случае равенства очков, лидерам предлагается дополнительное — особой важности! — задание.

Кому следует его выполнять? Только шахматистам, уже набравшим (с учетом приказа № 9) 135 или 130 очков.

Как нужно на него отвечать? Только отдельным письмом с по-

АРЧЕБЕК

меткой на конверте: «Для лидеров!»

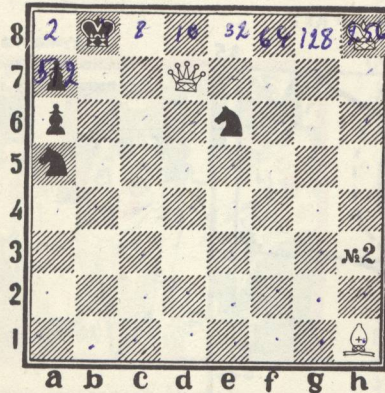
А. Белые: Крд8, Фf8, Лb1, Ле7; черные: Кра2, Сg5, п.h4. Мат в три хода.

Б. Белые: Крс1, Ла2, Лf1; черные: Крh1, Сg1, п.а5, h2. Мат в пять ходов.

В. Белые: Крг5, Лh8, п.h7; черные: Кра2, Ла7. Белые выигрывают.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Знаешь ли ты, что называется шахматной задачей? Это такая придуманная позиция, в которой требуется найти, как в заданное число ходов белые объявляют мат черному королю. Начинают всегда белые. Решающему надо найти такие их ходы, которые приведут к мату при любых (даже самых лучших!) ответах черных.

Боевое задание: решить задачу на диаграмме № 2. В ней белые дают мат в 2 хода.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Зашли вчера сюда три рыцаря — Коля, Сеня и Павлик.

— Эх, — сказал Коля, проиграв Павлику, — была бы у меня еще хоть пешечка, провел бы я ее в ферзи и выиграл!

— «Была бы», но ее нет, — заметил Сеня.

— А если бы и была? — подхватил Павлик. — Так бы ты сра-

зу и провел! И потом: откуда ты знаешь, что ее лучше было бы именно в ферзя превратить?

— Во что же еще? Ферзь — самая сильная фигура!

— И все равно бывает, что выгоднее превратить пешку не в ферзя.

— Ну, это в задачах, — возразил Коля. — А в игре — не бывает.

— Тут он прав, — поддержал Сеня, — в игре так не бывает.

— Не бывает?! Еще как! Вот смотрите, — и Павлик стал показывать такую партию:

1. d4 d5 2. c4 e5 3. de d4

Вариант этот называется «контргамбит Альбина». Тут черная пешка d4 препятствует быстрому развитию сил белых. Но не пытайтесь сразу ликвидировать ее!

4.e3? Сb4+ 5.Cd2! 6. С:b4? ef+ (диаграмма № 3).

Белым нельзя теперь пойти 7.Кр:f2 из-за 7...Ф:d1. Но приемлемым выглядит 7.Кре2 — ведь и после 7... Ф:d1+ 8.Кр:d1 fgФ 9.Л:g1, и после 7...fgФ 8.Ф:d8+ Кр:d8 9. Л:g1 белым, как будто, неплохо?

— Но здесь-то собака и зарыта! — закончил Павлик. — В ответ на 7.Кре2 черные хоть и играют fg, но пешку превращают в...

Доблестные рыцари! Как вы думаете: во что черным лучше превратить пешку? И почему?

ПРИКАЗ № 10

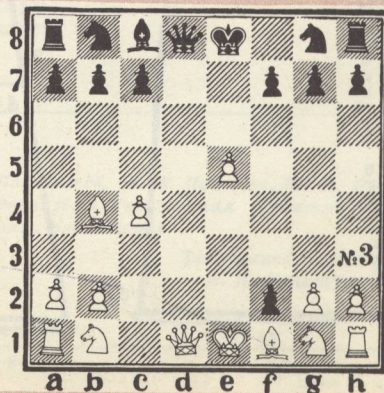
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОВОМ, приказываю:

§ 1. О выполнении боевых заданий и задания для лидеров доложить до 15 декабря.

§ 2. Рыцарский турнир считать законченным! И поэтому вместе с докладом № 10 выслать все почетные знаки для подсчета очков, присуждения спортивных разрядов и призов, определения победителей.

§ 3. Трижды салют!!!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

128
+128
256
+256
512
+256
768
+256
1024

ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА

Однажды Чарльза Диккенса пригласили выступить с лекцией в одном провинциальном колледже. Профессор, которому было поручено встретить писателя на железнодорожной станции, не знал Диккенса в лицо. Когда прибыл поезд из Лондона и на перроне появились пассажиры, профессор подошел к одному из них:

— Простите, вы не мистер Диккенс?

— К счастью, нет, — сухо ответил приезжий.

Профессор обратился с тем же вопросом к другому.

— К сожалению, я не Диккенс, — был ответ.

Третий оказался тем, кого ждали.

Когда профессор рассказал гостю о двух столь разных ответах, Диккенс задумчиво заметил:

— Интересно, кто из этих двоих читал мои романы?..

* * *

Французский поэт Жюль Жанен приехал в Англию и остановился в гостинице. Вечером, сидя в гостиной у камина, он услышал, как один из постояльцев спрашивает у хозяина, незаметно указывая на него:

— Как зовут этого иностранца?

Хозяин ответил.

Тогда тот, кто спрашивал, подошел к поэту:

— Сударь, вы действительно Жюль Жанен?

— Да, я Жюль Жанен, — отвечал поэт, польщенный интересом к своей персоне.

— Мистер Жанен, — продолжал англичанин, — я советую вам сесть подальше от камина. Фалды вашего фрака уже начали тлеть.

* * *

Чарли Чаплина пригласили на выставку одного современного художника.

— Ну, как вам понравилось? — спросил распорядитель выставки после осмотра.

— Могло быть и хуже, — пробормотал Чаплин, обводя широким жестом стены, увешанные абстрактными полотнами.

— Может быть, вы измените свое мнение, — засуетился распорядитель, — нам бы хотелось поместить ваш отзыв в газетах!

— Могу сказать и по-другому, — охотно согласился Чаплин, — х у ж е быть не могло!

СОДЕРЖАНИЕ

Девушка в лисьей шапке очерк Г. Балужева рисунки Н. Кустова	1
Быть мужчиной отрывок из повести В. Козлова рисунки Н. Лямина	5
Всегда вожатый воспоминания Д. Гунина	12
Здравствуй стихотворение Л. Мочалова	14
Полосы на окнах повесть Виктора Голявкина рисунки автора	15
Поговорим о твоём рисунке беседа художника В. Ветрогонского	24
Здесь делают кометы репортаж Ю. Колтева оформление А. Януса	26
Перезимовавшая колибри рассказ Уильяма Сарояна рисунки В. Бескаравайного	28
Базбазифа рассказ Р. Колотухина рисунки Ю. Шабанова	30
Отвечаем на твой вопрос переписка «Костра»	33
Пионерия 50	34
У костра стихи наших читателей рисунки И. Казаковой	35
Кронштадтский детектив повесть В. Инфантьева рисунки А. Сколозубова	37
Ровеньки + Владивосток = Дружба фотоочерк В. Мариковского	48
Школа «Спринт» рисунки В. Бендингера	50
Морская газета оформление Р. Попова	52
Школа устода Салимджана очерк Е. Кисельер фото А. Губенко и Б. Черемисина	54
Стихи югославских поэтов рисунок П. Швеца	57
Лесная скульптура	58
Вот так штука	59
«Океан-2»	60
Уголёк	61
Шахматы	63
Квартира 64	64

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Пойков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36230. Подписано к печати 24/VIII 1971 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600000 экз. Заказ № 944. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

9-17

В большом и шумном Белграде — столице Югославии — есть большой старый дом, а в доме — маленькая комната. В ней шагают бесстрашно навстречу быку матадоры и скачут белые кони, лептня, как облака. Лукаво улыбаются восточные царевны. Сурово молчат партизаны — в одном отряде с ними художник Сава Николич, нарисовавший все это, прошел тяжкий путь войны.

Сава Николич рисует с тех пор, как помнит себя. Его любимые краски — черная, белая, красная. За рисунки художник получил югославскую государственную премию «Невен» — цветок, который никогда не вянет.

Недавно Сава Николич гостил в Советском Союзе. В Ленинграде он пробыл всего несколько дней. Но в один из этих дней он не выходил из номера гостиницы; художник работал, чтобы читатели «Костра» могли увидеть вот эти рисунки.